

АХМАД ДЕХГАН

**ПЕСЧАНЫЕ ЗЕМЛИ
КУШКА**

Ростов-на-Дону

2020

УДК 82-311.6

ББК 84

A11

Ахмад Дехган

A11 Песчаные земли Кушка. О жизни Абдоль-Хусейна Борунси - Ростов-на-Дону: Медиаграф, 2020. - 236 с.

Данная книга посвящена воспоминаниям друзей и близких о жизни легендарного и известного иранского командира времён ирано-иракской войны Абдоль-Хусейна Борунси. Высокий дух и нравственные качества Борунси привлекали его сослуживцев и надолго запомнились всем, кто общался с ним.

Для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-6044725-6-9

© Помни Хусейна

ОГЛАВЛЕНИЕ

Биография.....	5
Самый лучший аргумент.....	7
Загородное поместье полковника.....	9
Фатима Борунси и тайна той ночи.....	14
Единственная мечеть в посёлке.....	25
Поездка в Захедан.....	26
Обмёрзший.....	29
Речь праведника.....	31
Решение о казни.....	33
Жеребьёвка.....	41
На посту охраны.....	44
Настоящий ангел.....	45
Выделенный дом.....	47
Обет ради Всевышнего.....	53
Плохая оценка.....	55
Военная операция баз обратной дороги.....	57
Забота её светлости Фатимы Захры.....	60
Очередь за едой.....	61
Золотой перстень.....	62
Последнее желание.....	64
Отряды гранатомётчиков.....	66
Божье провидение.....	67
«Передайте салам нашему брату Борунси!».....	69
Речь по принуждению.....	72
Моя жена и сотня гурий.....	73
Воспоминание о высоте 124.....	74
Дежурный.....	77
Идеальное состояние для ночной молитвы.....	78
Каждому по порции.....	79
Авторитет командира.....	80
Песчаные земли Кушка и память о Борунси.....	81
«Будьте добры, примите бразды командующего!».....	94
Лампа.....	96
Благосклонность восьмого имама.....	98
Лишь одна слезинка.....	100
Расходы на поездку в хадж.....	104

<i>Подарки со своего кармана.....</i>	<i>105</i>
<i>Казённая свеча.....</i>	<i>107</i>
<i>Стиральная машина.....</i>	<i>109</i>
<i>Доля моей семьи.....</i>	<i>111</i>
<i>Тяжёлые условия.....</i>	<i>112</i>
<i>Пустые ящики.....</i>	<i>114</i>
<i>Отдельная палата.....</i>	<i>116</i>
<i>Новая куртка.....</i>	<i>118</i>
<i>После боевой операции.....</i>	<i>120</i>
<i>Участок земли.....</i>	<i>122</i>
<i>Причины и цели.....</i>	<i>123</i>
<i>Любовь к детям.....</i>	<i>124</i>
<i>Поход с ребёнком.....</i>	<i>126</i>
<i>Незначительная должность.....</i>	<i>127</i>
<i>Пуля в руке.....</i>	<i>131</i>
<i>Явление.....</i>	<i>133</i>
<i>Вблизи моста Хафтдаханэ.....</i>	<i>134</i>
<i>Правильное воспитание.....</i>	<i>137</i>
<i>Тавассуль.....</i>	<i>145</i>
<i>Изогнувшаяся веточка.....</i>	<i>147</i>
<i>Самый первый.....</i>	<i>150</i>
<i>Самый последний.....</i>	<i>153</i>
<i>Гранатовая высота.....</i>	<i>155</i>
<i>Самое приятное, что можно услышать.....</i>	<i>159</i>
<i>Стрелки-одиночки.....</i>	<i>161</i>
<i>Пустыня тысячи бед.....</i>	<i>181</i>
<i>Мой саван.....</i>	<i>185</i>
<i>Главная часть жизни.....</i>	<i>187</i>
<i>Перекрёсток Хандак.....</i>	<i>188</i>
<i>Могила без надгробия.....</i>	<i>191</i>
<i>Прощание с отцом.....</i>	<i>198</i>
<i>Батальон наготове.....</i>	<i>200</i>
<i>Та незабываемая ночь.....</i>	<i>206</i>
<i>Свадьба.....</i>	<i>208</i>
<i>Благосклонность шахида.....</i>	<i>210</i>

БИОГРАФИЯ

Он родился в 1942-м году в иранской деревне под названием Кадкан, относящейся к административному центру Торбете-Хейдерийе ¹. Его звали Абдоль-Хусейн, и это имя будто бы указывало на то, что, когда Всевышний, сотворив все души, спросил у них: «Разве не я ваш Господь?», он без каких-либо колебаний и лицемерия смело ответил: «Да – Ты, воистину, и есть наш Господь!».

Его воинственный дух протеста и борьбы против несправедливости и нечестия проявился ещё в раннем детстве, когда он учился в начальной школе – будучи в четвёртом классе, он отказался посещать занятия своего учителя ввиду его идей и поступков, которые противоречили мировоззрению Абдоль-Хусейна.

В 1962-м году он поступил на службу в армию, где стал объектом для нападок со стороны офицеров шахской системы и других высших чинов по причине своих твёрдых религиозных убеждений, которые полностью противоречили тираническому строю как в армии, так и в стране.

В 1968-м году Абдоль-Хусейн женился. Его избранницей стала девушка из набожной семьи, отцом которой был выпускник исламской духовной семинарии. Примерно с того же момента начался его долгий и непреклонный путь борьбы против тиранического режима в стране, длившегося вплоть до его мученической смерти. Вскоре после своей женитьбы он начал активно выступать против шахской внутренней и внешнеполитической системы, в частности – против проведённой им земельной реформы. В тот момент, когда волна протеста достигла своего апогея, Абдоль-Хусейн был вынужден переселиться вместе со своей семьёй в священный город Мешхед ². С этого момента начался новый этап в его насыщенной жизни.

Через некоторое время после переселения в Мешхед, он, наряду со своей работой, также начинает всерьёз заниматься религиозными науками. Абдоль-Хусейн прошёл долгий путь борьбы, на протяжении которого его множество раз арестовывали, сажали в тюрьму и даже пытали, в том числе и широко известные своей жестокостью члены тайной полиции САВАК ³. После Исламской революции в Иране и свержения шаха династии Пехлеви, Абдоль-Хусейн вступил в ударный отряд Корпуса Стражей Исламской Революции (КСИР). С первых дней вторжения иракской армии на западную часть Ирана, он отправился на фронт. В течение того времени, что он провёл на фронте, в его жизни открылась новая «золотая» страница.

По причине проявленных им во время боевых операций лидерских качеств, его назначали на разные должности. В итоге Абдоль-Хусейна назначили бригадиром 18-й бригады имени Джавадоль-Аимма, и случилось это как раз перед началом операции «Хайбар».

Будучи в этом звании, он пал мучеником во время выполнения операции

«Бадр», в течение которой Абдоль-Хусейн проявлял чудеса героизма и самопожертвования.

С 14-го марта 1985-го года он числился среди убитых, но его тело на тот момент не было обнаружено. 29-го апреля 1985-ого года - после того, как тело Абдоль-Хусейна было найдено, его придали земле в священном городе Мешхед, в который он в свое время переселился.

---

¹ **Торбете-Хейдерие** — город на северо-востоке Ирана, в провинции Хорасан-е Резави.

² **Мешхед** – второй по крупности и численности населения город Ирана, административный центр остана Хорасан-е Резави, один из главных священных городов для мусульман-шиитов.

³ **САВАК, в Европе известен также под названием «SAVAK»** — Министерство государственной безопасности Ирана, времён правления шаха Мохаммеда Реза Пехлеви. Официальное название на — «Сазман-е Эттелаат ва Амният-е Кешвар». После свержения, произошедшего в результате государственного переворота, правительства Мохаммеда Мосаддыка 19 августа 1953 года, шах решил создать эффективную систему внутренней безопасности, чтобы укрепить монархический режим, и таким образом поставить политических оппонентов под наблюдение тайной полиции и подавить диссидентские движения.

Рассматривая армию как главную политико-силовую опору режима, иранский шах в послемосаддыковский период стал придавать большое значение реорганизации полиции и спецслужб, с помощью которых в стране начались жёсткие систематические репрессии по отношению к оппозиционным группам и инакомыслящим. Среди подобных структур самой значительной стала «Организация безопасности и информации страны» (сокращённо «САВАК»).

САМЫЙ ЛУЧШИЙ АРГУМЕНТ

Рассказчик: мать Абдоль-Хусейна

В нашей небольшой деревне была всего одна школа, и та – начальная. Ещё в то время, Абдоль-Хусейн учился в четвёртом классе. Несмотря на то, что, помимо учёбы, он также работал вместе с отцом по хозяйству, помогая ему, оценки у Абдоль-Хусейна всегда были хорошими. Однажды, вернувшись со школы, наш сын, без каких-либо вступлений и объяснений, с порога заявил:

– Разрешите мне с завтрашнего дня не ходить в школу.

Мы с мужем удивились такой просьбе сына, ведь за всё то время, что он учился, не было даже ни малейшего намёка на нечто подобное.

– Ты ведь всегда любил школу, – удивился его отец. – Почему же теперь ты не хочешь посещать её? Что-то случилось?

Только Абдоль-Хусейн собирался ответить, как тут же осёкся. Было видно, что к горлу его подступил ком, ему отчего-то хотелось плакать, но вместе с этим он испытывал явную злость.

– Отец, – все же собравшись с силами, ответил он, – давай с завтрашнего дня я буду выполнять любую работу в нашем хозяйстве, какую скажешь, и столько, сколько на то хватит моих сил, но, прошу вас, больше не отправляйте меня в эту школу.

Сказав это, он не выдержал более и начал плакать. Мы понимали, что случилось что-то очень серьёзное, раз он просил о таком и вёл себя соответственно странно, но, как бы мы ни пытались вытянуть из него хоть одно слово, желая получить какое-либо объяснение, наш сын ничего не говорил о причине столь внезапной просьбы.

На следующий день мы поняли, что настрой его был более чем серьёзным. Отец, естественно, не мог просто взять и согласиться с его, можно сказать, требованием. Утром, выходя из дома, чтобы отправиться на работу, отец стоял, уже надев один ботинок.

– Либо ты идёшь в школу, либо говоришь, что вчера случилось, – сказал он.

– Сынок, прошу тебя, расскажи хотя бы мне, – вступила я в разговор.

Абдоль-Хусейн лишь стоял, опустив голову, и ничего не говорил. Я подумала, быть может, он просто стесняется и ему неудобно говорить при отце о том, что там случилось. Я взяла сына за руку и отвела в другую комнату. Немного успокоила, поласкала его и обняла.

– Мама, эта школа стала очень грязной! – неожиданно заявил он.

– Почему же, сынок? – с удивлением спросила я.

Он со злостью и презрением в голосе назвал имя своего учителя, которое я не хочу упоминать здесь, и сказал:

– Вчера я видел этого подлеца с одной девушкой, и они...

Стыд, который он, очевидно, чувствовал всем своим существом, не позволил ему продолжить, и вместо этого, он лишь начал плакать ещё сильнее.

– Эта школа стала нечистой, – повторил он. – Я больше не пойду туда.

В той школе был всего один учитель, и он, как нам и самим было известно, являлся человеком, который потерял связь с Богом, но то, что он занимается нечто подобным, тем более в самой школе – там, где это могут увидеть дети, мы не могли даже представить.

Я рассказала мужу всё, как есть. Абдоль-Хусейн никогда в жизни не лгал нам, и потому у нас не было ни единого повода, чтобы не доверять ему или же сомневаться в его словах.

– Раз уж всё в действительности так, – сказал он, – то я и сам не желаю, чтобы наш сын посещал эту школу.

В нашей деревне, помимо школы, была ещё и библиотека. И со следующего дня мы отправили Абдоль-Хусейна туда, чтобы он обучался Корану.⁴

---

⁴ Описываемый здесь случай произошёл примерно в 1954-м году.

ЗАГОРОДНОЕ ПОМЕСТЬЕ ПОЛКОВНИКА

Рассказчик: сейид Казым Хусейни

Однажды Абдоль-Хусейн рассказал мне о случае, который произошёл с ним во время его службы в шахской армии. В нем можно наблюдать силу духа, дарованного Богом, который он воспитал и взрастил в себе уже к тому времени. Итак, он рассказал мне о следующем:

«После того, как меня и других ребят призвали в армию, нас направили в гарнизон Бирдженд⁵, располагавшийся в городе Бирдженд. После прохождения обучающего курса молодого бойца, настало время нашего распределения, с целью которого нас выстроили в шеренги с самого утра. До начала непосредственно самого официального распределения, пришёл главный по гарнизону и начал, не спеша, расхаживать перед построившимися новобранцами. Он внимательно всех рассматривал, вглядывался каждому в глаза и продвигался всё дальше, вперёд. Проходя очередной ряд, он вдруг остановился и начал внимательно смотреть на одного новобранца.

– Выходи, – приказал ему командир.

Таким образом, он вызвал ещё два или три человека. Сам я был высокого роста и крепкого телосложения, а лицо мое было суровым, как обычно и бывает у деревенских жителей, по крайней мере, мне всегда так говорили друзья и знакомые.

Командир всё ещё обходил шеренги и искал людей, а для чего это всё было, я даже не догадывался. Когда он дошёл до меня, то вновь остановился и начал чуть ли не сверлить меня своими глазами, будто бы пытаюсь заглянуть прямо в мою душу. Чувствовать на себе этот взгляд было не самым приятным из того, что мне вообще доводилось испытывать в жизни, но я старался не подавать виду и сохранять хладнокровие. Он начал оглядывать меня с ног до головы.

– Ты тоже, на выход, – в конце концов, приказал он.

– Везёт же тебе, – тихо сказал кто-то сзади.

Я вышел из ряда, а позади всё слышались высказывания в том же духе:

– Будешь ты теперь пребывать в неге и блаженстве!

– Причём ведь до самого конца службы. Везёт же людям.

Один офицер вписал моё имя куда-то и послал к остальным «избранным». Мне стало очень любопытно, что это всё могло означать, куда нас определили и для чего. «Что же это за привилегия такая, раз ребята так сожалеют о том, что выбор пал не на них?» – спрашивал я себя.

Многие из тех, кто стоял там, смотрели на меня с некоторой завистью и сожалением. В итоге, из всех были выбраны четверо или пятеро человек. Тот же офицер, который записывал наши имена, отвёз нас в санаторий, в котором мы были временно размещены перед предстоящей отправкой.

---

⁵ Учебный военный гарнизон, располагающийся на юге остана Хорасан в окрестностях административного центра – Бирдженда.

– Идите, собирайте свои вещи и быстро возвращайтесь обратно. И не задерживайтесь, – сказал он нам.

Во мне играло любопытство, и оно все больше росло с каждой секундой. С ребятами, которых привезли сюда вместе со мной, я был не особо знаком, чтобы вот так, с лёгкой руки, начать их расспрашивать о том, знают ли они вообще о том, что здесь творится, или есть ли хоть какие-нибудь подозрения. Закинув свои вещи в сумку, я сразу вышел. Снаружи нас ожидал подъехавший джип. Подождав других, мы все закинули поклажу в багажник, а сами расселись по пассажирским местам.

Нас отвезли в сам город Бирдженд. Через несколько минут мы остановились перед каким-то роскошным поместьем. Офицер вышел из машины и сказал мне, что я тоже должен выйти. Пока он направлялся к входным воротам, следом нажимая на звонок, я взял из багажника свою сумку и подошел к нему.

– Отныне ты будешь работать на владельца этого дома, – сообщил мне офицер, – Будешь делать всё, что тебе прикажут, без раздумий и каких-либо расспросов.

Я с удивлением посмотрел на него. Понимает ли он сам, о чем вообще говорит? Как я только собрался ответить ему, ворота открылись. Из-за них показалась скромно одетая пожилая женщина. На ее голове была пёстрая и обветшалая чадра в цветочек, которую она принялась поправлять, как только увидела нас.

– Сообщите госпоже, – сразу бросил офицер, не дав возможности женщине начать говорить, – что этот солдат будет полностью в её распоряжении.

Когда я услышал слово «госпожа», то был крайне удивлён. Офицер уже собирался уйти.

– Постойте, – сказал я ему, – у меня ведь здесь нет оружия, да и вообще ничего нет. Как я должен буду охранять дом?

– Да успокойся ты, – сказал он после того, как издевательски посмеялся, – с сегодняшнего дня, ты должен снять с себя и эту одежду, которая сейчас на тебе, и одеться в другую, гражданскую.

Ещё во время прохождения курса молодого бойца, нам ясно дали понять, что в армии нужно полностью и беспрекословно подчиняться любому приказу начальства, и если оно скажет: «Иди и умри!», то мы, без каких-либо раздумий, должны будем это сделать. Только лишь по этой причине я, будучи ещё под влиянием этих установок, послушался офицера и пошёл вслед за этой престарелой женщиной, но непонимание смысла того, что я должен прислуживать некой женщине – да и что конкретно я должен был делать? – не давало мне покоя. Прямо напротив ворот стоял величественный особняк, поражающий своими большими размерами и роскошью. Всю эту величественную картину дополняли посаженные вокруг разного рода цветы и необычайно красивые деревья, которые стремились своими кронами к небу.

– Иди за мной, – сказала мне женщина.

Мы вошли в здание. Женщина остановилась рядом с лестницей, ведущей наверх, и указала мне на одну из комнат, которая находилась на втором этаже.

– Госпожа находится там, – сообщила она.

– Что я вообще должен делать? – уже громко спросил я. – Прислуживать женщине и служить в армии – это ведь совершенно разные вещи!

Глаза её сразу округлились, отразив внутренний страх.

– Потише, сынок! – умоляюще воскликнула она. – Не говори так громко!

С некоторым сомнением и страхом посмотрев наверх, она добавила:

– Госпожа сама тебе скажет, что надо делать. Не переживай, нрав у неё не из худших.

– Так что же я, в конце концов, должен буду делать? – вновь спросил я.

Было похоже на то, что она боится отвечать. Чтобы внести немного ясности в эту ситуацию и понять уже, что меня ожидает, я поднялся наверх и пошёл туда, куда ранее указала та старая женщина. Дверь была настежь открыта, поэтому в неё нельзя было даже постучаться. Через дверной проём на полу были видны дорогие шикарные ковры ручной работы. Нагнувшись, я развязал шнурки на ботинках, и, следом сняв обувь, осторожно прошёл на два-три шага вперед.

– Йа Аллах ⁶! – воскликнул я.

Никто ничего не ответил.

– Йа Аллах! Йа Аллах! – повторил я.

– Тебя по голове, что ли, стукнули? – изнутри раздался возмущённый голос молодой женщины. – Что это вообще значит – «Йа Аллах!»? Заходи уже!

Я встал у двери, не решаясь войти. Шёпотом произнеся: «О, Аллах! Только на Тебя я уповаю!» – я решил зайти внутрь. Из-за той картины, что предстала моему взору, взгляд мой помутился, в глазах вдруг потемнело, и я чуть было не потерял сознание. И как ты думаешь, что же я такого там увидел?

На диване, находящемся в углу комнаты, сидела молодая женщина. На ней не только не было хиджаба ⁷, но она ещё была одета – если это вообще можно было назвать одеждой – в мини-юбку. На лице ее была симфония разных ярких красок, которая, судя по всему, должна была придать этой бедняге красоты, изящности и соблазнительности. Ноги её были сложены одна на другую, и такая поза, судя по всему, для неё была вполне привычной и естественной. По всему моему телу прошел холодок, проступил холодный пот.

Некоторое время я стоял в оцепенении, не в состоянии что-либо сказать или сделать. Женщина, видя, что со мной происходил, замолчала. Когда я

---

⁶ Мусульмане Ближнего Востока обычно так говорят, когда хотят дать понять тем, кто внутри помещения, что они заходят. Является своего рода предупреждением или спрашиванием разрешения на то, чтобы войти.

⁷ Любого рода одежда, скрывающая тело и волосы женщины, за исключением лица и кистей рук.

пришёл в себя, то начал пятиться обратно, на выход, и в следующее мгновение я уже оказался по другую сторону двери. Я толком даже не помню, как это произошло. Быстро натянув ботинки, с болтающимися шнурками я рванул к выходу.

– Куда ты побежал, пёс? – со злостью кричала мне вслед эта особа.

Естественно, на её крики я не обратил никакого внимания. Спускаясь по лестнице, я встретил ту же пожилую женщину – на ней не было лица, и оно выражало дикий испуг. Перед ней я тоже не стал задерживаться и выскочил на улицу, прочь от этих больных людей. Пенсионерка побежала вслед за мной, сколько ей позволяла оставшаяся в её годы прыть и выносливость.

– Госпожа ведь зовёт тебя! – кричала она мне, запыхавшись, вслед.

– Да чтоб она умерла, надорвавшись! – убегая, парировал я.

– Но если ты не вернешься, тебя ведь убьют! – не унимались она.

– И то ведь лучше, – ответил я.

Расстояние увеличивалось, я всё больше отдалялся от пенсионерки и от этого проклятого места, как вдруг вспомнил, что не знаю адреса нашего гарнизона. Я вдруг резко остановился, и вслед за мной остановилась и та старая женщина.

– Вы, случаем, не знаете адрес гарнизона "0-4"? – спросил я.

– Зачем он тебе? – с удивлением спросила она.

– Хочу убежать туда, прочь из вашего ада, – спокойно ответил я.

– Прошу тебя, сынок, – вновь взмолилась она, – пожалей себя! Зачем ты себя так ведёшь? Ты ведь получишь здесь деньги, лучшую еду, жизнь, да и вообще – всё самое лучшее! Ты сможешь просто наслаждаться жизнью здесь, не беспокоясь ни о чем!

– Матушка, – сказал я, – я больше предпочту семьдесят лет невзгод и лишений, чем пробуду тут с вами хоть день.

Когда я понял, что женщина всё никак не сможет успокоиться, пытаюсь уговорить меня вернуться, я, узнав адрес гарнизона у случайного прохожего, отправился туда. По улице машины почти не ездили, и даже пения птиц здесь слышно не было. Лишь изредка тишину прерывал рёв машины, которая, не обращая на меня никакого внимания, с шумом проезжала мимо.

В конце концов, я добрался до своего гарнизона. По прибытию меня сразу же арестовали. Как оказалось, тот особняк принадлежал одному влиятельному полковнику, и та женщина была его женой, личной прислугой которой они меня и определили. Мне лишь оставалось удивляться тому, сколь мало на самом деле чести было у этого, как всем казалось, важного лица.

Два или три дня все пытались уговорить меня, чтобы я передумал и вернулся обратно, но я, ни в какую не соглашался. Когда тот влиятельный полковник узнал об этом, то сказал примерно следующее: «Вправьте этому мерзавцу мозги, чтобы он осознал, что армия – это не его отчий дом, где он может выбирать, что и как ему делать. Научите его подчиняться приказам вышестоящего начальства!».

На территории гарнизона было восемнадцать туалетов, для чистки которых каждую смену назначались четыре человека. Когда смена заканчивалась, их заменяли другие четыре человека. В качестве воспитательной меры было решено назначить меня чистильщиком всех восемнадцати туалетов, причём во все смены.

Целую неделю я только и делал, что занимался чисткой туалетов: час за часом, день за днём, почти не отдыхая. На восьмой день, в самом разгаре моей «работы», по мою душу явился один офицер.

– Ну что, деревенщина, научился уму разуму? – спросил он, при этом издевательски посмеиваясь.

Я ничего не ответил ему и лишь смотрел прямо в глаза с полным достоинства видом, но он не думал так легко сдаваться и продолжил с ещё большим презрением и упреком.

– Понимаешь ли ты, дурень, в каком выгодном положении, блаженстве и неге ты находишься, чего сам себя лишил? И, самое главное, что ты получил взамен?

Я лишь вытер рукавом формы пот со лба. Клянусь тебе, я чувствовал в тот момент поддержку Всевышнего и Его наместника – имама Махди, и если бы не это, то я не смог бы выйти из этой ситуации с таким достоинством.

– Если даже вы заставите меня выгребать все нечистоты этих восемнадцати туалетов в какое-нибудь ведро, а потом нести это ведро далеко в пустыню и сливать эти нечистоты там. Даже если это будет продолжаться весь период моей службы, то даже тогда я с удовольствием буду делать все это, вместо того, что вы предлагаете мне взамен. Ноги моей не будет в том доме.

– Это твоё окончательное решение? – гневно спросил офицер.

– Даже если будете волоочь меня туда, то все равно я не соглашусь на это. Воспитательная мера в отношении меня продолжалась двадцать дней. Когда же они поняли, что я на их условия соглашаться не собираюсь, то они, наконец, сдались и отравили меня в рабочий отряд⁸.

---

⁸ Начало службы шахиды Борунси датируется 4 сентября 1962-го года.

ФАТИМА БОРУНСИ И ТАЙНА ТОЙ НОЧИ

Рассказчик: Ма'сума Сабокхиз (жена)

То был 1968-й год. Первые дни нашей совместной жизни с Абдоль-Хусейном были особенными. Чем больше длился наш брак, тем больше и лучше я знакомилась с его благородным и высоким нравом. И со временем я поняла, почему он женился на мне – мой отец был из духовенства, а Абдоль-Хусейн как раз искал девушку из хорошей, набожной семьи.

В те времена он занимался сельским хозяйством. У него не было своей земли, даже одного метра, и поэтому он работал наёмным рабочим то для одного, то для другого. Абдоль-Хусейн был вполне доволен тем куском хлеба, на который ему удавалось зарабатывать таким образом.

Когда я вышла за него, у него имелась рисалья⁹ имама Хомейни, и она отличалась от всех остальных, которые мне когда-либо доводилось видеть – на первой её странице была фотография самого имама. Если бы об этом узнала полиция, то они арестовали бы моего мужа за хранение такой книги и точно назначили бы суровое наказание.

У моего отца также было несколько книг, авторство которых принадлежало имаму Хомейни. Он давал их для чтения тем, кому доверял, и в чьей надёжности был уверен. Отец занимался и другими делами, связанными с Исламской революцией. Было такое чувство, что Всевышний сотворил его специально для Абдоль-Хусейна. Вечерами он приходил в дом к отцу, и тот читал и разъяснял ему разные труды имама Хомейни. Можно сказать, что у них проходил полноценный процесс обучения. На этих уроках Абдоль-Хусейн забывал об усталости от работы за весь день и буквально набирался сил. Когда он слушал отца, его глаза и уши были полностью подчинены ему, и в них был виден весь тот интерес и то стремление, которые он испытывал к знаниям.

На путь борьбы против шахского режима он встал ещё в раннем возрасте, и даже спустя время он твёрд и непреклонен. Всё, что было связано с революцией, для него стояло на первом месте в жизни. Однажды к нам в село заехал один из представителей духовенства. Он выступил с проповедью в мечети, во время которой высказывал антишахские идеи. После наступления темноты, муж привёл его ночевать к нам домой. Впоследствии Абдоль-Хусейн начал регулярно предпринимать что-то в подобном же духе.

Думаю, не будет лишним упомянуть тот факт, что основной путь его борьбы против шахского режима начался после того, как шах провёл земельную реформу, вследствие которой земли, отнятые у крупных землевладельцев, начали раздавать крестьянам.

Как раз в то время у нас родился первенец, которого мы называли Хасан. Большинство жителей сёл и деревень были очень рады инициативе шаха.

---

⁹ **Рисалья** – свод шариатских положений, составляемый муджтахидом – знатоком исламского права.

Но что касается моего мужа, то его гнев и недовольство существовавшим правительством усилились, став очевиднее, как никогда прежде. Абдоль-Хусейн стал угрюмым, и даже тень улыбки не проскальзывала на его лице в те времена – всё время он пребывал в тяжёлых и глубоких думах. Я не могла понять причину такой реакции с его стороны, ведь для жителей сёл и деревень, в особенности для тех, у кого не было своей земли, это была прекрасная возможность обеспечить своё будущее.

Столь резкий контраст между моим мужем и всеми остальными людьми в восприятии данного события ещё больше подогревал мой интерес к причине неординарности его реакции. Когда Абдоль-Хусейн в очередной раз выразил своё недовольство реформой, я решила, наконец, спросить его об этом.

– Скажи мне, – попросила я, – почему многие люди, в том числе наши родственники и соседи, радуются этим изменениям, а ты так сильно печалишься?

Чувства так и переполняли его, говорил он не очень внятно, ну или просто я не смогла точно понять его. Помню только то, что он сказал, что они только всё испортили и теперь пытаются испоганить сельских жителей, поставив их в такие условия, когда большая часть выращиваемых и производимых их домашней скотиной продуктов станут греховными.

В конце концов, реформа была приведена в действие, из-за чего одним прекрасным днём к нам в село наведались несколько представителей власти.

Один за другим они обходили все дома и звали всех жителей мужского пола на собрание в мечеть, где представители собирались объявить о вступившей в силу реформе и разъяснить некоторые вопросы, касающиеся её деталей. Надо отметить, что делали они это деликатно, так, чтобы это не выглядело как принуждение. Как раз в тот момент, когда они ходили по домам, ко мне пришёл Абдоль-Хусейн, и вид у него был очень взволнованный.

– Что это за глупость такая? – грубо возмутилась я. – Все радуются в преддверии того, что получат земли в собственность, а ты прячешься непонятно от кого и зачем?

Он ничего не ответил. Из тёмной кладовой я даже не могла разглядеть его лица, но прекрасно чувствовала, что он расстроен тем, что я сказала. Не прошло и минуты, как за нашу дверь постучали. Это пришли за Абдоль-Хусейном, как за представителем семьи на собрании. Открыв им дверь, я сказала, что его нет дома, после чего они ушли. Через несколько минут пришли влиятельные люди нашего села, чтобы спросить о нём. Их я тоже спровадила. Но они не собирались так просто от нас отставать – ещё три или четыре раза приходили люди из мечети, чтобы позвать моего мужа. Остальных я провожала теми же словами, что и первых, и на все их многочисленные вопросы я лишь отвечала, что ничего не знаю.

Абдоль-Хусейн не показывался никому на глаза в деревне, пока эти шахские представители не уехали от нас. Дело закончилось тем, что все земли в окрестностях были распределены между жителями. Я прекрасно помню, как к мужу приходили его отец и брат, а также старшие из деревни, чтобы сообщить ему о том, что на его имя определили участок земли, и для того, чтобы его получить, ему лишь надо прийти и расписаться.

– Нет, спасибо, но такого добра мне не надо, – лишь отвечал он.

– Если ты не возьмёшь её, – говорили они, – то лишишься своего надела.

– Ничего страшного, – отвечал он им.

Как бы они ни пытались доказать ему, что он поступает неправильно, и что так делать нельзя, он был непоколебим. Даже более того – он пытался отговорить их самих от того, чтобы брать даваемую шахом землю, предварительно отнятую им у её законных собственников.

– Какое тебе дело до нас? У тебя свой выбор, и ты его сделал, так позволь и нам решать самим.

Последним, кто пришёл к Абдоль-Хусейну по той же причине, был сам собственник земли, у которого её и отняли.

– Абдоль-Хусейн, – сказал он, – иди и возьми эту землю. Несмотря на то, что у меня её отняли силой, я буду только рад, если часть её достанется тебе.

– Ты ведь и сам прекрасно знаешь, – ответил он, – сколько земель и водоёмов, принадлежавших нескольким сиротам, у которых нет даже опекуна, было отнято ими. Они ведь не разделили эти земли и не отделили один участок от другого, когда раздавали их, а значит положение и статус их одинаковы. Даже если и есть твоё согласие на это, то с имуществом сирот ведь ничего не поделаешь и никак не оправдаешь эту узурпацию.

Тут я начала потихоньку понимать, почему он так отчаянно не хотел мириться с этим распределением земель.

Наконец он решил объяснить причину того, почему он так упорно не хочет соглашаться на это. Он начал пояснять, что данное несправедником является грязью в грязи, и что такого «добра» с отравой для души в придачу ему не надо и задаром. Также он говорил о том, что ни в коем случае не допускает того, чтобы несправедник руководствовался в своих начинаниях интересами народа или желал пользы для него.

Когда мы с ним остались наедине, он в сердцах сказал:

– Да проклянет его¹⁰ Всевышний! Сколько же бед он принёс людям этим своим решением, даже если сами люди ничего об этом не подозревают.

Когда всё улеглось, многие люди в нашем селе, по их же словам, стали собственниками земли. Что касается Абдоля-Хусейна, то он опять засучивал рукава и по-прежнему работал то на одного, то на другого. Хасану, нашему первенцу, на тот момент было семь месяцев. Когда

---

¹⁰ Здесь он подразумевал правившего в то время в Иране шаха.

наступило время жать пшеницу, и люди начали собирать её, Абдоль-Хусейн сказал мне:

– С сегодняшнего дня ты должна быть крайне осторожной.

– А чего я должна остерегаться? – спросила я в недоумении.

– Во-первых, – сказал он, – ты не должна ничего кушать в доме моего отца, во-вторых, ты должна ещё больше беречь Хасана и смотреть за ним, чтобы они не дали ему даже кусочка хлеба.

– Абдоль-Хусейн, так, разве это возможно? – с изумлением, граничащим с шоком, спросила я. – Этот бедный ребёнок ведь и их внук, – указывая на сына, добавила я.

– Как бы там ни было, ты должна сделать то, о чём я прошу тебя, – сказал он. – Просто будь всегда начеку.

Голос его был решительным и нетерпящим возражений. Для того, чтобы поставить точку в этом вопросе, он сразу же отправился в дом своего отца, где повторил то же, что сказал мне. После этого он ничего не кушал в доме своих родителей. Дни шли один за другим, пока не наступила осень. Муж собрался в поездку, а именно – в город Мешхед, чтобы совершить зиярат. В отличие от всех остальных поездок, на этот раз он прилично задержался там.

Прошло уже пятнадцать дней, а о нём всё не было вестей. В те дни я не находила себе места от нарастающей тревоги и гнетущего чувства беспокойства. Наконец, в один прекрасный день до нас дошло письмо от него, после которого я впервые за долгое время облегченно вздохнула. На конверте, в графе адресата, стояло имя моего отца. Он открыл его и начал читать, и чем дальше он читал, тем больше становилось его удивление, пропорционально которому расширялись и глаза. Время для меня как будто остановилось – столь долгим мне показалось ожидание того, чтобы узнать, что же там написано. Дочитав письмо, отец взглянул на меня.

– Абдоль-Хусейн пишет, – сказал он, – что больше не вернётся в село, и если мы согласимся, он хочет, чтобы мы отправили тебя к нему в Мешхед. А если мы не дадим согласие, он хочет, чтобы мы, по своему желанию, продали всё его имущество и оставили вырученные с него деньги себе, с одним только условием – Абдоль-Хусейн хочет, чтобы мы отправили Хасана к нему.

Отец закрыл письмо и ещё раз прочитал адрес, откуда оно было отправлено.

– В сложившихся здесь обстоятельствах жить правильно, на самом деле, очень сложно, – сказал он.

Он пристально взглянул на меня.

– Дочка, лучше будет, если ты поедешь в город, и чем быстрее, тем лучше. Мы тоже, если на то будет воля Всевышнего, в скором времени соберёмся и отправимся вслед за вами. Людям, которые хотят чтить законы своей религии, здесь больше не место.

С того самого дня мы начали готовиться к переселению. Имущество мы частью распродали, частью отдали в пользование нуждающимся. Всё то, что осталось, я собрала, чтобы увезти с собой, и уже через несколько дней после этого мы с Хасаном, сопровождаемые отцом Абдоль-Хусейна, отправились в путь.

* * *

В Мешхеде нам надо было проехать в район Ахмадабад, а там уже найти улицу Пастур. Когда мы прибыли туда, то поняли, что это место, в котором живут одни зажиточные люди. Главным моим вопросом в тот момент было то, каким образом мужа занесло в этот район.

В конце концов, мы добрались непосредственно до самого дома, где должен был быть Абдоль-Хусейн. Я была уверена, что, даже если он и живёт в таком районе, то, наверняка, снимает комнату, но никак не целый дом. Однако я ошиблась, причём оба раза. Когда я спросила его, то он ответил, что дом ему предоставил тот самый землевладелец, который давал ему своё добро на то, чтобы забрать выделенный шахским указом надел. Когда он узнал о том, что Абдоль-Хусейн собирается остаться в Мешхеде, он привёл его в этот дом, чтобы жить в нём, без каких-либо условий. Как мне рассказал муж, он не захотел принимать это предложение. Тогда тот предложил ему остаться в нём хотя бы до тех пор, пока он сам не обоснуется в городе.

– Ты уже нашёл работу? – спросила я его.

– Да, – ответил он.

– И какую? – тут же последовал следующий вопрос.

– На этой же улице есть одна лавка, в которой продают зелень, – сказал он. – Пока что работаю там.

Свёкор отправился в обратный путь в тот же день, а мы с этого дня начали свою новую жизнь в городе. Надо сказать, что привыкать к новым условиям и быту для мужа было тяжело, но деваться было некуда, и мы вместе справлялись с этими небольшими трудностями.

Около двух месяцев Абдоль-Хусейн проработал в той же лавке зелени. Иногда, когда речь заходила о его работе, он говорил о ней так, как я поняла, будто бы ему что-то не даёт там покоя. Однажды, когда он вернулся с работы, то сказал:

– Эта работа слишком тяжела для меня. Я сбежал из села, подальше от греха, а тут попал в условия, которые никак нельзя назвать лучшими.

– Почему? – спросила я.

– Много таких клиентов, которые вовсе носят хиджаб. Самого владельца лавки тоже мало заботят предписания религии, хотя в его случае достаточно было бы иметь элементарную совесть. Помимо прочего, он держит зелень в воде, чтобы весы показывали больше. Я больше не пойду туда работать.

– Как же так? – воскликнула я. – У тебя ведь нет другой работы.

– Не переживай, – ответил он. – У нас есть самый щедрый опекун в лице Бога.

На следующее утро он пошёл искать новую работу и вернулся уже ближе к полудню.

– Я нашёл работу в молочном магазине неподалёку, – сказал он.

– И сколько они платят? – спросила я.

– Больше, чем в лавке зелени, – ответил он. – Сто риал.

В этом молочном магазине он проработал около двух недель, по истечению которых вернулся раньше, чем обычно. Только я захотела поинтересоваться, почему же он так рано пришел, как заметила в его руках лопату и кирку.

– Зачем ты это купил? – спросила я.

– С помощью Бога и молитв непорочных, с завтрашнего дня я собираюсь оставить свою работу и пойти на биржу труда.

Я была наслышана о том, что там можно получить только самую сложную работу.

– То ведь была хорошая работа, и платили там неплохо. Зачем тебе оставлять её? – спросила я.

– Там оказалось ещё хуже, чем в лавке зелени, – ответил он.

– Почему?

– Он обманывает людей, перемешивает старый товар с новым или лучшего качества с худшим и продаёт всё это по завышенной цене... И после всего этого ещё и обвешивает покупателей. При этом он ещё хочет, чтобы я брал с него пример. Говорит, что, если я хочу чего-нибудь добиться, я должен делать нечто такое в этом же духе, а иначе ничего у меня не получится.

Чем больше он говорил об этом, тем больше гневался.

– Его деньги ещё греховнее, чем у того, – добавил он.

На следующее утро Абдоль-Хусейн отправился на биржу труда. Через три или четыре дня, когда он вернулся ночью домой, сказал:

– Слава Богу, нашёлся один строитель, который будет возить меня с собой на стройку.

– Сколько он платит в сутки? – спросила я.

– Сто риал, – ответил он.

Эта работа в сравнении с молочным магазином была намного сложнее.

– Но ты же совсем измотаешь себя на ней, – сказала я.

– Не переживай, ничего страшного не случится. Тяжёлый труд и честный заработок намного лучше того, чтобы заниматься обманом людей.

Абдоль-Хусейн постепенно влился в это дело и через какое-то время сам стал мастером и начал нанимать подсобников для себя. Зарботок его, естественно, тоже увеличился.

В то время как-то раз его мать приехала к нам в гости. С собой она привезла свёрток хлеба, несколько килограмм йогурта и другие продукты из села. Абдоль-Хусейн сразу же взял всё это и отнёс на кухню.

– Ты бы дал им взять что-нибудь, чтобы покушали, – сказала его мать.

– Сейчас ведь никто не голоден, мама, – сказал он. – Позже покушаем все вместе, если на то будет воля Всевышнего.

Таким образом, он сам не притронулся к гостинцу, и нам с Хасаном не дал. Как только мать поехала в храм имама Резы, он взял свёрток и всё остальное и отнёс в ближайший магазин. Там он взвесил то, что можно было, и уточнил цену по остальным продуктам. Получившуюся в итоге сумму он взял и отдал нуждающимся людям, которых он знал, чтобы в дозволенности этих продуктов с точки зрения шарииата не было даже сомнений. Только после этого он разрешил нам употребить их. Он сказал, что мать не должна догадаться или, тем более, узнать о том, что он сделал.

Свекровь оставалась у нас в течение нескольких дней. Когда она собралась уезжать обратно, Абдоль-Хусейн сказал ей, что ей было бы лучше остаться здесь, рядом с нами.

– А что делать с твоим отцом? – спросила она.

– Также привезём сюда, в город, – ответил он.

Он всем сердцем желал того, чтобы мать его осталась, в том числе и из-за тех незаконно отнятых земель, но она не согласилась на это. Тогда он решил проводить её до деревни, а заодно и проведать отца. Как раз в то время, когда он был там, Абдоль-Хусейн собрал молодёжь и сказал им, что обеспечение любого из них, кто хочет поехать в Мешхед и учиться в духовной семинарии, он берёт на себя. Трое подростков, которые смогли получить согласие на то родителей, приехали в Мешхед вместе с Абдоль-Хусейном. С тех пор он заботился о них и обеспечивал всем необходимым, так, будто это были его собственные дети. В то же время он и сам устроился на теологические курсы. Таким образом, утром он работал, а вечером учился. В этот же период его борьба против шахского режима тоже усилилась.

* * *

На тот момент я опять забеременела, а моя мать с отцом тоже уже переехали жить в город. В один день, когда я гостила в доме у родителей, у меня вдруг начались схватки. Это было во время священного месяца Рамадан. Абдоль-Хусейн быстро сел в машину и собирался выехать.

– Что ты собираешься делать? – спросила его мать.

– Я хочу, – сказал он, – чтобы наш ребёнок родился дома, а не в родильном отделении. Вы поезжайте к нам домой и побудьте там с дочерью, а я пока поеду за повитухой.

С нами была ещё одна женщина с нашего села. Мы сели втроём в такси и поехали домой, а Абдоль-Хусейн, тем временем, поехал за повитухой.

Мы прибыли домой. Мне было тяжело, и я без конца стонала от боли, мечтая лишь о том, чтобы Абдоль-Хусейн поторопился. Мама, видя мои страдания, сильно переживала и не могла найти себе места. Когда в дверь постучались, она буквально выскочила из комнаты, чтобы открыть её. Вскоре она зашла вместе с какой-то женщиной.

– Эта женщина повитуха, – объявила она.

Пришедшая женщина имела очень достойный и благородный вид, и, как выяснилось после, была настоящим мастером. Ребёнок родился очень легко и без проблем. Это была девочка, да такая, что от неё нельзя было оторвать глаз.

Повитуха улыбнулась и спросила:

– Как вы хотите назвать её?

Я замешкалась с ответом, не зная, что и сказать.

– Назовите её Фатима, – сказала она. – Это очень хорошее имя.

Никогда прежде я не видела столь высококравственной и воспитанной женщины. Мать вышла из комнаты, и через несколько минут вернулась, неся с собой поднос, на котором был чай со сладостями и фруктами. Она положила его перед женщиной, говоря о том, что она просто обязана подкрепиться. Женщина отказалась притронуться к чему-либо, и как бы мать ни пыталась уговорить её, она была неумолима. Немного посидев с нами, она попрощалась со всеми и ушла.

Время уже было за полночь. Стрелки часов близились к трём. Все начали переживать по поводу отсутствия Абдоль-Хусейна.

– Это ведь надо быть столь беспечным, – возмущалась мать.

Я в тот момент переживала о том, чтобы с ним ничего не случилось.

Наконец, когда уже было три часа ночи, в ворота позвонили.

– Наверняка, это Абдоль-Хусейн, – тут же сказала я.

Открыть ему ворота пошла мать, и, не дав ему даже возможности объясниться, тут же начала его упрекать в том, что он так сильно задержался.

– Ну, разве так можно? – слышала я её голос, когда они ещё шли, – Прислать повитуху, а самому исчезнуть, даже ничего не сообщив. Ты не подумал о том, что мы будем переживать?

Когда они подошли ближе к комнате, мать начала ещё больше кипятиться.

– В конце концов, если повитуха пришла, то зачем вам нужен был я? – пытался он как-то оправдаться.

После этих слов, уже не обращая ни на кого внимания, он подошёл к люльке, в которой лежал ребёнок, и взял его на руки. Взяв его, он долго держал его на руках, и при этом, нежно глядя на него, плакал.

– Почему ты плачешь? – удивлённо спросила я его.

Но он, по своей манере, ничего не ответил. Поведение Абдоль-Хусейна мне показалось странным. Единственное объяснение, которое я могла этому найти – это сильная любовь к малышке. Когда он немного успокоился, я сказала ему о том, что повитуха попросила назвать девочку Фатимой.

– Я именно так и собирался назвать её, – с какой-то печалью в голосе сказал он. – Я заранее принял решение, что, если родится дочка, то я назову её Фатимой.

– Мы предлагали ей чай со сладостями и фруктами, но она вообще ни к чему не притронулась, – сказала я.

– Ей просто ничего не надо было взамен того, что она сделала, – заметил Абдоль-Хусейн.

Сказав это, он положил ребёнка рядом со мной. Вёл он себя очень странно и необычно. Его лицо буквально сияло, озаренное внутренним светом. После той ночи состояние его не изменилось, и он был всё такой же странный, и каждый раз, когда он брал ребёнка на руки, он отходил подальше ото всех, чтобы его никто не видел, и начинал плакать. Я прекрасно знала, сколь сильна его любовь к святой Фатиме Захре, и его поведение я списывала на эту любовь, ведь его дочь была названа в её честь, и всякий раз, когда он видел её, то тут же вспоминал её светлость.

С момента рождения Фатимы прошло две недели. Мы хотели отвезти девочку в баню, но перед этим решили показать её повитухе. Как бы мы ни пытались уговорить Абдоль-Хусейна сделать это, он лишь отвечал, что делать этого не нужно.

– Но ведь присутствие повитухи обязательно, – сказала я.

– Она больше не придёт, – с какой-то странной печалью сказал он. – Отвезите её в баню сами.

В общем, он так и не поехал за ней, и нам с матерью пришлось справляться самим.

Прошло несколько дней. Когда я сидела с Хасаном и Фатимой, посреди дня вернулся Абдоль-Хусейн.

– Как себя чувствуешь? – спросил он.

– Хорошо, – ответила я. – А почему ты спрашиваешь?

– Я снял квартиру недалеко от твоих родителей, – сказал он. – Надо собрать все вещи здесь и переезжать туда.

– А зачем нам уезжать? – с удивлением спросила я. – Здесь ведь нас всё устраивает, да и, к тому же, мы живём здесь бесплатно.

– Нет, здесь ребёнок сильно плачет, да и ты здесь совсем одна почти целый день, – сказал он. – Будет лучше, если ты будешь рядом с матерью.

Задумавшись о чем-то, он замолчал.

– Я хочу, чтобы ты была очень внимательной по отношению к Фатиме, – добавил он.

Прошло не так много времени, как мы уже начали собирать вещи для переезда. Когда хозяин дома узнал, что мы собираемся съехать, то расстроился.

– Это ведь большой и просторный дом, – сказал он, – да и renty я с вас не требую. Почему вы хотите съехать?

– Вы и так немало сделали для нас, – ответил Абдоль-Хусейн, – и докучать Вам более мы не хотим.

– Почему докучать? – спросил он. – Вы вообще никак не мешаете мне и не стесняете. Не надо никуда уезжать. Оставайтесь и дальше здесь.

Абдоль-Хусейн вежливо отказался, и вскоре мы выехали оттуда.

* * *

Фатиме исполнилось девять месяцев, но выглядела она как трёхлетний ребёнок. Кто бы её ни увидел, все восхищались тем, какая она красивая.

У неё было необычайно красивое лицо, которое буквально светилось. Когда Абдоль-Хусейн в очередной раз взял её на руки и начал плакать, я решила, наконец, спросить его о причине его плача и печали, связанных с этим ребёнком.

– Не бери в голову, – ответил он, – просто я сильно люблю её, потому как её зовут Фатима.

Я не знаю, что за секрет был связан с этим ребенком, но даже сегодня память о ней свежа в моём сознании, будто бы я видела её совсем недавно. В особенности я хорошо помню последние дни её жизни, когда она заболела и через несколько дней после этого умерла.

Абдоль-Хусейн сам искупал тело ребёнка, обернул его в саван и похоронил. Над её могилой он поставил большое надгробие, которое обычно ставят для взрослых почивших, а не детей. Тем, кто делал надгробие, он сказал, чтобы они написали на нём "Фатима Борунси, почившая в детстве".

* * *

Прошло несколько лет. После победы Исламской революции и начала войны с Ираком Абдоль-Хусейн отправился воевать на фронт. Иногда проходило много времени, а от него не было ни весточки. Когда в город возвращались его боевые товарищи, я ходила к ним, чтобы разузнать о том, как дела у мужа. Когда я в очередной раз пошла к одному из ополченцев, находившемуся в увольнительном отпуске, он показал мне одну фотографию. На ней был Абдоль-Хусейн и несколько других солдат.

– Он рассказывал о ваших родах, – вдруг неожиданно заявил он.

В одно мгновение моё лицо залила краска.

– Да уж, странные поступки порою совершает господин Борунси, – лишь сказала я.

В скором времени, попрощавшись, я ушла оттуда.

"Как так можно?! – возмущалась я про себя. – Рассказывать про то, как я рожая посторонним людям? Нет, это переходит любые границы".

Если честно, я была сильно расстроена этим его поступком. Когда он вернулся с фронта, то я тут же заявила ему об этом, даже не дав толком отдохнуть с дороги. Я рассказывала ему то, что мне сказал его боевой товарищ.

– Неужели мои роды – это такая тема, о которой ты можешь говорить кому угодно? – сказала я.

Услышав это, он начал смеяться.

– Ты хоть знаешь, о чём я конкретно рассказывал им? – спросил он.

А я ведь и вправду толком и не подумала об этом. Действительно, что конкретно он им рассказывал?

– Нет, – ответила я.

С его лица тут же исчезла улыбка. На нём ясно проявилась скорбь, и глаза его начали слезиться.

– Я рассказал им историю нашей дочки Фатимы, – сказал он.

Вдруг во мне проснулся сильнейший интерес, ведь вопрос этот давно волновал меня. С момента смерти нашей дочери прошёл уже не один год, но она всегда была как будто рядом со мной. Иногда я на уровне интуиции чувствовала, что в той ночи и в рождении Фатимы наверняка кроется некая тайна, но это всегда оставалось на уровне чувств. Я решила, что наступил как нельзя лучший и удобный случай, чтобы это выяснить, и из-за моих расспросов он, наконец, согласился рассказать ту тайну. Абдоль-Хусейн сидел в этот момент с опущенной вниз головой.

– Помнишь повитуху, которая пришла к нам домой в ту ночь? – начал он, и, опустив голову ещё ниже, продолжил: – Когда я ехал за повитухой, по дороге я увидел одного знакомого студента семинарии. У них возникло одно очень важное дело, на котором мне обязательно нужно было присутствовать. То есть, выбора у меня совсем не было¹¹. Я посадил его в машину и отправился туда, куда он сказал мне ехать. Что касается тебя и твоих родов, то я лишь уповал на Господа, чтобы Он устроил всё наилучшим образом. В ту ночь произошло много всего. Думаю, достаточно будет сказать лишь то, что про повитуху я вспомнил только в третьем часу ночи. Как же мне было тяжело в тот момент, ведь всё, что могло произойти, уже произошло, и изменить уже ничего нельзя, и самым тяжёлым было то, что я не знал, что конкретно произошло. Я быстро вернулся домой. Тогда твоя мать начала говорить, что было бы лучше, если бы я приехал вместе с повитухой, и только потом уже поехал бы по своим делам. Тут я догадался, что здесь, наверняка, случилось что-то необъяснимое, но в то время я как-то не хотел задумываться по этому поводу.

Абдоль-Хусейн замолчал. Слёзы стекали по щекам на бороду.

– Знаешь, в ту ночь ведь никто так и не узнал от меня о том, что ты рождаешь, – сказал он. – Я один должен был поехать за повитухой, и я этого не сделал. То есть, я никого не отправлял к вам тогда. Та женщина, кем бы она ни была, сама пришла к нам домой в ту ночь.

---

¹¹ Все, кто знали Абдоль-Хусейна Борунси, говорили о том, что он был одним из самых искренних людей, которых они знали. По их словам, он буквально готов был пожертвовать всем, что ему дорого, ради борьбы с шахским режимом и победой революции. То, что Абдоль-Хусейн из-за дел, связанных с революцией, забыл столь важное событие, для него является вполне естественным и обыденным, потому как для него не было ничего важнее этого.

ЕДИНСТВЕННАЯ МЕЧЕТЬ В ПОСЁЛКЕ

Рассказчик: шейх Мухаммад Реза Резаи

Много лет назад, когда мне было всего шестнадцать, я в основном занимался тяжёлым сельским трудом на поле.

Как-то раз, когда я шёл на поле, я думал об искренности его намерений и о том, каким же он был преданным делу человеком. Обо всём этом мне рассказывали жители нашего села¹², которые так же сильно любили его. Когда он вернулся из армии, жители устроили ему тёплую встречу, что делалось далеко не для каждого.

Я много слышал о нём, но сам ни разу не сталкивался с ним. Как же я желал тогда просто посидеть и поговорить с ним. Наверное, по этой причине, когда в один прекрасный день он позвал меня, я был просто вне себя от радости. Я даже не понял, как я оказался в следующее мгновение рядом с ним. Он поприветствовал меня, а я, в свою очередь, растерявшись, кое-как ответил ему, толком не понимая, что я говорю. Он отложил лопату в сторону – судя по всему, было время его перерыва. Мы с ним сели. В голове у меня тем временем крутилась уйма разных вопросов.

Я всё гадал, какое у него может быть ко мне дело. Наконец, он начал говорить. Абдоль-Хусейн говорил о религии, о необходимости сопротивляться и сражаться, что надо воспитывать в себе революционный дух, после чего начал давать мне разные советы. Не смотря на то, что он сам был молод, говорил он как любящий и заботящийся отец, предостерегая меня от ошибок, которые могут повлиять на всю мою судьбу. Он говорил о том, что я обязательно должен сделать, и о том, к чему я не должен даже приближаться. На самом деле, он так общался со всеми в деревне, кому мог хоть чем-то помочь и посоветовать что-нибудь полезное.

В тот день он говорил так, что его можно было слушать бесконечно, и я даже не заметил, как бежит время. Когда мы с ним закончили разговор, я взглянул на часы и только тогда понял, что мы с ним просидели два часа.

После разговора Абдоль-Хусейн сразу же взялся за свою лопату и продолжил работу.

Я хотел ещё побыть с ним, но постеснялся отвлекать, тем более, что и так отвлёк. Распровавшись с ним, я ушёл, и любовь к нему в моём сердце воспылала еще сильнее.

---

¹² Надо сказать, что я и сам неоднократно был свидетелем его самоотверженности и чистоты намерений. К примеру, он всегда совершал молитву в сельской мечети, несмотря на то, что у нас не было определённого имама, который мог бы возглавить молитву и вести пятничную проповедь. Я видел его, как он постоянно сам стоял и молился в ней. Помню, как иногда я тайком смотрел на него во время его молитвы, и, надо сказать, нередко я не мог удержать слёзы, видя его состояние на ней.

ПОЕЗДКА В ЗАХЕДАН

Рассказчик: сейид Казым Хусейни

Был 1975-й год. В то время я только познакомился с Абдоль-Хусейном. Уже тогда я понял, что в армии сопротивления шахскому режиму он стоит в авангарде. Меня он не оставил в стороне и постепенно начал подтягивать к этому делу. Через какое-то время я лично познакомился с одним из главных лиц Исламской революции, к которым мы не редко наведывались. Однажды он в очередной раз пришёл ко мне.

– Я собираюсь в поездку, – сказал он. – Поедешь со мной?

– Куда? – спросил я.

– В Захедан, – ответил он.

Я был уверен, что под поездкой он точно подразумевает не туристическое и развлекательное путешествие. Было понятно, что возникло какое-то дело, которое требовало его присутствия.

– Ты ведь едешь для дела, так ведь? – спросил я.

– Да нет, – с полным хладнокровием ответил он. – Просто хотим вместе с друзьями поехать и отдохнуть.

В вопросе неразглашения секретов и тайн, тем более касающихся революции, он был очень принципиален. В такие моменты я обычно не доставал его расспросами, чтобы понять всё точно и наверняка.

– Не вопрос, поехали, – сказала я.

Он внимательно посмотрел на меня, и, улыбнувшись, сказал:

– Укороти бороду, а волосы не трогай, чтобы они были длиннее.

– Всё, понял, – ответил я.

– Тогда готовься, а я зайду за тобой попозже, – сказал он.

Попрощавшись, он ушёл. Вернулся он уже через несколько часов, неся с собой сосуд с маслом внутри.

– Зачем тебе масло? – спросил я.

– Да так, взял на всякий случай, – ответил он. – Быть может, пригодится.

Вместе мы отправились в дом одного шейха, который на тот момент был представителем имама Хомейни в Хорасане. Я ждал Абдоль-Хусейна снаружи, пока он не закончит и не вернётся. Через несколько минут он пришел.

– Пойдём, – сказал он.

Мы добрались до терминала, сели на автобус до Захедана и поехали.

Прибыв в Захедан, мы сняли комнату в первом же отеле, который нашли. Не успели мы толком расположиться, как Абдоль-Хусейн, взяв свой сосуд с маслом, уже куда-то собрался.

– Тебе ничего не надо? – спросил он.

– Куда ты собрался? – с удивлением спросил я.

– Надо кое-куда сходить, – ответил он. – Скоро вернусь. – Он вдруг замолчал, и, подумав немного, добавил: – Если я вдруг задержусь, то переживать не стоит.

– Не хочешь сказать, куда ты идёшь с этим маслом? – спросил я.

– Нет, – бескомпромиссно ответил он.

Он пошёл в комнату, видимо, чтобы взять ещё что-то.

– Ты бы хоть передохнул немного после дороги, – сказал я.

– Да я и не очень-то устал, – парировал он.

В скором времени он вернулся.

– Сейид, думаю, повторить будет не лишним – если я задержусь, то не стоит переживать за меня, даже если тебе покажется, что уже стоит начинать, – опять предупредил он. – Никуда не уезжай и жди меня здесь же.

Он попрощался и ушёл.

Вернулся он только спустя двое суток, причём того сосуда с маслом у него уже не было с собой. Одному Богу известно, что я испытал за всё время его отсутствия.

– Собирайся, мы уезжаем, – не успев даже разуться, сказал он.

– Вот так просто, и всё? Поехали? – удивился я его бесцеремонности.

– Ну да, поехали, – в таком же тоне ответил он.

– Да уж, отличное было путешествие, – с сарказмом заметил я.

Я понимал, что он явно что-то недоговаривает.

– В чём дело, Абдоль-Хусейн? – спросил я. – Мне-то ты можешь сказать.

Но он не сказал, и сколько бы я ни пытался выяснить у него, ничего не помогало.

– То есть, ты теперь не доверяешь мне? – спросил я.

– Если бы я не доверял тебе, – ответил он, – то не привёл бы тебя сюда.

– Тогда почему не отвечаешь на вопрос? – спросил я.

– Пока что нельзя, – только и сказал он.

Я собрал свою сумку, и мы вместе поехали в терминал. Купив билет до Мешхеда, мы сели в автобус и через какое-то время двинулись в путь. По дороге я опять решил попытаться выяснить, что же там произошло и почему он, выйдя, казалось бы, на час или два, пропал на двое суток, однако и эти попытки не увенчались успехом. Он даже намёка мне не дал.

* * *

До революции в разное время я ещё несколько раз поднимал эту тему, но он так и ни разу не согласился рассказать. По части тайн и секретов он был самой принципиальностью, и если он сказал, что не скажет, то можно было быть в этом уверенным на сто процентов. Даже полицейские САВАК не смогли ничего вытянуть из него. Они ломали ему зубы один за другим, применяли к нему другие экзекуции, но он ничего им не выдал, даже слова не произнес.

В конце концов, Исламская революция одержала победу. Наши силы тогда заняли улицу Ахмадабад, закрепились на ней и основали военный центр, начальником охраны которого назначили Борунси. Как-то раз, я пошёл проведать Абдоль-Хусейна. Как нельзя кстати, к тому моменту, когда я пришёл, было временем его отдыха. Он сидел в своём кабинете, и было такое чувство, будто бы он заранее знал, что я приду, и ожидал.

Поздоровавшись, я сел рядом с ним. До сих пор меня терзало любопытство: был интересно узнать тот секрет нашей поездки в Захедан, о котором он так и не сказал ничего.

– Всё, что могло произойти, уже произошло, – сказал. – Может, хотя бы теперь расскажешь о том, что там случилось?

Он сразу же понял, что я имею в виду, и про какой случай я говорю.

Смеясь, он хлопнул меня по плечу.

– Ну, так как теперь это не представляет никакой опасности, я могу это рассказать. В то время, как ты знаешь, Хаменеи находился в ссылке в одной из деревень Ираншехра. Тогда в руки мне попало одно письмо, которое необходимо было передать ему.

Интерес мой к этому вопросу вспыхнул с ещё большей силой.

– Передача письма ведь никак не требует двух суток! – заметил я.

– Да, конечно, – ответил он, – но появилось ещё одно дело, которое требовало времени.

– И что это было за дело? – спросил я.

– Когда я передал ему письмо, – начал он, – и мы с ним как раз находились в коридоре того дома, в котором он поселился, он указал в сторону улицы и сказал, что оттуда САВАК следит за всеми, кто приходит и уходит. Кто бы ни пришёл к нему, их люди, наблюдавшие через бинокли, фиксируют это. Он сказал, чтобы я сделал что-нибудь с этим по возможности.

С его слов я понял, что он имеет в виду построить забор, чтобы ограничить им наблюдение.

– Я тут же приступил к делу, и помимо сооружения забора я также выполнил и другие работы. На всё это у меня как раз и ушло двое суток.

– Так и то масло предназначалось для него? – смеясь, спросил я.

– Ну, да, – без капли смущения ответил он.

– А САВАК тебе не доставил проблем после этого? – поинтересовался я.

– Сам Хаменеи тоже выразил такое опасение, боясь, что меня могут арестовать, но, когда я шёл к нему, на голове у меня была завязана куфия, и потому мала была вероятность того, что они смогли бы узнать меня. Тем не менее, он настоял на том, чтобы меня вывели оттуда другим путём.

Любопытство, наконец, было удовлетворено. Эта история, на мой взгляд, служит наглядным примером его стойкости и бдительности¹³.

---

¹³ Нынешний лидер исламской революции в Иране Али Хаменеи в 1997-м году посетил семью шахиды Абдоль-Хусейна Борунси, во время своего визита он рассказал как раз об этом случае.

ОБМЁРЗШИЙ

Рассказчик: шейх Мухаммад Реза Резаи

В Мешхеде, в районе Ку-е Толляб, у меня был участок в пятьдесят метров. Несмотря на то, что с документами всё было в порядке, я никак не мог получить разрешение на строительство. Они прямо, без какого-либо стеснения, говорили о том, что без взятки ничего не получится. С одной стороны, я принципиально не хотел этого делать, с другой – семье нужен был дом. Зимние холода ещё больше усложняли наше положение.

В конце концов, я принял решение начать строительство коробки на этом участке, причём делать это ночью, чтобы никто не смог это зафиксировать. Я пошёл к Абдоль-Хусейну, дабы посоветоваться с ним по поводу этого вопроса.

– Я скажу ещё одному строителю, чтобы он пришёл, и мы втроём, думаю, справимся с этой задачей за одну ночь, если на то будет воля Всевышнего, – резюмировал он.

Я не думал, что он так быстро даст своё согласие на это предприятие, учитывая ещё то, что на улице было холодно, особенно по ночам.

Ещё до наступления ночи мы подготовили все необходимые инструменты и материалы. После ночной молитвы он пришёл ещё с одним человеком, и мы, отправившись на участок, принялись за работу.

Лучше и усерднее всех работал именно Абдоль-Хусейн, и, казалось, такое понятие, как усталость, ему было чуждо. Я и прежде знал о его финансовом положении и о том, что он усердно трудится, чтобы прокормить свою семью, и труд этот можно было бы сравнить разве что с усердием воина на поле битвы. Даже в самые жаркие летние дни он работал на стройке, прямо под палящими солнечными лучами.

Время уже было за полночь. Я занимался тем, что готовил цементный раствор и относил его им, а они тем временем занимались кладкой. Изо рта у меня последовательно выходили струи белого пара. Пальцы на руках и ногах были как будто уже не мои – я почти не мог ими двигать, хотя боль испытывал во всей полноте. Уши и нос тоже совсем промёрзли.

В разгар рабочего процесса, я вдруг взглянул на другого строителя. Мне показалось, что он слегка пошатнулся, а через несколько секунд он неожиданно повалился на землю, как подкошенный. Я сразу же побежал к нему, и вслед за мной тут же подоспел Абдоль-Хусейн.

– Ничего страшного, не переживай, – сказал он. – Просто обмёрз.

Возможно, Абдоль-Хусейн сказал это, чтобы успокоить меня, ведь он оказался тут ради моего дела. Абдоль-Хусейн начал массировать его тело, и я подключился к нему. Через несколько минут тот пришёл в себя и, немного позже, смог подняться и присесть.

– Я больше не могу, – недовольным голосом сказал он. – До свидания.

Он ушёл, и, уходя, даже не обернулся. С сомнением и некоторым волнением, я взглянул на Абдоль-Хусейна. Если бы и он меня бросил в ту ночь, то для меня это была бы большая, просто огромная проблема. Он лишь улыбнулся и, положив руку на моё плечо, сказал:

– Не переживай. С помощью Бога, я сам выполню и его часть работы.

Что бы ни строил Абдоль-Хусейн, он это делал так, как будто строил для себя. Это было одним из его принципов, от которого он никогда в жизни не отходил. Его работу по-настоящему можно было назвать работой, а дома, которые он строил, выделялись и были лучше всех. Из-за этого мало кто мог работать с ним в паре или в одной бригаде, потому как у людей, как правило, были другие принципы. Он всегда говорил: «Хлеб, который я приношу в семью, должен быть чистым и дозволенным. Мне будет намного приятнее, если заказчик в Судный День должен будет мне, а не я должен буду ему». Он приходил на работу раньше остальных и уходил с неё последним, а во время самой работы трудился больше и усерднее всех остальных. В ту ночь он работал в ударном темпе примерно до рассвета. Я к тому моменту просто обессилел, а Абдоль-Хусейн выглядел очень бодро и весело смеялся, так, будто только вернулся с отпуска. Я, заразившись его смехом, начал смеяться вместе с ним, и на душе у меня в тот момент было очень спокойно.

РЕЧЬ ПРАВЕДНИКА

Рассказчик: сейид Казым Хусейни

Это было за три или четыре года до победы Исламской революции. У меня тогда был собственный магазин. Абдоль-Хусейн, который всё время наведывался с агитацией к своим знакомым, в том числе и ко мне, сумел сделать из меня революционно настроенного человека. Он познакомил меня со множеством наших единомышленников. Во многих начинаниях он чуть ли не брал нас за руку и вклинивал в общий процесс, чтобы и мы внесли свою лепту.

– Я хочу, чтобы ты оказал мне помощь, – явившись в очередной раз ко мне, сказал он.

Ну, я подумал, что дело будет таким же, как и прежде.

– Мы ведь до сих пор были в деле, – смеясь, ответил я, – и сейчас ничего не изменилось.

– Смотри, работа тяжёлая. Справишься? – спросил он.

– Как говорится, попытка – не пытка, – ответил я.

– Тогда возьми с собой комплект старой одежды, и выдвигаемся, – сказал он.

– Зачем нам старая одежда? – спросил я.

– Если ты в деле, – посмеявшись, сказал он, – то без расспросов о нём.

Я знал, что он работает на стройке, ну и первое, что мне пришло в голову, так это то, что он хочет повести меня на свою работу. Особо не задумываясь, я оделся в старую одежду, закрыл свой магазин и пошёл вместе с ним.

Моё предположение оказалось верным – мы пришли в дом одного учёного, который находился в резкой оппозиции к шахской власти, с которой у него, время от времени, возникали проблемы. Я засучил рукава и вместе с Абдоль-Хусейном принялся за работу. Было очень тяжело, но три часа без перерыва я протянул. После этого, не выдержав, я повалился на землю.

– Я больше не могу, – выдохшись, сказала я.

Ему было прекрасно известно, что я никогда не занимался стройкой и подобным тяжёлым трудом. Возможно, именно поэтому он много и не требовал от меня. Когда я сменил одежду и хотел уйти оттуда, он проводил меня, и лицо его при этом было очень довольным, а сам он – бодрым и энергичным.

На следующий день он опять явился ко мне.

– Бери свою рабочую одежду и пошли, – вдруг неожиданно заявил он.

Я даже не знал по началу, что ответить ему.

– Серьёзно, ты ведь знаешь, что я в таких делах просто ноль, – полушутя, сказала я.

– Давай уже, пошли, – смеясь, ответил он. – Сегодня я не буду нагружать тебя тяжёлой работой, не переживай.

Мне было неудобно так прямо отказываться от его предложения, но и идти туда желания никакого также не было. Пытаясь придумать какой-

нибудь повод, чтобы не идти, я начал чесать голову.

– От того, что ты чешешь голову, – сказал он, – никакой пользы ты не получишь. Иди за вещами.

Тон его был нетерпящим никаких нареканий. Я же не хотел кривить душой, и поэтому прямо сказал ему:

– Борунси, ты ведь и сам знаешь, что даже если я и пойду с тобой, толку от меня будет не много. С одной стороны, и благодеяния в этом не так уж много для меня, с другой – ещё и тебя буду тормозить и отвлекать от полноценного процесса.

С его лица тут же пропала улыбка, и он нахмурился так, что мне даже стало немного страшно. Однако он смог вполне доходчиво и логично донести своё видение и отношение к таким вещам.

– Помогай учёным и духовным лицам столько, сколько можешь, – сказал он.

– Никакая помощь не будет лишней.

Он говорил и говорил, а я слушал его, как замороженный, полностью погрузившись в его речь. Как и всегда, слушать его было одним наслаждением. Вдруг он замолчал, и через пару секунд вновь продолжил:

– На самом деле, на сегодняшний день учёные трудятся с целью оживления исламской религии, и если мы будем вносить свою лепту в это дело, то наш труд будет иметь только один итог – довольство Всевышнего нами.

РЕШЕНИЕ О КАЗНИ

Рассказчик: Масума Сабокхиз

Абдоль-Хусейн всегда был очень осторожным и учитывал все возможности, чтобы ему нельзя было предъявить никаких претензий и не к чему было бы придраться. Когда он хотел послушать аудиокассеты с записью речей имама Хомейни, то приходил с несколькими друзьями, представителями духовенства. Мы в то время снимали цокольный этаж одного дома, владелец которого жил прямо над нами. Для прослушивания они уходили в последнюю комнату, и Абдоль-Хусейн предупреждал меня, чтобы я, если кто-то постучится в дверь, тут же ему об этом сообщала, ведь если посторонние услышат запись с голосом имама, то у нас могли бы быть большие проблемы. Поначалу, когда я не особо понимала всё это, я спросила, зачем это делать.

– У кого бы ни нашли эти записи, – пояснил он, – его обязательно привлекут к ответственности и, в лучшем случае, посадят в тюрьму.

Всякий раз, когда появлялась новая запись речи имама Хомейни, он сразу же, как только заполучал её, встречался с этими людьми и слушал её. Они записывали речь на бумагу, а вечером Абдоль-Хусейн шёл к своим знакомым, чтобы сделать копии этой записи, после чего начинал распространять их. Спал он очень мало, и даже в то малое время, которое у него уходило на сон, он был беспокойным.

Абдоль-Хусейн никогда не выходил из дома без омовения-свидетельствования¹⁴, даже тогда, когда он шёл на стройку.

– Это для того, – говорил он, – чтобы в случае, если меня вдруг настигнет смерть, я получил награду мученика, по воле Всевышнего.

В светлое время суток он работал, а вечерами учился¹⁵ и активно участвовал в революционной деятельности. Помню, как одним вечером Абдоль-Хусейн пришёл вместе с семинаристами. С собой у него было несколько аудиокассет.

– Это записи имама Хомейни, – сказал он. – Недавно получили из Парижа.

Как обычно, они отправились в комнату и сели слушать запись. Так они просидели до одиннадцати ночи. Лампа, предназначенная для освещения улицы, была включена. Жена владельца дома поручила нам, чтобы мы каждую ночь в десять часов выключали её. Она была очень скандальным человеком, и если ей что-то не нравилось, то она тут же поднимала крик. Всякий раз, когда мы с ней пересекались, я всё опасалась того, что она что-то скажет и опять начнёт скандалить.

Я как раз находилась во двореке, как эта женщина неожиданно появилась. Она тут же направилась к электрощиту и дёрнула выключатель. Не обращая на меня никакого внимания, она спустилась в подвальное помещение и устроила Абдоль-Хусейну и его гостям взбучку.

---

¹⁴ Омование, имеющее скорее народные корни, нежели религиозные. Считается, что если человек умрёт после совершения такого омовения, он получит степень мученика за веру.

¹⁵ Боруниси на протяжении пяти лет учился в духовной семинарии.

– Вы тут собираетесь до утра сидеть и слушать всякие аудиозаписи? – кричала она на них в истерике.

– Извините, но разве мы как-то беспокоим вас этим? – успокаивающе, спросил мой муж.

Он не смотрел на неё, а просто стоял, опустив взгляд в пол.

– Разве вы могли бы придумать что-нибудь хуже этого? – спросила она.

Первым делом я подумала, что она имеет в виду то, что мы не выключили лампу.

– Мы больше не можем терпеть ваши выходки! – сказала она.

– Какие выходки? – спросила я.

– А то, что вы хотите подорвать власть шаха в нашей стране! – воскликнула она.

Когда я услышала это, моё сердце чуть ли не остановилось. Я не могла понять, как она об этом догадалась.

– Спускайся, – сказал мне Абдоль-Хусейн.

Я зашла, и после этого он, ничего более не говоря, закрыл дверь.

С утра, когда он должен был идти на работу, выходя, он не взял свои вещи.

– Ты не на работу? – спросила я.

– Нет, – ответил он, – хочу найти для нас новое жилище. Здесь нам оставаться больше нельзя.

Вернулся он только к обеду.

– Ну что? – спросила я. – Ты нашёл что-нибудь?

– Да, – ответил он.

– И где? – спросила я. – Квартира, дом, или цокольное помещение?

– Цокольное помещение, – ответил он, – находится в районе Ку-е Толляб.

После обеда мы уже собрали вещи и съехали на новое место. Когда я увидела то место, где мы должны были теперь жить, то чуть не вскрикнула от испуга.

– Что это за место такое, Абдоль-Хусейн? – с удивлением спросила я.

– Это подвал, принадлежащий одному знакомому студенту семинарии, – посмотрев на меня с теплой улыбкой, сказал он. – Я с ним договорился, что мы проживём здесь некоторое время, пока я не найду какое-нибудь место для нас.

Ко всему прочему там ещё было очень темно. Я уже была готова расплакаться.

– Тут ведь даже кошки не стали бы жить, – в отчаянии сказала я.

– Ну, ты уж не утрируй, – сказал он. – Придётся уж как-нибудь перетерпеть. Мы ведь здесь ненадолго.

В конце концов, мы там и поселились – в этом тёмном и страшном помещении.

Через несколько дней Абдоль-Хусейн купил землю в этом же районе. Он собрал бригаду из своих друзей, и те вместе приступили к строительству дома.

Они работали там чуть ли не круглые сутки. Они быстро построили коробку, после чего начали стелить крышу. Как только дом был готов, мы перевезли туда все вещи и переехали в него, даже ещё до того, как там

были закончены внутренние отделки. Абдоль-Хусейн довёл дело до конца всего лишь за несколько ночей. Построенный ими дом был очень маленьким – всего одна комната, посреди которой мы повесили занавеску. Когда наступала ночь, я с детьми находилась на одной стороне, а муж со своими товарищами – на другой.

Революционная деятельность Абдоль-Хусейна становилась все шире и плодотворнее. Он чаще стал разносить листовки, на которых были напечатаны речи имама, и расклеивать их на столбах и стенах. Он даже дал одному знакомому из Захедана деньги, чтобы тот принёс ему револьвер.

– Зачем он тебе нужен? – спросила я его, когда узнала об этом.

– Это на случай, если наше дело дойдёт до того, что нам уже придётся вооружаться. А я не хочу, чтобы мы были с пустыми руками, – ответил он. Когда он выходил, чтобы раздавать листовки, то каждый раз напоминал мне, чтобы в том случае, если к нам явятся люди шаха, я сказала им, что мой муж строитель, и в данный момент находится на работе, «этого достаточно, больше ничего не говори» – просил он.

В одну из ночей он, как и обычно, вышел с листовками, но домой так и не вернулся. Я не могла найти себе места от волнения – неизвестность убивала. До самого утра я ждала его и несколько раз ещё выходила на улицу, чтобы посмотреть, нет ли его поблизости. От Абдоль-Хусейна не было ни слуху, ни духу. Чем больше проходило времени, тем сильнее становилась мысль о том, что его схватили люди из САВАК. Об их жестокости и беспощадности я слышала не раз, и из-за этого переживала ещё больше.

Когда наступило утро, я сообщила о его пропаже его друзьям.

– Не волнуйся, – сказали они. – По воле Бога, мы найдём его.

В тот день о нём не удалось достать вообще никаких сведений, как, впрочем, и в несколько последующих. Я уже было отчаялась в том, что когда-либо увижу его, но вдруг неожиданно друзья нашли его.

Наши догадки подтвердились – его арестовали полицейские САВАК. Через несколько дней после этого его освободили, и я уже даже не помню, как это, право, произошло.

* * *

От имама Хомейни поступило новое послание – всех, кто поддерживал его, он просил выйти на улицы и устроить акции протеста против шахского режима.

В то время Абдоль-Хусейн работал на улице Джажно, где ремонтировал дом Гияси Нами. В тот день, когда должны были пройти акции протеста, он не пошёл на работу. Совершив омовение-свидетельствования, он быстро собрался, уже готовясь выйти. Все кассеты, книгу фетв и несколько книг имама Хомейни он собрал в одном месте. Перед выходом он сказал мне, чтобы в том случае, если он не придёт домой, я спрятала всё это так, чтобы никто не смог найти, после чего попрощался с нами и вышел на улицу.

Люди собрались возле храма имама Резы и скандировали анти-правительственные лозунги. До самого полудня до меня доходили только самые плохие новости. Говорили, что шахские палачи устроили там бойню – они стреляли по демонстрантам даже внутри храма. В тот день было убито много людей, и ещё больше – задержано.

О, как же я тогда переживала за него! Прошёл день, а за ним и второй, и от него опять не было никаких вестей. Ждать больше было нельзя, и я отнесла книгу фетв в дом его брата. Он вышел во дворик и, подойдя к одной плитке на полу, поднял её – под ней оказался укромный тайник. Он положил туда книгу и закрыл его, и со стороны ни за что нельзя было догадаться, что там что-то спрятано.

Я вернулась домой и начала думать, что же мне теперь делать с кассетами и книгами имама Хомейни. Перебирая варианты, куда их можно было бы отнести, я вспомнила одного нашего соседа, сын которого учился строительному ремеслу у Абдоль-Хусейна. Положившись на Всевышнего, я, взяв всё, что осталось, отправилась к ним.

Вопреки моим ожиданиям, они согласились, причём взяли абсолютно всё, заверив меня в том, что всё будет спрятано наилучшим образом, так, что переживать мне было не о чем.

Прошло восемь дней. От Абдоль-Хусейна не было ни весточки. Некоторые наши знакомые, поддерживающие шаха и его правление, в то время не упускали возможности поздравить меня. Находились даже такие, кто внушали мне, что его уже казнили, и говорили о том, что тела я никогда и не увижу.

– Разве можно противоборствовать шаху? – вопрошали они.

Где-то через десять дней после демонстраций к нам пришёл один человек и сказал, что Абдоль-Хусейн жив.

– Где он? – с неверием и толикой надежды спросила я.

– В тюрьме Вакилябад¹⁶, – ответил он. – Если ты хочешь, чтобы его освободили, то придётся взять с собой либо миллион риал, либо документы на дом.

У нас на тот момент не было ни такой суммы денег, ни этих документов. Этот человек ушёл, а я осталась наедине с тысячей мыслей, сменявших друг друга. Я молила Бога о том, чтобы он указал мне на то, как выйти из этого трудного положения. Я всё думала, к кому же я могу пойти, чтобы мне одолжили столько денег, или, тем более, документы на участок и дом. Перебрав в голове всех знакомых и родственников, в конце концов, я оказалась в тупике. Было ещё одно «но» – если бы даже нашёлся такой человек, то ещё одной проблемой было бы то, что надо с этим идти в тюрьму, но ведь неизвестно ещё, как они себя поведут. А точнее – насколько вероломно они себя поведут.

Это было тяжелое время, и тогда кое-что произошло: как-то раз с улицы раздался чей-то голос, который просил открыть дверь. Я быстро

---

¹⁶ Тюрьма в Мешхеде, более известная под названием Бала.

накинула на себя чадру и пошла открывать её. На пороге стоял незнакомый мне человек.

– Салам алейкум, – поприветствовал он.

Я тихо ответила ему на приветствие.

– Извините, пожалуйста, что побеспокоил вас. Меня зовут Гияси. У нас работал Абдоль-Хусейн, и я пришёл лишь узнать, почему эти несколько дней он не появлялся.

Я вздохнула с облегчением, но когда я вспомнила обо всех тех проблемах и об Абдоль-Хусейне, в моем горле тут же образовался комок. Я уже была готова заплакать. Сдерживая слезы, кое-как я рассказала ему о том, что произошло

– Ни о чём не переживайте, – сказал он. – У меня есть документы на свой дом, и я сегодня же пойду туда с ними, чтобы оставить их в качестве залога. Дай Бог, его освободят сегодня же.

Он быстро попрощался и ушёл. Я была настолько рада, что чуть не потеряла сознание. Я молилась, чтобы Абдоль-Хусейн вернулся домой как можно быстрее, целым и невредимым.

Ближе к полудню на улице поднялся какой-то шум. Я взяла маленькую дочь на руки и вышла из дома. В начале нашей улицы стоял работник кондитерской, в руках которого была коробка с печеньями, и он с радостным смехом раздавал их всем вокруг. Я двинулась чуть дальше вперёд. Посреди столпившихся людей я заметила Абдоль-Хусейна. Как только я увидела его, то тут же застыла на месте, не будучи способной пошевелиться. Боже, это ведь тот самый Абдоль-Хусейн, каким он был и несколько дней тому назад! Разве что лицо его выглядело более старым и уставшим, чем раньше, и рот как будто уменьшился в объёме. Соседи один за другим читали коллективные молитвы-салаваты и радовались его возвращению, но сам он вообще ничего не говорил, и вид у него был очень уставший и печальный. Потихоньку выйдя из толпы, он направился прямо к дому, и я пошла вслед за ним.

– Закрой дверь, – сказал он, когда я вошла.

Я закрыла, после чего прошла и встала прямо напротив него. Теперь, когда я смогла разглядеть его лучше, мне казалось, что он в действительности состарился на несколько лет. Когда он начал говорить, я заметила, как некоторые его зубы отсутствуют.

– Что? – спросил он. – Вы так обрадовались, что решили раздавать сладости?

– Я не брала их, – сказала я.

– О, если бы я стал мучеником! – застонав, с горечью сказал он, и тут же ушёл в комнату.

Через некоторое время пришли несколько его родственников, с которыми он только поздоровался, после чего сразу ушёл в душ.

Как бы я ни пыталась выяснить у него, что они с ним там сделали, он ничего не говорил до самой ночи. Позднее ему стало немного лучше. К нему пришли его друзья и товарищи по революционной идее, и они вместе сели разговаривать, отгородившись занавеской. Между прочими словами

мужа я так же слышала следующее: "Один из них приставил к моему затылку пистолет. Мои руки и ноги были связаны. Другой встал передо мной и начал бить пощёчинами по лицу, угрожая и требуя, чтобы я назвал имена тех, кто был со мной. Естественно, он не упустил возможности оскорбить меня, что он и делал через каждое слово. Я всё повторял, что со мной никого не было. Через какое-то время он повернулся к своим товарищам и злостно кинул, что я не раскалываюсь. В конце концов он сорвался и начал избивать меня кулаками. То есть, он бил по лицу именно с той целью, чтобы выбить мне зубы".

Абдоль-Хусейн смеялся, рассказывая о зверствах САВАК, а я тем временем тихо плакала. Большая часть его зубов была переломана. Помимо этого, его подвергли пыткам и похуже, но дух его стал только крепче и сильнее, а желание сражаться за правое дело воспыало в нем ещё сильнее.

* * *

В тот день народ опять устроил демонстрации. Говорили, что люди оказали шахским силам достойное сопротивление.

Абдоль-Хусейн тоже не упустил возможности принять участие в очередных демонстрациях. Наступило время полудня, а его опять было не видеть. День сменился ночью, и снова никаких новостей. Я уже не переживала так сильно – то, что он так пропал, стало для меня привычным. Ночью пришли его друзья, семинаристы. Я выразила им свои опасения, что, быть может, его опять задержали.

– У вас в доме есть цемент? – спросил один из них.

– Да, – ответила я и показала, где он лежит.

Они пошли туда, куда я им указала, и принесли один мешок цемента. Листовки с последним обращением имама вместе с его книгой фетв, которые были у нас в доме, они аккуратно спрятали под лестницей и закрыли это кладкой таким образом, что нельзя было бы понять, что там находится тайник.

– Те кассеты и оставшиеся книги отнесите к тем же соседям, к которым относили всё в прошлый раз, – сказал один из них, когда они все закончили с работой.

Ранним утром следующего дня, я собрала всё это в одну сумку и отправилась к соседям.

– Борунси опять арестовали, – сказала я хозяйке дома.

– Ясно, – произнесла она каким-то странным тоном.

Я указала на сумку, в которой были кассеты и книги.

– Если вас не затруднит, я бы хотела попросить вас, чтобы вы опять спрятали это у себя, пока всё не уладится.

– Я сильно извиняюсь, но я, наверное, больше не осмелюсь участвовать в этом, – пробормотала она.

Такого ответа я не ожидала и потому, удивившись, молча стояла.

– Я имею в виду то, – сразу же добавила она, – что мужа сейчас нет дома, а без его разрешения я не осмелюсь сама пойти на такое.

Задерживаться там более я не стала, и сразу же, попросившись и извинившись за предоставленные неудобства, вернулась к себе домой. Передо мной стоял один вопрос: что мне теперь со всем этим делать? В конце концов я решила оставить их прямо в доме, и если вдруг их найдут и из-за этого приговорят Абдоль-Хусейна к смертной казни, то это всё равно было тем, о чём он только и мечтал. В доме у нас было несколько ковров, под одним из которых я спрятала несколько самых опасных по своему содержанию аудиокассет. Также, я вскрыла настенные подушки и спрятала оставшиеся кассеты в них, после чего опять зашила их. Книги я отнесла в подвал и спрятала их в примусе и кастрюле.

После всего этого я, окружив себя своими детьми – Хасаном, Махди, Хусейном и младшей дочерью, стала ожидать того, что с минуты на минуту к нам в дом ворвутся люди из САВАК. Через какое-то время они, как я и думала, появились. Ворвавшись в дом, они начали бесцеремонно его обыскивать. Хасан, которому в тот момент было восемь лет, был так напуган, что начал заикаться¹⁷. Двое или трое из них зашли в комнату, и, естественно, они не удосуживались снятием обуви. Когда я увидела их, то непроизвольно вздрогнула.

– Ни с места! – уставив автомат прямо мне в лицо, тут же крикнул один из них. – Сиди там, где сидишь!

Мне кажется, что Господь указал мне в тот момент, что я должна делать, так как от сильного страха я толком ничего не соображала. Я быстро взяла подушку, в которую спрятала кассеты, и положила её себе на ноги, следом уложив на неё дочку.

Пока они обыскивали дом, я периодически бросала взгляд на ковёр – было бы достаточно того, чтобы кто-нибудь из них просто посмотрел под него, и тогда был бы конец. В душе я молилась Господу через имама Махди, чтобы они не додумались до этого. Судя по всему, моя мольба была услышана – они не обратили на ковёр никакого внимания и не стали ничего проверять под ним.

Так ничего не найдя и потеряв какую-либо на это надежду, они ушли прочь.

* * *

И в этот раз выручить Абдоль-Хусейна из плена отправился Гияси со своим документом о правах на дом. Абдоль-Хусейн пришёл домой вместе с Резаи¹⁸ и двумя или тремя другими представителями духовенства. Прежде всего, он спросил об аудиокассетах.

– Приподними ковёр, и ты найдёшь их там, – сказала я ему.

---

¹⁷ После этого Хасан стал очень сильно заикаться. Спустя какое-то время, благодаря молитвам его отца через имама Резу, проблема с косноязычностью стала намного меньше, хотя и не исчезла полностью. Надо заметить, что я тоже на фоне сильного стресса заболела, и эта болезнь ещё долго мучила меня после этого.

¹⁸ Худжат аль-Ислам Мухаммад Реза Резаи, который по сей день находится в священном городе Кум на территории Ирана.

Он с удивлением посмотрел на меня, и когда он пошёл и приподнял его, обнажив лежавшие под ним кассеты, удивлены были уже все.

– То есть, полиция не обнаружила их под ним? – спросил он.

– Если бы они их увидели, то их бы здесь точно не было, ну а ты бы приобрёл то, о чём всегда мечтал, – ответила я.

Он посмеялся, после чего спросил о других кассетах.

– Попробуйте, найдите сами, – предложила я им.

Они принялись за поиски, но так ничего и не смогли найти.

– Жена, не мучай ты нас, – сказал Абдоль-Хусейн. – Скажи уже, где эти кассеты. Мы хотим их прослушать.

Я принесла подушку, вскрыла её и достала оттуда кассеты. Когда они увидели их, то спросили:

– То есть, они и их не смогли обнаружить?

– Есть ещё книги, – ответила я. – Они в подвальной помещении.

Когда они увидели книги в примусе и кастрюле, они удивились ещё сильнее.

Спустя несколько дней после того, как Абдоль-Хусейн вышел на свободу, имам Хомейни вернулся из Парижа обратно на родину, а уже 11-го февраля случилась революция.

В те же дни Абдоль-Хусейн вместе с Гияси отправился забирать свидетельство о праве на дом, которое тот заложил. Там им сообщили, что его оправили в Тегеран. Делать было нечего, и они вместе поехали в Тегеран. Вернулись они уже с документами на руках. Абдоль-Хусейн также принёс домой несколько официальных бумаг и вручил их мне.

– Что это? – спросила я.

– Решение о моей казни, – смеясь, ответил он.

Мои глаза стали круглыми от удивления. Когда дело Абдоль-Хусейна отправили в Тегеран, то там приняли решение, что деятельность его является слишком опасной, и потому приговорили к смерти.

Глядя на этот документ, согласно которому моего мужа следовало казнить, я от всего сердца благодарила Господа за то, что имам Хомейни вернулся в Иран, и что Исламская революция одержала победу, и если бы прошло каких-то несколько дней, то его уже казнили бы.

ЖЕРЕБЬЁВКА

Рассказчик: сейид Казым Хусейни

Это было время, когда Иранская Демократическая Партия Курдистана только проявила себя, и было совершено нападение на город Паве. В первый же день из Мешхеда хотели направить в сторону Курдистана военные силы.

Что касается наших ребят, то они испытывали счастье, отражавшееся и в их сияющих глазах, и на кого бы ты тогда ни взглянул, увидел бы только улыбку на его лице. Никто из нас даже помыслить не мог о том, чтобы оставаться – все были настроены на то, чтобы поехать туда и вести борьбу с ними.

Печаль наша началась в тот момент, когда Рустами¹⁹ пришёл к нам и сказал, что из всех нас они могут принять только двадцать пять человек. Настроение ребят сразу же переменилось, и радость тут же превратилась в печаль, и теперь радость на лицах заменила грусть. В добровольческий отряд хотели все без исключения, а ограничение по количеству фактически принимаемых туда было очень малым. Изначально нам предложили, чтобы мы сами определили, кто поедет, а кто останется, но из этого ничего не вышло. В конце концов, Рустами сказал, что они сами озвучат имена тех, кто поедет, и чтобы никто не остался обделённым, они проведут жеребьёвку.

Они начали писать имена ребят на бумажках. В тот момент я сидел в стороне рядом с Абдоль-Хусейном. Если честно, я уже и не надеялся на то, что мне так повезёт, и из всех этих имён достанут моё, ведь шансы были совсем ничтожными. Вдруг, я услышал позади себя плач – я тут же повернулся к Абдоль-Хусейн и увидел, как из глаз его текут слёзы. Всё его лицо было мокрым. Меня это сильно удивило.

– Почему ты плачешь? – спросил я его.

– Я боюсь, что моё имя не выпадет, и я не получу возможности вести борьбу с теми, кто сражается против Исламской революции, – не прекращая плакать, тихо сказал он.

Мне было настолько не по себе, что я не знал, куда себя деть. Такая откровенность и искренность порою вводит в замешательство, и ты не знаешь, как на это реагировать.

– Ну, главное ведь то, что у тебя есть намерение, – собравшись с силами, с трудом выговорил я, – и если с намерением человека всё в порядке, то Бог ведь всё видит, а раз так, то ему точно зачтётся награда по его намерению.

– Да, Всевышний всё видит, безусловно, – сказал он, – и то, что дела оцениваются по намерениям – это тоже правильно. Но ведь один простой

---

¹⁹ Рустами был в те времена главнокомандующим силами Мешхеда. В ходе войны он погиб. Те, кто знали его и были на фронте вместе с ним, рассказали немало случаев и историй, в которых наглядным образом можно лицезреть искренность и чистоту этого человека.

факт того, что Всевышний предоставил им возможность участвовать в борьбе... В этом ведь есть что-то, что в корне отличается от простого наличия намерения.

Он тихо плакал и так же тихо говорил. Он рассказал о битве при Бадре ²⁰, а после добавил:

– До скончания времён те люди, которые участвовали в битве при Бадре, будут отличаться от тех, кто в этой битве участия не принял, и этого не изменить. Мало ли было среди сподвижников Пророка, кто всей душой хотел бы принять участие в этом сражении, но по тем или иным причинам не смог этого сделать? К примеру, те, кого на тот момент не было в Медине, или те, что страдали от какого-либо недуга, но ни в коей мере не хотели делать что-то, что выходило за рамки велений его светлости Пророка.

Он приостановил свою речь и взглянул на меня, после чего с ощущаемой в голосе болью продолжил:

– Когда в Судный День призовут предстать бадрийцев, то этот призыв не будет касаться никого, кроме них – вперёд выйдут лишь те, кто был там и сражался за дело исламской религии против неверных и лицемеров при Бадре.

Да, с таким мышлением и глубоким пониманием вопроса он имел полное право плакать, печалась о возможном исходе, а я, в свою очередь, лишь испытывал сожаление о том, что сам я не был способен прочувствовать этот момент и этот вопрос в той мере, в которой его прочувствовал Абдоль-Хусейн.

Когда имена всех были вписаны на бумажках, жеребьёвка началась. Имя Абдоль-Хусейна было среди этих двадцати пяти счастливых, ну а я остался не у дел вместе с другими, кому так же не повезло, как и мне.

* * *

Абдоль-Хусейн вернулся оттуда где-то через тридцать пять дней. Мы с ребятами вместе пошли встречать их. Мы не планировали собирать большую толпу, а лишь хотели вместе встретить наших близких и друзей, но пока мы шли, то люди, поняв, куда и зачем мы направляемся, потихоньку начали собираться вокруг нас. Уже через короткое время люди превратились в большое шествие, и чем дальше мы продолжали путь, тем тяжелее нам было двигаться. Как бы там ни было, но, в конечном счёте, мы добрались до места назначения. Вдруг я увидел, что Абдоль-Хусейн вышел вперёд, чтобы выступить перед собравшимися людьми с речью. Он был в зелёной военной форме, а железная каска всё ещё была у него на голове, и она была застегнута на подбородке. Тут же

---

²⁰ Битва при Бадре — первое крупное сражение между мусульманами и курайшитами, произошедшее во втором году по хиджре семнадцатого числа месяца Рамадан в пятницу утром 17 марта 624 г. в Хиджазе. Крупная боевая победа мусульман и фактически поворотный пункт в их борьбе против курайшитов.

находились журналисты и операторы, готовые к своей работе. Вскоре Абдоль-Хусейн начал выступать.

Большая часть его речи состояла из цитирования аятов священного Корана и преданий и их толкования. Он самым доходчивым образом связывал их смысл с тем, что произошло в Курдистане. Люди, как замороженные, внимали его речам, и чем дольше он говорил, тем больше людей собиралось вокруг и всё более сосредоточенно слушали его. Абдоль-Хусейну удалось в самой доступной манере разъяснить ситуацию, сложившуюся на тот момент в Курдистане. В своей речи он также изобличал некоторых государственных деятелей, а в конце её призвал людей, чтобы те сами отправились туда и сражались против врагов революции, чтобы покончить со смутой, поднятой ими.

Его речь в общей сложности длилась около двадцати минут. Позже я узнал, что среди слушателей был также и Хашеми-Нежад ²¹ и ещё несколько других учёных.

---

²¹ Абдоль-Керим Хашеми-Нежад – известный революционер, приложивший в своё время немало усилий для свержения шахского режима в Иране. Был убит в 1979-м году после победы Исламской революции в Иране.

НА ПОСТУ ОХРАНЫ

Рассказчик: хуждат аль-ислам Мухаммад Реза Резаи

Однажды Абдоль-Хусейн рассказал мне о своём воспоминании, связанном с Курдистаном:

«Я тогда был дежурным на посту охраны в городе Сенендж. Однажды, будучи на посту, я вдруг увидел одну курдскую девушку. Она шла прямо на меня. На голове у неё не было платка, а вид её был просто безобразен. Я отошёл в сторону и не стал загораживать ей дорогу, лишь бы она быстрее прошла мимо. Однако она не прошла, а наоборот – начала приближаться ко мне. Я не смотрел на неё, но ухо держал остро и старался быть начеку. На тот момент у меня было только одно желание – чтобы она скрылась из виду, уйдя как можно дальше. Прошло несколько мгновений, а она всё стояла и ждала чего-то. Я взглянул на неё – её лицо было полностью покрыто макияжем. Она будто бы ждала, пока я взгляну на неё, и как только я это сделал, сразу же начала строить мне глазки и улыбаться. Я отвернулся и свирепо сказал ей, чтобы она шла по своим делам.

Как ни странно, она не ушла, а всё так же продолжала стоять на месте. Судя по всему, она прекрасно знала, что делала. Я повторил то, что сказал ранее, но она опять не двинулась с места. Тогда я резко передёрнул затвор автомата и, грозно смотря на неё, крикнул ей:

– А ну-ка, быстро убирайся отсюда, а иначе я сделаю из тебя решето, не оставив не единого живого места!

Она сразу же побледнела, и через мгновение уже бежала прочь оттуда²².»

---

²² Антиреволюционные силы в Курдистане пытались проникнуть в ряды стражей Исламской революции всеми возможными способами, не гнушаясь даже такими методами, как подсылать к ним таких девушек с вполне очевидной целью.

НАСТОЯЩИЙ АНГЕЛ

Рассказчик: Масума Сабокхиз

Всякий раз, когда я вижу ту фотографию, в голове тут же всплывает приятное воспоминание. На этой фотографии Абдоль-Хусейн, как любящий отец, стоит, положив руки на плечи двух курдских мальчишек, одному из которых он что-то говорит, а вокруг них пасутся овцы. Холод курдской земли также ощущается на фотографии. Про этот случай, конечно же, рассказал мне сам Абдоль-Хусейн:

«В ту первую ночь, когда я увидел этих мальчишек, я ещё не обратил на них особого внимания. Да, это было странным и удивительным, но сомнений особо не вызывало. Как и я, ребята тоже удивились, увидев двух маленьких пастухов в такое время. В конце концов, куда они могли идти со своим стадом в столь поздний час? Однако, мы не стали это выяснять, и они просто прошли дальше. Через какое-то время силуэт одного из них опять показался в ночи, после чего снова исчез.

Следующей ночью они опять пришли, причём с того же самого направления – два маленьких пастуха со своим стадом овец. На этот раз у нас возникли подозрения относительно них – не разведкой ли они здесь занимаются.

– Тут дело нечисто, – заметил один из наших. – Надо бы выяснить, что здесь и к чему.

Прежде мы уже имели дело с курдскими коммунистами, и, надо сказать, для них не было никакой разницы между старыми и молодыми, женщинами и детьми – они посылали для реализации своих целей кого угодно, а для получения их согласия применяли методы давления и запугивания.

Мы остановили этих двух пастушков и, как говорилось в наших кругах, начали их обрабатывать. Пока они отвечали на вопросы, я внимательно изучал их поведение, но ничего подозрительного не заметил ни в них, ни в их ответах. Тогда я взглянул на стадо, и мне их поведение показалось необычным.

Вдруг неожиданно меня озарила одна мысль. Я присел и начал осматривать животы овец. Обнаружилось, что к животам их были привязаны гранаты, причём сделано это было умелыми руками. Когда дети поняли, что их секрет раскрыт, то застыли на месте. Если я и мог испытывать гнев по отношению к кому-либо, то это были враги Революции, а не те невинные души, которыми они пользовались.

– Не бойтесь, – сказала я им, – с вами у нас нет никаких проблем.

Гранаты мы сняли с овец, а этих двух продержали до рассвета. Утром я отправился к ним и, положив руки на их плечи, начал по-отечески давать им советы, которые непременно пригодились бы им в их жизни. Было видно, что такого отношения к себе они точно не ожидали.

В конце концов, я сообщил им, что они свободны и могут идти туда, куда захотят. Сначала мальчишки даже не поверили мне. Когда же они поняли, что это не шутка, то, попрощавшись с нами, неспешным шагом ушли

вместе со своим стадом. Время от времени они оглядывались назад, видимо, всё ещё сомневаясь и не веря в то, что их так запросто отпустили. На самом деле, и их нельзя было в этом винить, если взять в расчёт тот дикий и зверский образ наших ребят, который активно пропагандировался курдскими коммунистами среди местного населения».

ВЫДЕЛЕННЫЙ ДОМ

Рассказчик: Масума Сабокхиз

Когда революционная армия была сформирована, у Абдоль-Хусейна уже совсем не было свободного времени – сутки он занимался армейскими делами, сутки – был дома. Иногда он оставался там и на несколько суток подряд. Поначалу он вообще не получал жалования за свою работу, но даже тогда, когда начал получать, оно не могло обеспечить нашу семью всем необходимым, и поэтому он иногда брался за строительные работы, большую часть из которых выполнял ночами.

Наш дом в то время располагался в районе Ку-е Толляб, и общая площадь его не превышала сорока метров. Я несколько раз затрагивала эту тему и говорила ему, что нам с пятью детьми надо уже подумывать о том, чтобы приобрести жилище, желательнее попросторнее. Однако у Абдоль-Хусейна не было времени даже подумать об этом, не говоря уже о том, чтобы решить этот вопрос. Я не теряла надежду на то, что вскоре он решит этот вопрос до тех пор, пока не пришла война, вместе с началом которой никакой надежды на то, что он займётся этим, уже не оставалось.

Целый месяц он провёл в тренировочном лагере. Ждать больше смысла не было, и я сама принялась за решение этой проблемы, тем более подстёгивал тот факт, что время для этого было весьма подходящее. Я продала наш дом и купила другой, побольше, располагавшийся неподалёку от прежнего. Воспоминания того дня для меня имеют особую ценность. Вещей у нас было совсем мало, и поэтому мы с детьми легко справились сами. Когда мы, погрузив в пикап все вещи, ехали на новое место, вдруг неожиданно увидели Абдоль-Хусейна. По его лицу можно было понять, что он удивлён тому, что увидел нас. Прошёл целый месяц, как мы не виделись.

– Куда вы едете? – подойдя, спросил он.

– Я купила дом, вон там, – указывая в сторону перекрёстка, ответила я.

– Он ведь больше, чем наш? – посмеявшись, спросил он.

– Ну конечно.

– И откуда же ты собираешься достать деньги? – опять смеясь, спросил он.

– Бог щедр, – ответила я. – Он обязательно дарует нам столько, сколько нам надо.

Он ничего не ответил, но одно я знала точно – он остался доволен моей самостоятельностью. Ещё больше радости он испытал тогда, когда увидел наш новый дом.

– Спору нет, – внимательно осмотрев всё, сказал он, – в этом доме детям будет намного лучше, чем в прошлом.

Во дворике не было брусчатки, а сам дом был обнесён стеной из самана, но подобные мелочи никак не могли нам испортить впечатление от нового,

большого по своей площади дома. Мы быстро обустроились на новом месте. К сожалению, Абдоль-Хусейн был вынужден вернуться к своим фронтовым делам быстрее, чем предполагал.

Несколько дней мы провели в доме без проблем, но они начались тогда, когда полил первый дождь после нашего переезда. Когда мы сидели в доме, я вдруг почувствовала, что голова почему-то стала мокрой. Подняв глаза к потолку, я увидела, что с него капает вода. Прошло несколько мгновений, прежде чем я сообразила, что нужно делать, ведь к такому я совсем не была готова. Я быстро принесла посуду и подставила её под то место, где капало. Только я расслабилась, думая, что проблема позади, как капать начало уже в другом месте.

Дождь всё усиливался, а вместе с ним появлялось всё больше утечек. Если я скажу, что я использовала против дождя всю посуду, которая только была у нас в доме, то, возможно, это не было бы преувеличением. Как же я утомилась в ожидании, пока дождь не прекратится. После этого я считала дни, когда Абдоль-Хусейн вернётся. К тому моменту, когда это случилось, дождь успел пойти ещё несколько раз, и то нельзя сказать, что Абдоль-Хусейн вернулся, скорее его вернули – он был сильно ранен. Больше всего пострадали его ноги. На следующий день после того, как его привезли, проведать его зашли Газали и несколько его фронтовых друзей, и надо было такому случиться, что именно в этот день пошёл дождь! Мне было так стыдно. Когда Газали заметил «проблему», то подумал, что протекает только та часть крыши, которая прикрывает комнату.

– Где ваша гостиная? – спросил он у детей.

Они показали ему, где у нас находится гостиная. Войдя туда, он тут же вернулся. В других местах лило ни чуть не меньше, чем в той комнате, в которой лежал Абдоль-Хусейн. Мы начали носить посуду, чтобы подставлять её под капаящий дождь. Немного погодя наши гости попрощались с нами и ушли.

Не прошло и часа, как один из них вернулся к нам домой. Как выяснилось, приехал он за моим мужем, чтобы его увезти куда-то.

– У него ведь сейчас не лучшее состояние, – сказала я, – Вы ведь и сами это знаете.

– Не переживайте, мы сами отвезём его на машине, – сказал он.

– А Вы не можете отложить это дело? – спросила я.

– У господина Газали срочное и неотложное дело, – ответил он. – Он поручил мне, чтобы я обязательно привёл господина Борунси.

* * *

Когда он вернулся обратно, вид у него был какой-то озадаченный. Естественно, мне было очень любопытно узнать, в чём дело.

– Так, что там было? – через несколько минут спросила я его. – Зачем они тебя так срочно позвали?

– Ничего особенного, – глубоко вздохнув, ответил он. – Говорят, что меня не пустят на фронт...

– Не пустят на фронт? – удивлённо спросила я.

– Ну да, – ответил он, – говорят, пока я не разберусь с ремонтом в доме, меня не пустят обратно на фронт.

– А что он хотел, и почему ему непременно нужно было тебя увидеть? – не могла я уговориться.

– Ну, – замешкался он, – он хотел спросить о том, как вообще ты сама относишься к нашему быту и условиям жизни, довольна ли, или не совсем. Ну, я, естественно, ответил, что ты всем довольна.

Мне просто не терпелось поскорее узнать, починят ли наш дом, в конце концов, или нет.

– И что он сказал потом? – спросила я.

– То, что я и так уже сказал – пока я не почию дом, мне не позволять вернуться на фронт, – ответил он.

Он замолчал, как будто опять задумался о чём-то. Через некоторое время он сказал мне, чтобы в том случае, если к нам домой придут представители армии и начнут расспрашивать о том, как нам живётся, то я ответила им, что у нас всё замечательно, и что я сама купила этот дом, и что нет никакого желания переезжать в другой, даже если и был он лучше этого.

– Почему я должна говорить это? – с недовольством спросила я.

– Они хотят дать нам деньги, – будучи ещё более недовольным, вторил мне муж, – чтобы я построил новый дом, а я не хочу этого.

Я не хотела перечить ему, ведь я прекрасно знала его – никогда в жизни он не говорил и не просил ничего, что могло бы вызвать недовольство Всевышнего.

Когда к нам вновь пришли военные, он завёл их в дом. У одного из них в руках была сумка. Когда они зашли, то он открыл её, достал несколько пачек денежных купюр и положил их перед Абдоль-Хусейном. У меня резко участился пульс – я никак не ожидала увидеть такую сумму денег. Предугадать, что будет делать муж, было нельзя, но по нему было видно, что для него это тоже было неожиданностью. Вдруг, его взгляд резко изменился, и было ясно, что он принял бесповоротное решение – он быстро собрал в охапку все деньги и закинул их обратно в сумку, из которой их достали. Военные смотрели на него с таким же удивлением, как и я.

– Всё это – казённые деньги, – твёрдо сказал он. – Я никогда не пожелаю, чтобы мои дети питались бы и малой частью того, что может быть приобретено на них.

– Но... – пытались они возразить.

– Никаких "но", – тут же перебил он. – Мои дети будут жить так, как они живут, и никаких других условий им не надо.

– Что мы скажем Газали? – спросили они.

– Скажите ему, что я сам придумаю, что можно сделать с домом, – ответил Абдоль-Хусейн.

Они ещё долго пытались уговорить его взять деньги, но он был неумолим.

* * *

Пошло несколько дней. Состояние Абдоль-Хусейна заметно улучшилось. Как бы он не пытался найти работу на стройке, ничего не получалось – её на тот момент просто не было.

В один прекрасный день, я узнала, что он напроць хочет снести одну стену. Я не поверила своим ушам.

– Ты, видать, шутишь, – лишь сказала я.

– Напротив, – ответил он, – мои намерения самые что ни на есть серьёзные.

– Как тебя после этого можно назвать строителем? – подстегнула я его.

– По воле Бога, я докажу тебе, что очень даже возможно, – парировал он.

Мои просьбы и уговоры не дали никаких плодов. В тот же день он принялся за осуществление своего плана. Через короткое время одна сторона дома была полностью разрушена. Вместе с несколькими своими друзьями чуть позже он залил фундамент и возвёл на нём ещё две комнаты.

Где-то через два дня после того, как они закончили, пошёл сильный дождь. Дети уже по привычке начали поглядывать на потолок, ожидая, когда с него начнёт капать вода, впрочем, как и я сама. Вопреки нашим ожиданиям, внутрь не попала даже капля.

– Теперь, когда тебе стало лучше, ты наверняка сразу вернёшься на фронт, – сказала я ему, – но обещаю, что, когда вернёшься, обязательно отремонтируешь и другую часть дома.

– Если на то будет воля Всевышнего, то обязательно сделаю, – ответил он.

Не успела я привыкнуть к новой пристройке, как в один прекрасный день вдруг со двора донёсся какой-то грохот. Я выбежала на улицу и чуть не потеряла сознание от увиденного – часть старой саманной стены обрушилась. Я сразу же пошла к Абдоль-Хусейну.

– Ничего страшного, – успокаивал он меня, – когда приеду в следующий раз, то разберу и её, и на её месте построю кирпичную стену.

– За эти пять-шесть дней отпуска, который ты обычно берёшь, ты ведь ничего толком не успеешь сделать, – возразила я ему.

– В следующий раз я возьму отпуск на двадцать дней, – ответил он, – так что всё успеется.

На следующее утро он уехал на фронт.

* * *

Прошло около двух месяцев. Когда он вернулся, то первым делом сказал, что он все-таки взял отпуск на двадцать дней, дабы починить ту стену.

Он долго не думал и не тратил времени попусту, и в первый же день приступил к работе – разрушив то саманное недоразумение, он принялся

за кладку кирпичей. В тот момент, когда он был занят работой, к нему пришёл один его фронтовой товарищ.

– Заходи в дом, – пригласил его муж, но тот сказал, что будет лучше, если он сам выйдет на несколько минут.

Абдоль-Хусейн вышел и скоро вернулся обратно.

– Появилось одно очень срочное дело, – сказал он мне. – Я должен ехать.

– Раз должен, то, конечно, езжай, – спокойно ответила я ему. – Только возвращайся быстрее.

– Я нужен не в городе, – уже более мягким голосом, сказал он.

– А где?

– На фронте, – осторожно произнёс он.

Моё лицо в тот же миг покраснело. Я была очень расстроена этим. Если бы вы просто прошлись по нашей улице, не заметить наш полуразрушенный дом вы бы просто не смогли.

– Ты что, хочешь оставить меня со всеми этими детьми в доме, у которого нет ни двери, ни стены? – оглядевшись по сторонам, задала я ему риторический вопрос. Когда я поняла, что никак реагировать на него он не собирается, то добавила, – Лучше уж тогда ты бы не разрушал эту часть дома, раз не доводишь дело до конца.

Как это обычно бывало в подобных ситуациях, он рассмеялся, после чего сказал:

– Да не переживай, жена. Даю тебе слово, что ни одна кошка не пройдёт по этой крыше.

Я только сильнее надулась и выразила ещё большее недовольство всем своим видом.

– Ну, то, что стена разрушена, это не страшно, – оценивая ситуацию, произнёс он.

Как же я хотела разреветься в этот момент.

– То есть, ты считаешь это приемлемым, – опять задала я ему тот же вопрос, – чтобы я осталась одна в этом полуразрушенном доме с маленькими детьми?

Естественно, я пыталась сделать так, чтобы он начал меня успокаивать, но мои попытки были безуспешны, ничего не выходило, а обида, тем временем, становилась только больше. Он уже перестал улыбаться.

– Послушай меня, – серьёзно, но мягким голосом, сказал он, – с самого своего детства, когда я ещё был в деревне, я ни разу не залезал ни на чью крышу или забор и не смотрел ни на одну чужую для меня женщину, на которую смотреть мне запрещается моей религией.

Услышав эти слова, я начала внимательнее слушать. Обида ещё не прошла, но я понимала, что должна внимательно выслушать то, что он скажет.

– И вот, я говорю тебе – если даже ты выйдешь на улицу с непокрытой головой, в твою сторону никто не будет смотреть, точно говорю тебе.

Ни одна живая душа не побеспокоит вас, пока вы будете здесь. А знаешь почему? Потому, как я сам никогда не доставлял таких неудобств другим. Вообще не переживай за это.

Говорил он, надо сказать, очень уверенно и внушительно, и его слова, словно вода, потушили возникший во мне пожар. Когда он собрал сумку и ушёл, я уже не чувствовала даже капли тревоги и волнения.

* * *

Через некоторое время он вернулся обратно. Лицо его, как и всегда, излучало избыток нежности и доброты. Он по очереди обнимал детей и целовал их. Ещё не встав с корточек, он вопросительно посмотрел на меня, и я сразу поняла, ответа на какой вопрос он ждал от меня.

– Так, не врывался ли к нам вор, или какой-нибудь другой рецидивист? – опередив меня, спросил он.

– Нет, – последовал мой ответ.

Абдоль-Хусейн начал смеяться.

– Твои слова возымели настолько сильный эффект, – продолжила я, – что мы жили, не переживая вообще ни о чём. Если бы я сказала, что за это время я испытала хотя бы самую малую тревогу, то это было бы ложью.

Да благословит его Всевышний – эти его слова до сих пор действуют как на меня, так и на детей, и они навсегда сохранятся в наших сердцах. Как сказал он сам, с тех пор нас в доме не тревожила ни одна живая душа.

ОБЕТ РАДИ ВСЕВЫШНЕГО

Рассказчик: Масума Сабокхиз

По тому или иному случаю я всегда давала Господу обет в том, чтобы совершить какой-нибудь добродетельный поступок. Так было и в этот раз – я дала обет, что если Абдоль-Хусейн вернётся, я принесу в жертву овцу и раздам мясо нуждающимся.

Когда он вернулся с фронта, то я сообщила ему о своём обете. Он тут же отправился куда-то и привёл живую овцу, которую после привязал во дворе.

Когда наши родственники и соседи увидели у нас во дворе овцу, им сразу же стало интересно, в чём дело. Когда они спрашивали о причине этого, то я объясняла им, что дала обет.

В конце концов, мы зарезали эту овцу. Абдоль-Хусейн лично занялся распределением мяса. Каждую долю он клал в отдельный пластиковый пакет. Даже печень с остальными съедобными внутренностями и шкуру он положил отдельно.

– Принеси мне один большой мешок, – сказал он, когда закончил и уже помыл руки.

– Зачем он тебе? – спросила я его.

– Для того, чтобы положить их в него, – взглядом указывая на пакеты, ответил он.

Я подумала, что он хочет отнести долю родственников, соседей и близких лично.

– Тебе не обязательно самому относить их, – сказала я. – Мы с детьми можем сделать это сами.

Он взглянул на меня и улыбнулся, поняв, о чём я подумала.

– Разве ты не давала обета, что пожертвуешь мясо этой овцы ради Всевышнего? – спросил он.

– Да. А что?

– Ну, тогда принеси большой мешок.

Я сделала то, что он сказал. Все пакеты он уложил в этот мешок, не оставив даже одного для нас, и уложил его на мотоцикл.

– Среди наших родственников и соседей, слава Богу, нет никого, кто нуждался бы в еде, – сказал он.

Я так и не узнала, куда он отнёс мясо в тот день и кому отдал его, но знаю точно то, что среди тех, кто получил его, не было ни одного нашего родственника или соседа. Некоторые из них всё проявляли любопытство по поводу того, кому же оно, всё-таки, досталось.

– Вы уже зарезали ту овцу? – спрашивали они.

– Да, – отвечала я.

– Надо же, как тихо вы это провернули, – удивлялись они, имея в виду, что им ничего не досталось, и они не узнали об этом по подаренному им хорошему куску мяса. Некоторые даже умудрялись предположить, что мы зарезали её и всё мясо оставили себе.

Во все последующие разы, если кто-то из нас давал обет принесения в жертву барана, Абдоль-Хусейн проворачивал то же самое. Сколько бы и как бы я ни спрашивала у него, куда он относит мясо, добиться ответа мне так и не удалось, и ни разу он даже не намекнул о том, кто это мог быть.

ПЛОХАЯ ОЦЕНКА

Рассказчик: Абуль-Хасан Борунси

Хусейн никогда не пренебрегал нашими уроками. Всякий раз, когда он возвращался на увольнительный отпуск, он прежде всего наведывался в школу, где я учился. Воспоминание о том дне всегда будет гореть светлым и ярким огнём в моей памяти, подобно солнцу. Мы тогда сидели в классе. Учитель как раз провёл диктант и принялся проверять наши работы. Взяв один из листов, он посмотрел на меня. Я был уверен, что это мой лист. Сердце начало биться быстрее, и чем суровее становился взгляд учителя, тем хуже и тяжелее мне становилось. Вдруг, в дверь класса кто-то постучался.

– Войдите, – громко сказал учитель.

Когда я увидел того, кто вошёл, сердце у меня было готово выскочить из груди – это был отец. Учитель быстро встал и, поприветствовав его, пожал ему руку.

– Вы пришли очень кстати, господин Борунси, – сказал он отцу.

– Почему? – улыбнувшись, спросил отец.

– Я тут проверял диктант Хасана, и закончил как раз перед тем, как вы вошли.

Они вместе подошли к столу учителя, и он начал показывать ему мой диктант. Увидев листок, лицо отца тут же стало хмурым, и он этим пугающим для меня взглядом посмотрел прямо в мои глаза. Я немного поёрзал на стуле. Во рту у меня всё пересохло, а тело бросало в жар. Я опустил голову и уставился на свою обувь. В этот момент я испытывал лишь жгучий стыд.

Со слов учителя, я понял, что из двадцати баллов я получил всего лишь семь.

– Что это за оценка, которую ты получил? – вернул меня в реальность голос отца.

Я приподнял голову, но на него взглянуть все ещё не решался.

– Почему ты не учишься так, как подобает? – вопрошал он. – Твой учитель говорит, что ты плохо учишься.

Мне нечего было сказать. Судя по всему, отец понял, насколько мне стыдно, и поэтому смягчил свой голос.

– Ладно, когда придёшь домой, там уже посмотрим, что делать, – сказал он.

Отец попрощался с учителем и ушёл. Во время перемены ребята с нашего класса собрались вокруг меня. Каждый из них говорил что-то своё.

– Если пойдёшь домой, то твой отец точно накажет тебя и побьёт, – сказал один из них.

– Мой отец не такой, – усмехаясь, ответил я. – Он никогда не наказывает нас телесными наказаниями. Даже если он и побьёт меня, то и тогда для меня это не будет проблемой, потому как я очень сильно люблю его.

Наконец, прозвенел последний школьный звонок того дня. Как же я не хотел в тот момент уходить из класса и идти домой. Тот хмурый образ отца, запечатлённый у меня в голове, навевал тысячи дум в моей юной голове. Как бы там ни было, надо было идти домой, и я, в конце концов, пошёл.

Вот, я уже был дома. Я не стал идти в ту комнату, в которой находились все, а вместо этого направился в другую, и, обняв руками колени, решил ждать своей участи там. Из головы у меня не выходило выражение лица отца, и теперь я уже представлял, как он ругает меня.

Вдруг, я заметил, что он стоит у двери комнаты. Я взглянул на него – на лице у него была улыбка. Он подошёл ко мне, погладил по голове и поднял на ноги.

– Ладно, будет тебе, – сказал он. – На этот раз ничего страшного. Дай Бог, отныне ты будешь учиться лучше.

ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ БЕЗ ОБРАТНОЙ ДОРОГИ

Рассказчик: худжат аль-ислам Мухаммад Реза Резаи

Однажды Абдоль-Хусейн рассказал мне следующее:

"Когда я был командиром батальона, в высшем военном руководстве начали обсуждать одну очень важную военную операцию. Территория, на которой она должна была проходить, была стратегически значимой. С одной стороны там было много сил врага, с другой – они опасались нашей атаки, и это обстоятельство только усложняло ситуацию.

Как-то раз в то время ко мне пришёл один из представителей нашего руководства.

– У нас есть для тебя личное поручение, – без каких-либо вступлений, заявил он. – Согласен ли ты выполнить его?

– Вы скажите, в чём оно заключается, и тогда я дам свой ответ, – сказал я.

– В операции, о которой мы говорили ранее, должны быть задействованы разные силы с разных направлений. Ты ведь и сам знаешь, что враги ждут нашего удара. Если нам удастся одержать победу в этом сражении, то это в значительной мере повлияет и на ход самой войны.

Через какое-то время нас с моим батальоном собрали вместе для проведения инструктажа по предстоящей операции.

– Ваш батальон должен проникнуть в самое сердце врага, – вводил нас в курс дела инструктор. – Проникнув к ним, вы должны завязать с ними бой, чтобы они отвлеклись на него и потеряли бдительность относительно всех других направлений. Это, в свою очередь, откроет для нас возможность провести атаку с других флангов, которые на тот момент не будут защищены. Эта операция обязательно обернётся для нас большой победой.

Я лишь сидел молча и думал о предстоящем.

– Как мы уже указали на это, – продолжал он, – есть вероятность того, что никто из вас не вернётся оттуда живым, ведь вы должны принять на себя весь их огонь, да ещё и будучи на их территории. Теперь вопрос – готовы ли вы взяться за это дело несмотря на то, что вас может ожидать?

– Раз уж это является нашим долгом, то, как мы можем не взяться за него? Конечно же, мы сделаем это, – сказала я.

* * *

Вечером того дня, когда мы проводили операцию, я опять собрал своих ребят, чтобы дать им общие инструкции. Они, как и я, полностью осознавали, что это их священный долг, и в решительности их не было ни тени сомнения. Через некоторое время мы двинулись в сторону врага.

С молитвой на устах, мы пересекли линию фронта и зашли на территорию врага. Ребята были один решительнее другого, и шагали они все твёрдой и уверенной поступью. Мы готовы были принести себя в

жертву для того, чтобы наши братья смогли провести манёвр с лёгкостью и достичь поставленной цели, и осознание этого вдохновляло на бой с ещё большим рвением и стремлением к нему.

Я не могу сказать точно, сколько времени у нас занял путь туда, но, наконец, мы добрались до точки, откуда должны были начать операцию. Это было прямо посреди мест дислоцирования иракских солдат. С одной стороны от нас были танковые войска, с другой – склады, с третьей – пехотные войска. Артиллерия располагалась немного поодаль от нас, и выглядела она так, будто бы с нетерпением ожидала того момента, когда начнёт вести огонь.

Подозрительная тишина накрыла тяжёлой дланью всё вокруг. Мы должны были открыть огонь по нескольким направлениям одновременно. Я дал своим ребятам сигнал, чтобы они заняли позиции. Задачу каждого из них я заведомо разъяснил. Всё застыло в безмолвном ожидании. Я ещё раз внимательно огляделся, чтобы убедиться, всё ли мы учли и соблюли. Наконец, настало наше время дать о себе знать. Я знал, что каждый из них только и ждёт, чтобы услышать мой приказ к началу атаки. В душе я сказал: "Господи, только на Тебя мы уповаем!", и сразу после этого последовал приказ к началу обстрела.

– Аллаху акбар! – прокричал я что было сил.

Тишина резко сменилась шумом бесконечных автоматных очередей. В одно и то же мгновение мы открыли огонь по нескольким сторонам.

Противника мы застали врасплох, и поначалу он даже не сообразил, что происходит. Однако же, спустя некоторое время, он пришёл в себя, и через несколько минут по нам был открыт огонь из всех оружий и орудий. По нам били с нескольких сторон: автоматами, пулемётами, бомбами, артиллерией, катюшами и прочим. Ещё через какое-то время они устроили для нас настоящий ад. То, что мы должны были сделать, мы сделали, и теперь главной задачей было сохранение жизни ребят.

– Всем ложиться! – крикнул я. – Пусть никто больше не стреляет!

Все залегли и укрылись, в том числе и я. От наших автоматов тогда было мало толку среди всего этого огня. Я, как и все остальные, без конца читал молитву и поминал в душе Бога. Плотность вражеского огня с каждым мгновением всё усиливалась. Если честно, на тот момент я думал, что большинство ребят уже пали смертью мучеников. Нам оставалось только ждать поступления приказа высшего руководства.

Через какое-то время из рации раздался чей-то голос. Это был один из руководителей операции. Он даже не думал на тот момент, что я могу быть жив.

– Ваша жертва принесла свои плоды, хвала Всевышнему, – сказал он. – Если вы сможете, то возвращайтесь назад.

Наши силы с другого направления сумели сломить оборону врага. Теперь, уже когда они отвлеклись на новый удар, о нас они вообще забыли. Я быстро вскочил и начал собирать своих людей. Через несколько минут мы уже двигались в сторону тыла.

* * *

Наши одержали в этой битве блестящую победу. Когда мы вернулись назад, некоторые смотрели на нас, словно мы были призраками – они были просто шокированы тем, что нам удалось выжить в этом адском котле. Если честно, нам и самим в это не верилось, ведь мы шли туда с надеждой на то, чтобы пасть на поле битвы, стать мучениками на пути Аллаха. Однако, по божьей милости, мы потеряли только двух или трёх своих братьев по оружию, а также были ранены двое. Только Бог ведь знает, в чём для нас заключена польза, а в чём вред, и Он даёт нам то, что лучше для нас, хотя мы и не всегда это осознаём".

ЗАБОТА ЕЁ СВЕТЛОСТИ ФАТИМЫ ЗАХРЫ

Рассказчик: худжат аль-ислам Мухаммад Реза

Резаи со слов самого Борунси

Наша операция не успела толком начаться, как мы уже столкнулись с проблемой. Наш батальон был вынужден залечь на землю, и состояние моих ребят вдруг переменялось.

Это было впервые, когда я попал в подобного рода ситуацию. Я не знаю, что с ними случилось, но они вообще не слушали меня, хотя это были те же самые ребята, которым стояло только дать сигнал, как они тут же были готовы идти прямо в пекло, жертвуя своими жизнями.

Я начал пристально вглядываться в лица некоторых из них. Они имели какой-то особенный, ни на что не похожий вид – по ним нельзя было сказать, что они боятся или что-то в этом духе, и вообще нельзя было догадаться, что у них творится на душе. Что бы я им ни говорил и что бы ни делал, чтобы они согласились выполнять приказ, всё было без толку. Они будто бы прилипли к земле и ни за что не хотели от неё отлипнуть.

Если бы мы не засели в этой впадине, то вероятность отъёма позиций врагом и на других участках была весьма велика, не говоря уже о тех жертвах, которые за этим последовали бы. Меня вдруг охватило какое-то отчаяние – я совершенно не понимал, что я должен делать.

Я поднял голову к небу и прокричал в своём сердце: «Господи, помоги же Ты нам!».

Немного отойдя от ребят, я из глубин души воззвал к госпоже Фатиме Захре, чтобы она помолилась за нас. «Госпожа, окажи мне помощь и укажи мне на то, что я должен делать, чтобы повлиять на своих ребят, и ты ведь лучше знаешь, в каком положении мы пребываем!» – просил я её.

Через несколько минут я вернулся к отряду. Я был убеждён на сто процентов, что госпожа Фатима не оставит меня одного и ответит на мою просьбу. Вдруг, в этой беспроглядной ночной тьме и в столь безнадежной ситуации, мне приходит на ум одна мысль. Я обратился к ребятам и голосом, не терпящим возражений, сказал им:

– Мне вы больше не нужны! У меня нет надобности ни в ком из вас, кроме одного гранатомётчика. Больше никто, только один гранатомётчик!

Все были поражены услышанным. Я начал считать мгновения, пока не объявится первый доброволец. Вдруг, один из них вскочил – это был человек из отряда гранатомётчиков.

– Я пойду с тобой, – сказал он.

Как и ожидалось, вслед за ним встал и другой, а за ним и третий, и так далее по цепочке, пока не встали все, кто был там. Я сразу же побежал, а за мной последовал и весь отряд.

Наша победа в той операции была неожиданностью для всех. Если бы мы атаковали с тем прежним настроением, который у нас был, мы бы точно не добились такого результата – это было не что иное, как проявление заботы о нас со стороны её светлости – госпожи Фатимы Захры – мир ей.

ОЧЕРЕДЬ ЗА ЕДОЙ

Рассказчик: худжат аль-ислам Мухаммад Реза Резаи

Я отправлялся на фронт из Кума, Абдоль-Хусейн – из Мешхеда. За всё время мне удалось увидеть его на передовой линии всего два или три раза, один из которых был тогда, когда мы находились в гарнизоне. После полудня, когда мы только прочитали намаз, мы вышли из мечети. Я отправлялся в сторону госпиталя, и тут вдруг по дороге я увидел один джип с едой, которую раздавали солдатам и ополченцам. Когда я начал оглядывать тех, кто стоял в очереди за едой, я увидел его. На секунду мне показалось, что я, должно быть, обознался, но приглядевшись повнимательнее, я понял, что это никто иной, как Борунси. Сразу в голову пришла мысль о том, что та весть о его назначении командиром батальона была, по всей видимости, ошибочной, а иначе было не понятно, как он мог здесь оказаться.

Я подошёл к нему, и мы с ним, обнявшись, начали расспрашивать о делах друг друга.

– Почему ты стоишь в этой очереди? – после всего спросил я его. – Разве ты не командир батальона?

Больше я не успел ничего сказать – улыбка сразу исчезла с его лица:

– Разве командиры батальонов чем-то отличаются от солдат, из-за чего они должны получать свою порцию без очереди?

Я сразу вспомнил хадис, в котором говорится: «Того, кто проявил скромность ради Аллаха, Он непременно возвысит».

«Да, не зря Борунси так ценится в армии», – подумал я.

Через какое-то время я узнал, что, оказывается, сами солдаты и ополченцы не раз пытались сделать так, чтобы их командир не стоял вместе с ними в очереди, но что бы они ни делали, Борунси настаивал на своём.

ЗОЛОТОЙ ПЕРСТЕНЬ

Рассказчик: Масума Сабокхиз

Когда муж был на исполнении очередной военной операции, я дала обет о том, что в случае, если он вернется домой здоровым, то я пожертвую свой золотой перстень в храм имама Резы. На той же операции он получил ранение, но оно, слава Богу, было несерьезным. Абдоль-Хусейн не успел ещё вернуться домой на увольнительные, как последствия того ранения уже полностью прошли. Таким образом, он приехал домой в целостности и сохранности, а значит, и обет надо было исполнять.

В тот день, когда он вернулся, я рассказала ему о том обете.

– Именно поэтому ты вернулся здоровым, – подытожила я.

– Если уж ты делаешь обет, то делай его в пользу фронта, – посмеявшись, сказал он.

– Почему? – с удивлением спросила я.

– Потому, – ответил он, – что имам Реза не имеет нужды в нём, а фронту нужна любая помощь, причём очень. Не надо относить перстень в храм имама.

Мне было неприятно слышать это, но я, как и всегда, сделала так, как он мне сказал.

* * *

В ходе следующей боевой операции он получил очень тяжёлое ранение. Его увезли в госпиталь, располагавшийся в Карадже. Кто-то из тех, кто находился там же, позвонил нам и сообщил о том, что случилось. Я попросила их дать ему трубку, но они сказали, что он не в том состоянии, чтобы разговаривать.

В тот же день мой брат вместе с братом мужа отправились в Карадж. На следующий день мой брат позвонил уже из Тегерана. Я даже не помню, ответила ли я ему на его приветствие или нет, потому как все мысли в моей голове были об Абдоль-Хусейне.

– Какие у вас новости? – сразу спросила я. – Как его состояние?

– Лучше, чем ты, судя по всему, думала, – смеясь, ответил он.

Сначала я посчитала, что он говорит так, пытаясь просто успокоить меня, чтобы я не переживала.

– Скажи правду, – сказала я, – какой бы она ни была. Я говорю серьёзно.

– Так я и сказал правду, – ответил он. – Я как раз перед тем, как набрать тебе, вышел от него, и, скажу я тебе, говорил он без каких-либо проблем.

Мне было тяжело поверить в это, потому как я, видимо, слишком долго настраивала себя на что-то плохое. Я молчала, не зная, что сказать.

– Он просил передать тебе одно очень важное послание, – продолжил брат. – Вообще, он сказал мне позвонить тебе именно ради него.

– Что за послание? – с нетерпением спросила я, не дав ему даже договорить.

– Во-первых, – начал брат, – он передавал тебе салам. Во-вторых, он просил передать тебе, чтобы ты сейчас же шла в храм имама Резы и пожертвовала тот перстень, который принесла в обет во время его прошлой боевой операции.

Если честно, я была удивлена услышанным.

– Так, он ведь сказал, чтобы я этого не делала! – возразила я.

– Там долгая история, – сказал он. – Когда мы приедем в Мешхед, то я расскажу её тебе.

* * *

Они привезли его на самолёте, однако его состояние было не столь хорошим, чтобы ему можно было оставаться дома, и поэтому они отвезли его в клинику.

Мы поехали навестить его. На обратном пути я спросила брата о том, что за история была с тем перстнем. Его глаза тут же наполнились слезами, и он тихо начал рассказывать:

– Когда мы только приехали к нему, он был ещё без сознания. То, что случилось, мы узнали от его соседей по палате.

– Он, будучи без сознания, разговаривал с пятью представителями рода Пророка, – начали они, – а именно с теми, кто был под накидкой²³ Пророка, и слышали бы вы, с какими эмоциями он это делал!

– Вы сами слышали его слова? – спросила их я.

– Да, – ответили они. – Он их всех называл поимённо. Когда же он пришёл в себя, мы спросили его самого, в чём дело, и что он видел во сне. Он не хотел говорить об этом, и поэтому поначалу отнекивался, но после того, как мы настояли, то с грустью и печалью в голосе начал рассказывать:

«Во сне я видел представителей дома Пророка – мир им. Они все подошли ко мне, пока я лежал. Спросив меня о моём состоянии, они начали говорить со мной. Они гладили меня по тем местам, где у меня были ранения, и говорили: "У Абдоль-Хусейна крепкое здоровье. Если на то будет воля Всевышнего, он вскоре пойдёт на поправку". Они пробыли со мной много времени. Когда же они собрались уйти, то один из них показал мне точно такой же перстень, какой есть и у моей жены. "Что с вашим перстнем?", – спросил один из них таким тоном, от которого всё нутро человека будто переворачивается. Я сильно удивился такому вопросу. «Скажи, – продолжил он, – чтобы она отдала этот перстень в качестве жертвы для храма имама Резы».

Щёки моего брата были мокрыми от слёз. Я же была совершенно потрясена. Лишь теперь стало ясно, что отдать-таки этот перстень была не его идея – это было веление тех, ради кого он и сражается всю жизнь, и, возможно, напоминание того, что каждая вещь на своём месте имеет значение и ценность.

---

²³ Известное предание о том, как Пророк покрыл своим плащом Али, Фатиму, Хасана и Хусейна, после чего сказал, что только они являются людьми его дома, представителями Ахль аль-Бейт.

ПОСЛЕДНЕЕ ЖЕЛАНИЕ

Рассказчик: Хамид Хальхали

Его любовь к святой Фатиме Захре была сильнее того, чтобы её можно было как-то описать словами. Однажды Абдоль-Хусейн сказал:

– Знаете, я бы хотел, чтобы моей кровью, что бьёт струёй из разорванной ярёмной вены, было написано священное имя моей матери ²⁴.

Мы с друзьями переглянулись. Его желание было немного странным и сомнительным, и поэтому мы спросили его о том, почему оно у него возникло.

– Одно из многочисленных печальных и скорбных событий Ашуры ²⁵ всегда заставляет моё сердце обливаться кровью.

Когда ребята услышали название того дня – Ашура, то их настроение тут же переменилось, как, впрочем, и состояние самого Абдоль-Хусейна.

– Это тот случай, – с дрожью в голосе продолжил он, – когда имам Хусейн – мир ему – поднял лежащее на его ладонях окровавленное тело маленького Али ²⁶ и сказал: "О, Аллах! Прими (эту жертву от нас)!". Я тоже хотел бы, чтобы моей кровью было написано священное имя её светлости Фатимы Захры, чтобы доказать свою любовь и решительность. Я просил у Бога, чтобы Он исполнил эту мечту перед тем, как я умру.

После этого я ещё несколько раз слышал, как он говорил об этом. На нескольких последующих операциях я был вместе с ним, но его мечта всё ещё не была осуществлена.

* * *

Во время операции "Аль-Фаджр-1" меня не было с ним. Когда я услышал о том, что Абдоль-Хусейна ранили, то начал сильно переживать за него. Ребята сообщили мне, что пуля угодила ему в шею. После ранения в шею человек, как правило, не выживает, и поэтому я уж начал думать, что он погиб, но ребята сказали, что с ним, слава Богу, всё в порядке.

– Но как так? – удивился я. – Как могла пуля угодить в шею и не убить его?

– Судя по всему, – ответил он, – пуля была выпущена издалека, и когда она попала, то инерция была остаточной, потому она не смогла нанести большого вреда.

– В конце концов, – перехватил слово другой его боевой товарищ, – его мечта была осуществлена – я своими глазами видел, как на камне, на который попала его кровь, вытекшая из шеи, прописалось имя Фатимы именно этой кровью.

---

²⁴ Абд аль-Хусейн Борунси всегда называл дочь Посланника Аллаха Фатиму своей матерью.

²⁵ Ашура в исламе — особо почитаемый день, проходящий в 10-й день месяца мухаррам, у шиитов известен как день траура, так как в этот день происходит поминовение шиитских мучеников, прежде всего, Хусейна ибн Али.

²⁶ Один из сыновей имама Хусейна, в шею которого угодила стрела, пущенная их врагами в битве при Кербеле.

Как ни странно, но в тот же день мне удалось увидеть Абдоль-Хусейна. В этот момент его везли на коляске. Он был в полусознательном состоянии, и потому с ним нельзя было тогда поговорить. Я отчётливо увидел рану на его шее, куда попала пуля, как и кровь на его пальцах, которыми он, видимо, закрывал ранение, чтобы не потерять много крови. Когда его доставили в больницу, он не смог дотерпеть, пока раны полностью затянутся, и сразу же, как только ему позволило его состояние, вернулся обратно на фронт. Его лицо в то время излучало особую радость и счастье. Он всё радостно повторял: "Всевышний облагодетельствовал меня тем, что исполнил мою мечту. Теперь у меня нет другого желания, кроме как пасть смертью мученика".

ОТРЯДЫ ГРАНАТОМЁТЧИКОВ

Рассказчик: сейид Казым Хусейни

Это был очень воспитанный и хороший молодой человек, и звали его Дадиргаль. Я не знаю, по какой причине это произошло, но его исключили из его батальона. Ему вручили письмо, и он как раз шёл с ним в сторону здания суда.

Абдоль-Хусейн Борунси встретил его как раз на площади перед входом в здание. Увидев озадаченное лицо этого юноши, он понял, что у того какая-то проблема. Он поздоровался с ним. Молодой парень остановился и ответил на приветствие.

– Что с тобой, юнец? – спросил он его.

– Ничего, – ответил тот, – меня исключили из батальона, и вот я иду в суд. Ничего более не спрашивая, Абдоль-Хусейн взял его руку и сам повёл внутрь. Вручив письмо местному клерку, он сказал:

– Мне нужен этот солдат. Отправьте его со мной.

– Господин Борунси, он вам никак не пригодится, – ответил он.

– Вам-то какое дело? – возмущился Абдоль-Хусейн. – Я хочу отвести его с собой.

В итоге он привёл его в свой батальон.

Помимо этого юноши, у нас было ещё несколько таких же парней, и всех их хотели отправить домой. Каждый из них, стоило им только познакомиться с Абдоль-Хусейном, сразу же привязывался к нему. Сам Абдоль-Хусейн тоже очень много сил и времени уделял их воспитанию и морально-духовному развитию. Не знаю, как он воздействовал на них, но все они вступили в отряды особого назначения, а именно – в отряды гранатомётчиков. Самая сложная часть военных операций всегда ложилась на плечи ребят из отрядов особого назначения.

Через какое-то время, тот же Дадиргаль возглавил один из спецотрядов, а ещё через некоторое время погиб.

Помню, как Абдоль-Хусейн однажды сказал прежнему командиру Дадиргаля: "Вы не знаете этих ребят. Стоит им один раз пропустить молитву, пошутить или допустить какую-нибудь мелкую оплошность, как вы тут же исключаете их из отряда. Вы должны быть их путеводителем, направлять их в правильное русло. Если кто-то и может оказать нам помощь, то только наша молодёжь".

БОЖЬЕ ПРОВИДЕНИЕ

Рассказчик: Маджид Ихван

Касим был смышлёным и хорошим солдатом в нашем батальоне. Однажды он пришёл к Борунси и без каких-либо вступлений заявил, что он больше не может нести службу.

– Почему? – спросил его Абдоль-Хусейн.

Касим сел и начал качать головой из стороны в сторону, и казалось, будто бы он вот-вот заплачет.

– В моей голове крутится слишком много мыслей, и это отражается на том, что я делаю, – ответил он. – Я боюсь, что не смогу выполнять свой долг так, как я должен это делать. Надеюсь, тебя это никак не расстроит.

Возможно, только я и Абдоль-Хусейн знали о тяжёлых проблемах в семье Касима, которые занимали его мысли и не давали парню покоя. Он опять начал говорить, и в его словах можно было прочувствовать ту боль, которую он носил в сердце. Абдоль-Хусейн слушал его предельно внимательно, стараясь не упустить не только ни одной мысли, но также ни единого жеста.

Таких случаев, когда ребята раскрывали свои души в разговоре с ним, в нашем отряде было много. Борунси для всех них стал как родной и любящий отец. Солдаты и добровольцы всегда приходили к нему, чтобы поделиться своими проблемами или посоветоваться, даже те, кто был старше него. Абдоль-Хусейн, в свою очередь, помогал им как только мог. Бывало даже такое, что, когда к нам посылали комиссию, чтобы ознакомиться с ситуацией в рядах солдат, он выкладывал им проблемы тех ребят, чтобы те, в свою очередь, хоть как-то поспособствовали их решению.

Когда Касим закончил говорить, Абдоль-Хусейн процитировал несколько аятов и хадисов, чтобы указать ему на некоторые пути решения его проблемы. Вообще, в таких ситуациях он всегда говорил ребятам: "Кто я такой, чтобы давать вам какой-нибудь совет и указать на правильный путь? Тем более, у меня ведь даже нет образования".

Именно поэтому, давая советы, он использовал только аяты священного Корана, цитаты из книги «Путь красноречия» и хадисы.

Когда их разговор подошёл к концу, было видно, что Касим нашёл свою долю успокоения. Если он в начале и был мрачен и озадачен, то к тому моменту, когда уходил, Касим просто сиял.

На следующий день во время построения Абдоль-Хусейн выступил с речью перед ребятами. В своей речи он также упомянул суть той проблемы, которая была у Касима, естественно, не указывая на него самого.

– Мы с вами должны понимать, – говорил он, – что когда у кого-то из наших ребят возникают проблемы, то он идёт к начальству не для того, чтобы отпроситься и уйти с фронта, а лишь потому, что опасается того, что не будет выполнять свой долг здесь в должной мере.

После того случая, Касим ещё несколько раз приходил к Борунси, чтобы раскрыть ему душу и посоветоваться, и каждый раз Абдоль-Хусейн давал ему всё новые и актуальные советы, указывал на пути их решения и правильного понимания.

* * *

Когда Касим стал мучеником, мы отправились к нему домой в Мешхед. Его родители, брат и жена жили в одном доме. Когда речь зашла о нравственности Касима, его жена сказала:

– У нас с матерью Касима было сильное недопонимание, из-за чего отношения у нас были тяжёлыми. Когда он в последний раз был на увольнительном отпуске и приехал к нам, он сказал такие слова, после которых все наши проблемы разом решились. Он как будто залил водой тот огонь конфликта, который возник между нами.

Когда она сказала это, я навострил уши и начал слушать предельно внимательно.

– Касим точно не сам дошёл до тех мыслей, которыми он с нами поделился, потому, как если бы он сам понимал эти вещи, то наверняка и раньше решил бы нашу проблему. Не знаю, чему его научили на фронте, но, как говорят в народе, фронт – это школа жизни. Так оно и есть, и плоды, вынесенные из этой замечательной школы, я видела своими собственными глазами.

«ПЕРЕДАЙТЕ САЛАМ НАШЕМУ БРАТУ БОРУНСИ!»

Рассказчик: Маджид Ихван

Согласно плану, мы должны были выполнять боевую операцию совместно с 77-ой дивизией из Хорасана. Командующим дивизией в то время был лейтенант Седдиги. Мы договорились с ним о переговорах. Когда наступило время переговоров, мы зашли в комнату для инструктажа, где и должно было проходить собрание, и начали обсуждать предстоящую операцию.

Первыми слово взяли представители высшего армейского руководства. Разъясняя манёвры, которые нам предстояло совершить, он указывал на карту, висевшую там же на стене. В конце концов, слово дали бригадным командирам. Большая часть их речей касалась тактических манёвров и общей информации, которая должна была быть взята в расчёт. К примеру, сколько единиц танков в распоряжении у нас, а сколько у противника, как конкретно мы должны совершить манёвр, что необходимо взять с собой для проведения операции, и прочее.

Борунси к тому времени уже возглавлял бригаду, а именно восемнадцатую – имени Джавадол-Аимма, а я был его заместителем. На том собрании мы с ним сидели рядом. Наконец, очередь дошла и до нашей бригады. Абдол-Хусейн встал и вышел вперед. Несмотря на свою сельскую простоту, было в нём что-то особое и внушающее уважение. Все смотрели на него, а у меня сердце от волнения забилось чаще. Я и прежде был наслышан о его способности: последовательно и ясно излагать свои мысли, но ещё ни разу мне не доводилось видеть его выступающим на таких собраниях. «Интересно, что он собирается сказать всем собравшимся здесь?» – задавал я вопрос сам себе.

Начав с поминания Всевышнего, он нараспев прочитал несколько аятов священного Корана и хадис, после чего сделал небольшую паузу.

– Что касается тактики, – продолжил он, – то здесь относительно неё было сказано много. Да, безусловно, все эти замечания были необходимы и полезны всем нам, но, думаю, на этом с ними можно закончить. Я бы хотел направить вас в другое русло и поговорить о других вещах. Мы должны опасаться того, чтобы нас обмануло чувство собственного превосходства.

Сказав это, он начал рассказывать о битвах, произошедших в начале исламской эпохи, в том числе о битве при Ухуде ²⁷.

– Теперь же, – продолжал он, – все эти рассуждения о тактике не должны внушить нам чувство превосходства и ложной самоуверенности. У иракцев есть танки, и у нас они есть; у них есть артиллерия, и у нас она есть. А помните, что было в начале войны? Что было у нас, а что было у

---

²⁷ Битва при Ухуде состоялась 23 марта 625 у горы Ухуд, северо-западная часть Аравийского полуострова, между мусульманскими силами Медины во главе с пророком Мухаммадом и силами курайшитов во главе с Абу Суфьяном из Мекки.

иракцев? Помните ли вы, как мы их наказали тогда? К сожалению, мы хоть и были свидетелями чудес на поле брани, но не извлекли из этого должный урок. Я ни в коей мере не собираюсь принижать значение наших тактиков, как раз наоборот – они необходимы нам. Я лишь хочу указать на то, что вместе со всем этим мы не должны забывать о своей религии, идеологии и убеждениях. Ведь, в конце концов, что составляет нашу основу, то, ради чего мы с вами и находимся, и сражаемся на поле брани?

Все слушали его очень внимательно, а он, в свою очередь, с каждой секундой говорил всё с большим жаром и пылкостью. Он также провёл очень интересный анализ, в котором раскрыл разницу между войском имама Хусейна и войском Язида ибн Муавии ²⁸. После этого Абдоль-Хусейн своей речью перенёс нас в Кербелу, где произошло сражение между ними. Атмосфера в этом помещении сразу же поменялась. Через какое-то время все плакали в голос. Плакали все без исключения, и видели бы вы, насколько сильно! Борунси, в свою очередь, продолжал говорить. Его голос стал громче, он то и дело содрогался от чувств, которые захлёстывали его с головой.

– Они – это всё, что у нас есть, – продолжал он с таким же энтузиазмом. – Да, мы должны иметь оружие и другие необходимые средства ведения войны, но когда кто-либо из нас хочет нажать на курок гранатомёта, то первым делом он должен наполнить своё сердце любовью к имаму Хусейну. В противном случае, мы просто не сможем ничего противопоставить иракским танкам.

Через некоторое время он завершил свою речь. Состояние всех присутствовавших там полностью поменялось. Лейтенант Седдиги встал, подошёл к Абдоль-Хусейну и обнял его. Его глаза были красными от слёз.

– Борунси, если я могу предоставить какую-либо помощь для вашей бригады, то только скажи, – сказал он ему.

После этого он взял за руку другого лейтенанта, который был руководителем его первой бригады, положил его руку в руку Абдоль-Хусейна, после чего сказал:

– Отныне ты и первая бригада находитесь в подчинении Борунси, вы и обязаны в точности исполнять любой его приказ.

После этих слов он отпустил его руку.

– Передайте эти слова как военный приказ всем, кому следует, – добавил он.

* * *

---

²⁸ Язид ибн Муавия – сын Муавии ибн Абу Суфйана. Первый правитель мусульманских земель, который открыто преступал запреты исламской религии. Язид ибн Муавия помимо прочего является убийцей внука посланника Аллаха – Хусейна ибн Али, и большого числа родственников и потомков Пророка.

После этого мы были на особом счету, и, если у нас было какое-либо дело к начальству, наши запросы и потребности удовлетворяли в самые быстрые сроки. «Передавайте салам нашему брату Борунси!» – говорили они, как только видели кого-либо из нашей бригады.

РЕЧЬ ПО ПРИНУЖДЕНИЮ

Рассказчик: Маджид Ихван

Абдоль-Хусейн выступал на построении с речью раз или два в неделю. Однажды, он позвал меня к себе до наступления времени построения.

– Ихван, я хочу, чтобы сегодня перед ребятами с речью выступил ты, – сказал он мне, когда я пришёл к нему.

Голос его, как и его взгляд, был серьёзным. На тот момент я просто растерялся, ведь никогда прежде я ни перед кем не выступал.

– Абдоль-Хусейн, ты хороший оратор, а я совсем ничего в это не мыслю, – смутившись, ответил я.

– Если пойдёшь и выступишь, то будешь мыслить, – сказал ещё более серьёзным тоном.

Я начал настаивать на том, чтобы он не заставлял меня заниматься этим.

– Посмотри на меня, – уже немного разозлившись, сказал он, – я ведь простой пожилой человек из деревни, у которого нет даже образования, но, тем не менее, я выступаю и нахожу, что говорить нашим ребятам. Ты ведь учился, имеешь высшее образование, и в то же время отказываешься о того, чтобы доносить до людей? Честно, тебе не стыдно?

Я стоял, опустив голову. Что я мог сказать? Он был прав.

– Давай, иди уже и подготовься к речи, – уже уходя, сказал он.

Не только меня, но и всех ребят в нашей бригаде он принуждал делать подобное. Помимо выступления, он также заставлял нас идти и кушать в шатрах ополченцев. Когда наступало время завтрака, он говорил мне, Вахиди и ответственному за разработку планов боевых операций, чтобы мы отправлялись в батальон Джундулла.

Сам он с двумя другими своими ребятами шёл в другой батальон, и остальных ребят также разделял по другим батальонам. Таким образом, все мы гостили у ополченцев. Его работа всегда была тяжелее остальных – он кушал немного в одном месте, потом так же немного в другом, и так далее, и при этом он успевал пройтись по всем шатрам, где кушали ополченцы.

На обед и ужин у него была такая же программа. Если его кто-то спрашивал о том, зачем он заставляет ребят выступать с речами и расхаживать по разным шатрам, он отвечал: «Ополченцы должны знать вас по голосу, а не по лицу. Когда они будут выполнять боевую операцию в ночи, они ведь не будут видеть ваши лица, а только слышать ваш голос. По одному голосу они должны понять, кто конкретно отдал приказ, чтобы не возникло путаницы или недоразумения».

Кто бы ни узнавала об этом, сразу подтверждал правильность этой простой, но весьма полезной идеи.

МОЯ ЖЕНА И СОТНЯ ГУРИЙ

Рассказчик: Маджид Ихван

Однажды Абдоль-Хусейн Борунси попал в госпиталь. Когда он находился там, мой отец решил навестить к нему с визитом.

– Слушай, сынок, этот твой командир просто удивительный человек! – восхищался он им, вернувшись обратно домой.

– Почему? – спросил я.

– Он вообще не от мира сего, – ответил он. – Вся его сущность говорит о том, что он здесь на временном пребывании, и он это осознаёт целиком и полностью. Его место не здесь.

Судя по всему, ему очень понравилось то, что ему говорил Абдоль-Хусейн.

– Тема нашего разговора как-то коснулась гурий, – продолжал он. – Подвинувшись ближе к его уху, я в шутку сказал ему, чтобы тогда, когда он попадёт туда, он приберёт одну и для меня, на что он, посмеявшись, дал своё согласие. После этого, он сказал такие слова, которые, на мой взгляд, имели очень глубокий смысл. Он сказал мне: «Я не променял бы сотню гурий с того света на одну свою жену». Он очень хорошо знает свою жену, и только он мог бы по достоинству оценить всю ту долю самопожертвования и терпения, которые проявила его жена.

ВОСПОМИНАНИЕ О ВЫСОТЕ 124

Рассказчик: сейид Казым Хусейни

Перед началом боевой операции «Аль-фаджр», мы проводили подготовку. В ночное время мы привозили ребят в схожую с местом операции местность, где и проходила сама подготовка, а местность эта, кстати, была отвоёвана во время операции «Фатхоль-мубин».

В это время Абдоль-Хусейн как-то раз заехал за мной на мотоцикле.

– Поехали, – сказал он мне, – проведём небольшую разведку и вернёмся обратно.

Местность та именовалась Факке, и была она вся песчаная. Войска должны были преодолеть тридцать пять километров пешего хода, после чего их ожидали ещё семь километров по пустынной местности в полном обмундировании.

– Мы ведь и так работаем каждую ночь, – сказал я, как будто бы совсем не обращая на все эти обстоятельства никакого внимания.

– Нет, – возразил он, – мы должны составить чёткий план, чтобы наши ребята были подготовлены как можно лучше. К тому же, – улыбнувшись, продолжил он, – у нас будет замечательная возможность вспомнить о событиях при операции «Фатхоль-мубин».

Ничего поделаться было нельзя – я сел на мотоцикл сзади, и мы поехали.

Мы проехали около пятнадцати километров, когда он остановился недалеко от одной высоты, которая фигурировала у нас, как высота 124. Мы слезли с мотоцикла и, немного поднявшись на неё, сели на землю. Ещё во время пути он как-то сказал мне, что хочет рассказать о своём воспоминании, связанном с этой высотой. Вообще, операция «Фатхоль-мубин» была первой, при выполнении которой я был назначен командиром батальона, и именно в этой операции мы с ним находились на разных флангах.

Воздух был всё ещё по-утреннему свежим, и только я обратил на это своё внимание, как он начал рассказ:

«Как говорил наш командир в той операции, наша задача представляла большое значение, и заключалась она в том, что, в конечном итоге, мы должны были отбросить вражеские силы назад. Чтобы добраться до этой высоты, мы преодолели расстояние примерно в четыре километра. Как раз в этот момент настал черёд задачи непосредственно нашего отряда. Именно на этой высоте располагался командный центр противника, откуда он управлял всеми войсками на этом участке.

Сразу начинать мы не могли, потому, как надо было дожидаться соответствующего приказа. Нам прежде сообщили о том, чтобы мы начинали атаку сразу же после приказа, но никак не до этого момента.

В ночь, когда операция начиналась, мы раньше всех двинулись в путь, который пролегал вдоль траншеи. Не без труда, но нам удалось пересечь передовую линию и зайти на территорию врага. После этого, однако, трудностей стало только больше, но ничего серьёзного, что

заслуживало бы внимания, не случилось, пока мы не добрались до этой высоты. Когда мы более-менее закрепились здесь, вот тогда-то и началось всё самое сложное. Я жестами дал сигнал своим ребятам, чтобы они залегли на землю. Все приняли лежащие позиции. Если бы ты тогда был здесь, с нами, то ты не услышал бы даже ничего дыхания – до того тихо здесь было в тот момент. Я был полон внимания и весь сконцентрирован на том, когда поступит приказ о начале атаки. Время тянулось в этом тяжёлом ожидании очень медленно.

Прошло уже несколько минут, которые нам казались вечностью, но приказа всё не было. Больше всех в этот момент переживал я, ведь контролировать людей в таких условиях бывает очень сложно. Пулемёты, что были прямо над нашими головами, при малейшем шорохе могли залить нас свинцом. Периметр своего штаба враг обнёс колючей проволокой, а перед окопами выстроил стену из мешков с песком и землёй. Сделано всё было так, что даже в случае прорыва через все линии их штаб мог оказывать сопротивление и держать оборону. Со временем, сооружаемые ими укрепления сделали из этого места настоящую крепость. Когда я встал в тот момент, чтобы осмотреться, я насчитал, по меньшей мере, семь джипов, принадлежавших их командующим.

Прошло ещё несколько минут, но ничего по-прежнему не изменилось. Моё волнение усиливалось с каждым мгновением. Достаточно было малейшего шума, чтобы нас зажали в тиски, так как нас атаквали бы как спереди, так и сзади.

Однако переживал я не за это. Наш батальон был ударным, и все ребята, которые были в нём, вообще не рассчитывали никогда на то, что вернутся с операции обратно, и были готовы идти до конца. Я переживал лишь за то, что нашу вылазку обнаружат, и в случае провала нашего задания вся операция могла бы сорваться.

Прошло ещё несколько минут. Когда я вновь осознал, что сигнала так и не поступило, я начал поминать Всевышнего и молиться. Я совершил обратил к Аллаху через членов непорочного семейства Пророка, и с самого начала обращения к ним, из глаз моих сразу же потекли слёзы. Я просил Господа через них о том, чтобы ребята случайно не издали бы такого звука, который привлёк бы к нам внимания, и даже если у них начнётся приступ кашля, то сдержали бы его и подавили бы в себе, или, не дай Бог, брякнет оружие или, того хуже, произведёт случайный выстрел. Больше всего я просил о том, чтобы этот приказ поступил как можно скорее, чтобы мы, наконец, могли начать. Обращение я начал от самого Пророка, и так дошёл до последнего имама – Махди. Ничего так и не изменилось. Тогда я решил обратиться через святую Фатиму, ведь она была последней из четырнадцати непорочных, но и тогда всё осталось таким же, как и прежде.

Однако, святая Фатима Захра будто бы указала мне на другой способ, и я вдруг неожиданно для себя вспомнил о святой Рукайе. Как только я обратился к ней, из глаз опять потекли слёзы. Прошло совсем немного

времени, как я почувствовал какую-то тяжесть на своём плече. Открыв глаза, я увидел, что это был наш радист. Он протянул мне рацию. Я быстро выхватил её у него. На связи был командующий. Он говорил очень тихо.

– Уповайте на Господа и начинайте, – сказал он».

Когда Абдоль-Хусейн дошёл до этого места, то вдруг остановился. Его лицо было красным, а сам он в этот момент плакал. Было такое ощущение, что он вновь во всех красках переживает тот момент, как будто опять всё видит своими глазами. Через некоторое время он продолжил рассказ:

«Госпожа Рукайя проявила к нам большую снисходительность и благосклонность. Я даже не успел толком понять, что произошло, но когда пришёл в себя, то рядом со мной уже был только радист, а все остальные были в атаке. Я не понял, как они так ловко преодолели колючую проволоку, но в скором времени они полностью зачистили окопы, уничтожили огневые точки врага и захватили штаб. Это обстоятельство ввергло противника в шок и практически полностью парализовало. Они уступали нам тогда, когда ещё имели связь со своим руководством, а теперь просто были обречены на поражение.

На том же участке, на котором действовали мы, остальные наши отряды продвигались с других сторон. Отчаяние и чувство безысходности у врага росли с каждым мгновением. В ту же ночь мы сумели захватить контроль на всей территории данного участка.

В их штабе мы обнаружили несколько женщин, которые хорошо владели персидским языком. Их работой было переводить перехватываемые врагами наши переговоры по радию. Наши ребята взяли их в плен. Эти женщины потом рассказывали о том, как они были поражены быстротой, с которой нашим ребятам удалось один за другим захватить все окопы.

На следующее утро ко мне явился один из командующих войсками. Только завидев меня, он сразу же крепко обнял меня.

– Как тебе удалось в столь кратчайший срок захватить эту точку? – удивлялся он. – Ты даже представить себе не можешь, что сейчас творится в рядах врага! Они просто бегут, как потерянные!

Судя по всему, он никак не ожидал того, что мы так быстро сможем захватить этот штаб.

– После того, как мы отдали вам приказ о начале атаки, – рассказывал потом этот же командующий, – то по нашим подсчётам оставалось ещё много времени, прежде чем мы увидим результат вашей работы. Однако не прошло и нескольких минут, как враги перестали получать приказы по радию и полностью дезориентировались».

ДЕЖУРНЫЙ

Рассказчик: сейид Казым Хусейни

В тот день очередь мыть посуду выпала на Абдоль-Хусейна. Он всё время бегал туда и обратно – с целью разведки, встречи и принятия прибывших сил, оформления увольнительных отпусков и ради прочего. В день у него было тысячи дел на передовой, но ни разу не было такого, чтобы свою очередь дежурства он передавал кому-нибудь другому.

Покушав, мы собрали посуду. Абдоль-Хусейн начал убирать стол. Посуда стояла с краю от него. Один из наших ребят решил проявить хитрость и помочь Абдоль-Хусейну так, чтобы тот этого не понял – он тихо встал, тихонько подошёл к нему сзади и незаметно, как он думал, аккуратно нагнулся, поднял посуду и быстренько вышел, чтобы помыть её. Конечно, Абдоль-Хусейн всё это видел, но не хотел мешать ему, да ещё и при всех что-то говорить ему по этому поводу. Он быстро закончил с уборкой стола и вышел вслед за тем парнем.

Тот сидел около крана, будучи готовым начать процесс. Абдоль-Хусейн подошёл к нему сзади и положил руки на его плечи.

– Того, что ты принёс посуду сюда, уже более, чем достаточно. Спасибо тебе, – сказал он ему. – Остальное я помою сам.

– Командир, не сбивай мне настрой, – попытался настоять на своём молодой боец. – Раз уж я уже засучил рукава, то позволь закончить начатое.

Абдоль-Хусейн опустил засучённые им рукава.

– Нет, ты ступай, занимайся своими делами, – сказал ему Борунси.

– Ну же, командир, дай хотя бы в этот раз! – настаивал тот.

Естественно, его настойчивость не дала никаких плодов, ведь в настойчивости сам Абдоль-Хусейн никак не уступал.

– Неужели ты хочешь забрать у меня ту награду, которой меня одарит Всевышний за это дело? – неожиданно спросил его Абдоль-Хусейн. – Эта работа по своей награде превосходит ту разведку, которой я занимаюсь. Да, я являюсь командиром батальона, но если я буду позволять кому-то убирать за собой, чистить посуду за себя и стирать свою одежду – какой командир из меня тогда получится? Какой пример я буду показывать своим подчинённым?

В конце концов молодой парень вернулся обратно.

– Да, не зря так получается, что когда Абдоль-Хусейн говорит кому-то пойти и умереть, тот сразу делает это, без каких-либо раздумий и сомнений, – заметил он.

ИДЕАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ ДЛЯ НОЧНОЙ МОЛИТВЫ

Рассказчик: сейид Казым Хусейни

До наступления утренней молитвы оставался час. После того, как мы закончили совещание, мы отправились на разведку, и, как раз разобравшись с ней, прибыли к своему батальону. Не успел я зайти в свою палатку, как тут же свалился без чувств от сильной усталости. В тот момент я думал, что Абдоль-Хусейн тоже собирается лечь спать. Он же, в свою очередь, снял носки и, к моему сильнейшему удивлению, вышел обратно на улицу. Несмотря на свою усталость, я пошёл вслед за ним, чтобы разузнать, что он собрался делать в таком состоянии, да ещё и посреди глубокой ночи.

Он встал у крана, поднял рукава и начал совершать малое омовение. Надо заметить, что из всех нас нагрузки на нём было больше, чем на остальных, и, по всем правилам, он должен был утомиться больше всех. Я даже не мог предположить, что после всей проделанной им работы, он ещё будет совершать ночную молитву.

Мне сразу же пришла в голову мысль о том, чтобы заняться тем же самым, но, как бы ни печально это было признать, я не смог себя заставить. Сразу же вспомнилось то, что через каких-то два часа прибудет командир, с которым мы также должны провести встречу, после чего нам надо было идти на свой дежурный пост, и только одному Богу было известно, когда мы освободились бы от этой службы. «За эти двадцать четыре часа тело ведь должно хоть немного отдышаться!», – убеждал я себя в правильности сделанного мною выбора.

Я зашёл обратно в палату, и сон одолел меня очень быстро.

Когда наступило время утренней молитвы, Абдоль-Хусейн разбудил нас. Я присел и начал растирать ладонями веки. Перед тем, как я смог открыть глаза, прошло ещё несколько секунд. Когда я, наконец, это сделал, то увидел Абдоль-Хусейна – по его лицу было видно, что он, как и каждую ночь, совершил молитву с чувством, и это несмотря на то, что целые сутки перед этим он не смыкал своих глаз.

КАЖДОМУ ПО ПОРЦИИ

Рассказчик: сейид Казым Хусейни

Иногда совещания в нашем батальоне затягивались надолго. На одном из таких заседаний, когда мы собрались устроить перерыв на несколько минут, один из присутствующих сказал:

– Пошлите кого-нибудь из обеспечения, чтобы нам принесли что-то перекусить. Сил уже нет никаких.

Находящиеся там целиком и полностью поддержали его инициативу. Наш посыльный быстро справился с поставленной перед ним задачей – уже через несколько минут он нам принёс, и я уже не помню точно, что это было, но, вроде как, он принёс арбуз.

– Всем ли досталась порция? – спросил того парня Абдоль-Хусейн как раз перед тем, как мы уже собирались налечь на арбуз.

Парень удивлённо уставился на Абдоль-Хусейна.

– Конечно нет, командир, – ответил он. – Если бы мы привезли на всех, то расходы были бы очень большими.

– Чем мы, по-твоему, отличаемся от всех остальных? – спросил Абдоль-Хусейн, возмутившись. – Мы сидим здесь, обрисовываем план по предстоящей операции и занимаемся теорией военного дела, тогда как остальные ребята должны принять непосредственное участие в ней уже завтра.

Он говорил что-то ещё, но я уже не помню, что конкретно, но одно я запомнил чётко – пока каждый на том плацдарме не получил свою порцию арбуза, он даже не притронулся к нему.

АВТОРИТЕТ КОМАНДИРА

Рассказчик: сейид Казым Хусейни

Абдоль-Хусейн всегда испытывал особые чувства к святой Фатиме Захре – мир ей –, и, по всей видимости, исходя из этого, ко всем сейидам. Можно было только удивляться тому, сколь уважительно он относился к сейидам, и то, как он ни за что не позволял себе проявлять по отношению к ним какую-либо непочтительность, и ко мне, в том числе. Я не помню такого случая, чтобы, когда мы с ним заходили куда-либо, он не пропустил бы меня впереди себя.

Однажды, мы с ним отправились на очередное совещательное собрание. Когда мы подошли к двери, он, как обычно, уступил мне, чтобы я прошёл вперёд.

– Нет, на этот раз, пожалуй, ты вперёд, – возразил я.

– Ты ведь и сам знаешь, что я не могу себе позволить идти впереди сейидов, – улыбнувшись, сказал он.

– Абдоль-Хусейн, но ведь здесь это уже не целесообразно, – пытался я аргументировать свою позицию. – И знаешь почему?

– Почему? – спросил он.

– Потому, – ответил я, – что мы на фронте, а ты – командующий войсками, а это значит, что ты должен сохранять соответствующее лицо и авторитет перед остальными.

Я остановился на секунду, после чего продолжил:

– И в данном случае, если я пройду впереди тебя, это может плохо повлиять на твою репутацию.

– Тот авторитет, который зарабатывается проявлением непочтительности и неуважения к сейидам мне и даром не нужен, – посмеявшись, сказал он, после чего пропустил меня вперёд.

ПЕСЧАНЫЕ ЗЕМЛИ КУШКА И ПАМЯТЬ О БОРУНСИ

Рассказчик: сейид Казым Хусейни

Как раз перед началом боевой операции "Рамадан" к нам прибыл главнокомандующий. В то время на самом высшем уровне обсуждалось решение об этой операции, которая была одной из самых сложных и важных по своему значению. Выполнение ее, в конце концов, было поручено нам – 18-ой бригаде имени Джавадоль-Аимма.

В тот же день бригадир созвал экстренное совещание. Только на собрании я узнал, по какому поводу оно проводилось – враги доставили на тот участок советские танки Т-72, и в составе двух сильных моторизованных батальонов они ждали момента, чтобы совершить атаку на наши позиции. Как говорили разведчики, пока мы готовили план по уничтожению врага, они – враги – сами подготовились, чтобы нанести ощутимый удар по нам.

По полученной нами информации, атака должна была состояться на следующий день. В таких условиях была немалая вероятность того, что операция «Рамадан» будет провалена, не успев даже начаться. По итогам собрания было принято решение о том, что мы немедленно должны отправиться на разведку территории, а уже ночью проникнуть в самое сердце врага и вывести из строя танки Т-72.

Эти танки были получены иракцами совсем недавно, и до сих пор такого не было, чтобы они применили их в бою. Таким образом, для нас они также представляли загадку, ввиду отсутствия опыта по работе с ними. Одной из особенностей этого танка, как мы узнали, было то, что даже попадание гранатомётом не причиняло ему никакого ущерба. Чтобы гранатомёт нанёс повреждение этим танкам, надо было стрелять по ним с близкого расстояния, и то – только по определённым участкам их корпуса.

В тот день помимо прочего также обсуждалось то, сколько сил необходимо послать на выполнение операции, и с какой стороны лучше подобраться к противнику. В конечном счёте, было решено поручить выполнение операции трём батальонам, командиром одного из которых был Абдоль-Хусейн. Когда мы отправились на разведку, я, взглянув на его лицо, на котором всегда была улыбка, обнаружил, что оно ещё более спокойно и умиротворённо, чем обычно.

Мы дошли до самой линии врага. Уже около недели иракцы работали над ней, укрепляя и выстраивая оборону, и за это время они сумели возвести здесь настоящую крепость. Перед укреплениями стояли различного рода препятствия, а ещё дальше, впереди – гладкая равнина, дающая отличный обзор. Все эти преграды для нас не представляли такой сложности, как эта равнина. Несмотря на это, наши ребята были настроены очень решительно. «Вы только скажите, как нам вернуться обратно через эту равнину, а остальное мы сделаем сами», – говорили они.

Мы должны были зайти прямо в середину вражеского стана, чтобы совершить диверсию, и поэтому одним из ключевых вопросов в операции было то, чтобы обеспечить силам надёжный отход на свою территорию. Командир батальона перед началом нашей вылазки провёл соответствующий инструктаж. Мы предприняли ряд действий, которые должны были открыть нам обратный путь.

Когда мы вернулись с разведки, был уже почти вечер. Ребята, которые были с нами, отправились докладывать об обстановке к своим частям, а мы с Абдоль-Хусейном пошли к своему батальону.

* * *

Два других батальона не дошли до своей цели – один из них, вследствие плохой ориентировки в местности, потерял дорогу, а командир второго отправил своих ребят прямо на минное поле. Обоим этим батальонам по рации был дан приказ отходить назад.

Таким образом, остался только наш батальон, и теперь мы были последней надеждой для наших сил в доведении до конца поставленной задачи. Мы же, в свою очередь, надеялись лишь на милость Бога и молитвы пречистого семейства Пророка, и больше всех через их посредничество среди нас просил сам Абдоль-Хусейн. Перед тем, как мы отправились в путь, он задержался по причине того, что искал повязки на лоб²⁹. Нет, повязок было более чем достаточно, и поэтому мы не совсем поняли, что конкретно он ищет.

– Возьми одну, быстрее, и давай в путь! – в спешке придя к нему, сказала я.

Я даже взял одну из этих повязок и протянул ему.

– Я ищу ту, на которой написано имя Фатимы Захры, – ответил он.

Его состояние было каким-то особенно возвышенным. Я совсем не хотел говорить нечто такое, что не соответствовало бы этому состоянию, в котором он пребывает, напротив – я начал помогать ему в том, чтобы найти такую повязку. В конце концов мы с ним нашли повязку, на которой зелёным было написано «О, Фатима Захра! Помоги мне!».

Как только он увидел её, то его глаза сразу же наполнились слезами. Он взял повязку и завязал на лбу. Через несколько минут весь батальон был готов к началу операции.

Тепло попрощавшись со своими товарищами, мы двинулись в путь. Каждый из нас чувствовал, как внутри него всё поменялось, так что, можно сказать, в нас произошла настоящая революция за это короткое время. На губах каждого из нас была молитва, которая не прерывалась ни на одну секунду.

Единственным батальоном, который достиг места назначения, откуда должна была начаться операция, был наш батальон. Триста или

---

²⁹ Повязки на лоб символизируют решительность и то, что человек готов к смерти, то есть, то, что он готов идти до конца.

четыреста ополченцев, молча, шли один за другим прямо по той большой равнине в сторону врага.

До начала преград оставалось тридцать или сорок метров. Неожиданно, враги начали осмотр местности прожекторами, и в какой-то момент направили их свет прямо на нашу колонну. Сразу же поднялась тревога, и тишине пришёл конец – со всех сторон начали доноситься звуки выстрелов автоматов и пулемётов. Начался неравный бой между иракцами, которые находились за своими укреплениями, в окопах за насыпями, и нами, находившимися на гладкой равнине, как будто на ладони. Весь батальон разом залёг на землю. Единственным плюсом той местности было то, что она была песчаной, так что ребята быстро сообразили и погрузились в неё, полностью скрываясь от глаз врага.

Враг, тем временем, открыл огонь уже из всех орудий, в том числе и из танков. Абдоль-Хусейн, в свою очередь, отдал приказ о том, чтобы никто не стрелял, даже не выпускал одну единственную пулю. Он всё прекрасно взвесил и знал, что делает. В этом случае был немалый шанс того, что иракцам придёт в голову мысль о том, что увиденные ими бойцы были обычными разведчиками в малом составе, и что им удалось их уничтожить. Как ни странно, но именно так оно и случилось.

Где-то минут двадцать продолжался массированный обстрел, по истечению которых огонь постепенно становился слабее, пока совсем не остаточно стих. Я не мог поверить, что после всего этого остался в живых. Если бы враги имели хоть малейшее подозрение о том, что мы готовили против них диверсионную операцию, они бы никогда так легко не успокоились бы. Они были уверены в том, что это были лишь разведчики, им и в голову тогда не могло прийти, что прямо перед ними находятся почти четыре сотни солдат.

Я подполз к Абдоль-Хусейн.

– Попробуй разузнать, что с ребятами, – сказал он мне. – Посмотри, есть ли убитые или раненые.

Таким же образом, ползком, я дошёл до самого конца колонны. Около тринадцати человек погибли. Учитывая то, каким сильным был огонь, вдобавок к тому, на какой позиции мы находились, столь малочисленные потери сами по себе были чудом. Некоторые получили очень тяжёлые ранения, но, несмотря на это, они не потеряли самообладание и не позволяли себе кричать и стонать от боли. Я видел среди них и такого, который закусил свою руку, чтобы не издавать звуков от невыносимой боли, которую он испытывал. Я быстро развязал куфию с его шеи и дал ему её, чтобы он зажал рот ею. Надо заметить, что руку я оттащил от его рта не без труда³⁰.

Среди наших я также заметил Хусейна Джаванана³¹. Он был цел и

---

³⁰ На следующий день, когда мы уже вернулись назад, я увидел его, а взглянув на его руку, заметил, что на ней остались следы от того укуса, что зубы прошли через кожу и оставили на ней рану.

³¹ Это был один из командующих войсками, а именно, командир пятой дивизии «Наср», а также близкий друг и товарищ Борунси, который впоследствии, как и его друг, погиб на той войне.

невредим. Я отвёл его назад и поручил ему следить за тем, чтобы никто не поднял шума из-за ранений и боли, которую они испытывают.

– Ты не знаешь, что собирается делать Абдоль-Хусейн? – спросил он меня.

– Что тут спрашивать-то? – возмутился я. – Вернёмся напрямиком назад, конечно же.

– А как же задание? – не унимался он.

– Послушай сюда, – возмутился я, – неужели ты не понимаешь, что продолжение задания равнозначно самоубийству?

Я не стал дожидаться, пока он задаст очередной вопрос, и пополз обратно к началу колонны, туда, где был Абдоль-Хусейн. Со стороны могло показаться, что он спит – лёжа на животе, он положил лоб на обратную часть ладоней, и совсем не двигался. Я тихо обратился к нему, после чего он, всё-таки, поднял голову.

– Командир, выглядишь ты так, будто не собираешься возвращаться, – сказал я.

Он ничего не ответил. Видя его спокойствие и хладнокровие, мне оставалось лишь удивляться³².

– Что мы будем делать, командир? – опять попытался я получить ответ.

– Скажи ты мне, сейид, что нам стоило бы сделать? – спокойным голосом, в котором можно было различить скорбь, спросил он. – Ты ведь сам из тех, кто отлично разбирается в планах, картах, тактике и прочих военных тонкостях.

Для меня было странным то, как он это говорил.

– Понятное дело, что надо возвращаться, – тем не менее, не подумав, сказал я.

– Что? – тут же с удивлением спросил он.

– Мы должны вернуться, – повторил я.

– Разве мы может вернуться?

– А разве возможно будет преодолеть это проклятое укрепление? – вторил ему я.

Он ничего не ответил, и, чтобы как-то обосновать свою позицию, я продолжил:

– У нас было только два пути, по которому мы могли добраться до врага. Сейчас, когда наше присутствие было обнаружено, и враг наводрил уши, оба пути для нас закрыты. Сам главнокомандующий ведь поручил нам, – добавил я, указывая на часы, – что если до часа ночи нам не удастся начать операцию, то мы обязаны возвратиться. Сейчас уже половина первого. За оставшееся время мы не успеем добраться до туда.

Упомянув главнокомандующего, я, как мне тогда казалось, надавил на его слабую точку, потому как в вопросе подчинения и строгого соблюдения всех приказов он был очень стойким – он подчинялся в любых ситуациях, были эти приказы лёгкими для него, или же очень сложными. Однажды,

---

³² Стоит отметить, что подобное хладнокровие было ему присуще при определённых обстоятельствах, но если возникала ситуация, требующая быстрого реагирования ввиду того, что жизни ребят угрожала опасность, то его нельзя было остановить.

даже был такой случай – нам удалось прорвать оборону иракцев и захватить их укрепления, войдя клином в их позиции, и в это самое время по радию нам передали приказ о том, что мы должны отступить. Несмотря на то, что по всем показателям, по которым мы на тот момент могли судить и оценивать ситуацию, мы были в выигрышной позиции, а отступить было просто неразумно, Абдоль-Хусейн даже не спросил о причинах такого приказа – он просто выполнил его. Теперь я ожидал его реакции на то, что только что сказал ему.

– Это и есть твоё мнение? – спросил он. – Именно так мы и должны поступить?

– Разве твоё мнение отличается от этого? – вернул я ему вопрос.

Несколько секунд он просто молчал.

– Своим разумом я пока не смог найти ответ на этот вопрос, – каким-то особым тоном, так, будто бы хотел заплакать, сказал он.

Я прекрасно помню, как в этот самый момент он опустил своё лицо в песок этой земли, что именовалась Кушком. Я ждал, пока он вынесет своё решение по возникшей ситуации. Секунды всё шли одна за другой, но он всё так же оставался безмолвным.

– Так, что нам делать, командир? – спросил я его.

Он даже не пошевелился.

– Командир, все ждут твоего приказа! – уже разозлившись, сказал ему я. – Скажи уже, что нам делать!

Я опять не получил от него ответа. Свой вопрос после этого я повторил ещё несколько раз. Выглядел он так, будто находился вовсе не в этом мире. В какое-то мгновение я даже было подумал, что он лишился слуха, или его поразил какой-то другой недуг. Только я собирался опять задать свой вопрос, как откуда-то сзади раздался слабый, полный боли стон, который звал меня. Я сразу же пополз назад.

Прошло около десяти минут. С каждым мгновением тревога росла в моём сердце. Я переживал о ребятах, некоторые из которых лежали, раненные. Я не имел даже малейшего понятия о том, почему он не отвечает мне.

– Командир, в конце концов, так ведь нельзя! – с гневом сказала я. – Скажи уже что-нибудь!

Он лишь продолжал молчать. В последний раз, когда я подошёл к нему, он немного приподнял голову. Взглянув на его лицо, я не стал особо вглядываться, а точнее – вглядываться не стал совсем – лишь сердце билось всё чаще в попытке разумно найти выход из сложившейся ситуации. Враг, тем временем, тоже не сидел без дела – они периодически направляли прожектора, осматривая местность, и время от времени открывали огонь.

Наконец, Абдоль-Хусейн заговорил. Его голос был уже не таким, как несколько минут назад – он был хриплым, как у человека, который долго и сильно плакал.

– Сейид, слушай внимательно то, что я скажу тебе, – сказал он.

Когда он сказал это, я сразу же взял ухо востро и был предельно

внимательным. Я был уверен в том, что он собирается дать распоряжения о дальнейших действиях.

– Ты должен сам идти вперёд, – сказал он.

– Идти вперёд... Для чего? – удивлённо спросил я.

– Делай в точности всё то, что я скажу, – опять сказал он. – Отправляйся к самому началу колонны, к её голове. Затем, когда доберёшься до её начала, – указывая в правую сторону, продолжил он, – иди прямо направо на расстояние ровно в двадцать пять шагов.

Он немного помолчал, после чего добавил:

– Считай предельно точно.

Я только смотрел на него, не понимая, что такое он говорит.

– Когда преодолеешь эти двадцать пять шагов, – продолжал он, – то установи там какой-нибудь знак. После этого возвращайся к ребятам и проведи их до помеченного тобою места.

В какой-то миг я подумал, что он просто шутит, однако говорил он предельно серьёзно и уверенно.

– Когда вы вместе с остальными дойдёте до того знака, который ты должен установить справа от начала колонны на расстоянии в двадцать пять шагов, – продолжал он, – дальше иди прямо сорок метров вглубь позиций врага. Там уже я сам сообщу ребятам, что им надо делать.

Я не двигался с места. Абдоль-Хусейн смотрел на меня – он ждал, пока я начну исполнять данный им приказ. Каждый из этих шагов, которые он озвучил, представлял для меня большую загадку – зачем это всё делать?

– Ты ведь всё хорошо спланировал, Абдоль-Хусейн, не так ли? – с сомнением спросил я.

– Ты слышал, что я сказал тебе? – твёрдо спросил он.

– Я-то всё слышал, – ответил я, но...

– Тогда быстро делай то, что я сказал тебе, – перебил он меня.

Я уже был готов поднять шум и пойти против его решения, потому как думал, что он сам не понимает, что говорит, и просто погубит весь отряд.

– Командир, ты вообще понимаешь, что такое говоришь? – возразил я, и, не дав ему сказать ни слова, продолжил: – Это ведь верное самоубийство! Самоубийство!

– Исполни приказ, – так же твёрдо проговорил он.

Как бы я ни взвешивал его приказ, я совершенно не мог понять его смысл, а потому и исполнять не торопился, ведь положение у нас было более, чем опасное.

– Это верное самоубийство, – повторил я. – Отдай этот приказ кому-нибудь другому.

– Я отдал этот приказ тебе, – ответил он, – и именно твоим долгом является исполнить его, и не смей перечить.

Голос его по-прежнему был твёрдым и уверенным. Никогда прежде он со мной не говорил так. Душа у меня была просто в смятении. Судя по всему, надо было исполнять приказ, и никакого другого решения там быть не

могло. Больше я не сказал ему ни слова и уже начал ползти к началу колонны. Дойдя до туда, я встал и начал отсчитывать шаги в правую сторону – один, два три...

Несмотря на то, что в голове крутилось тысячи мыслей, я старался не сбиться со счёта. Насчитав двадцать пять шагов, я остановился. Установив там знак, я вернулся обратно к батальону, после чего переправил к этому знаку всех, кто был способен сражаться. После этого мы двинулись вперёд на расстояние в сорок метров. Вдруг я увидел, что Абдоль-Хусейн тоже пришёл, и вместе с ним были сейид³³ и несколько других гранатомётчиков.

– Ты готов к стрельбе? – обратившись к сейиду, сказал он.

– Так точно, командир! – ответил ему сейид.

– Как только я крикну «Аллаху акбар», то сразу же стреляй туда, куда я буду указывать, – велел ему Абдоль-Хусейн.

Старик был в недоумении.

– Командир, тут ведь ничего не видно, – сказал он. – Как мне целиться?

– Разве я сказал, что надо целиться? – спросил Абдоль-Хусейн. – Просто стреляй в ту сторону, в которую я укажу тебе.

После этого он обратился ко мне:

– А ты вместе с остальными сразу после его выстрела открывайте огонь. Я до сих пор не мог смириться с вероятностью того, что Абдоль-Хусейн просто не понимает того, что он делает, и что он просто погубит весь отряд.

– Командир, давай уже возвратимся назад, – чуть ли не умоляюще сказал я ему. – Ты ведь посылаешь всех на верную смерть!

– Уже поздно об этом говорить, – отрезал он. – Сейид, ты готов? – опять обратившись к старику, спросил он.

– Готов, командир, готов! – ответил тот.

– Ты снял оружие с предохранителя? – на всякий случай уточнил Абдоль-Хусейн.

– Конечно!

Абдоль-Хусейн взглянул на небо, после чего окинул взором поле, а на губах его, тем временем, читалась молитва. Вдруг, его рычащий голос поднялся над долиной: «Аллаху акбар!», и прорычал он так, будто бы хотел перевернуть всю землю. Со словами «Йа Хусейн!», сейид произвёл выстрел. Как ни странно, но снаряд угодил в один бронетранспортёр, который, взорвавшись, начал гореть, освещая всё вокруг. Вслед за ним были выпущены ещё несколько снарядов, и тогда остальные тоже подключились к стрельбе.

Враг был дезориентирован – мы явно застали их врасплох. Некоторые ребята начали идти в атаку на иракцев.

– Атакуйте танки Т-72! – крикнул им Абдоль-Хусейн. – Мы пришли только по их души!

---

³³ Это был старый человек, который, тем не менее, отличался превосходными способностями бить точно в цель из гранатомёта.

В конце концов, мы добрались до своей цели – перед нашими глазами были тяжёлые танки Т-72. От радости я был готов взмыть в небо. Остальные радовались ничуть не меньше меня. В это мгновение я начал сильно жалеть о тех словах, которые я ранее сказал Абдоль-Хусейну.

– Взгляни, сейид, это те самые танки, о которых говорят, что гранатометный снаряд не причиняет им никакого вреда, – сказал Абдоль-Хусейн ему.

После этих слов сейид запустил снаряд в один из этих танков, но он отрикошетил от него и ушёл куда-то в сторону. Остальные тоже выстрелили по ним, но повторилась та же история.

– Мы стреляем по танкам, но все снаряды отлетают от них, как мяч от стены! – возмутились они. – Командир, что нам делать?

– Всевышний ведь не зря создал вас способными познавать что-то новое, – то ли шутя, то ли всерьёз, сказал он. – Запрыгивайте на танки и кидайте гранаты внутрь, или же стреляйте из гранатомёта по гусеницам.

Сказав эти слова, он взял один гранатомёт и пошёл в сторону танков.

– В конце концов, мы должны их уничтожить, ведь привезли их сюда только для того, чтобы использовать против ислама, – заметил он, пока шёл.

В ту ночь нам удалось полностью уничтожить два танковых батальона. Когда мы вернулись в свой лагерь, как раз звучал азан на утреннюю молитву.

Мы были настолько уставшими, что сразу после того, как совершили молитву, уснули там, где легли. Я лёг недалеко от Абдоль-Хусейна. Размышляя над его странным поведением, я так и заснул.

* * *

Проснулся я от сильной жары. Как выяснилось, отдых продлился около трёх часов. Меня позвал Абдоль-Хусейн. Когда я подошёл к нему, он указал на свою шею, которая, судя по всему, у него болела.

– Вытащи её, – сказал он.

Только сейчас я заметил, что к шее его прилип кусок камня, а взглянув внимательнее, понял, что он вонзился прямо в тело, то есть, проник между кожей и мясом.

– Как он оказался у тебя в шее? – с удивлением спросил я.

– Я был настолько уставшим, что совсем не заметил, на что ложился, – сказал он. – Теперь же с ним стало то, что ты и сам видишь.

Вытащил я его не без труда. Было видно, что Абдоль-Хусейну очень больно, но он держался молодцом. Когда я уже собирался встать, я вдруг вспомнил о том, что произошло вчера ночью. Состояние в этот момент у меня было такое, будто бы я оказался в раю – настолько приятным было это воспоминание.

Абдоль-Хусейн тоже собирался было встать, но я схватил его за руку не дал сделать этого. Он повернулся и взглянул на меня.

– На самом деле, вчерашнее событие для меня настоящая загадка, – сказал ему я.

– Какое событие? – спросил он самым будничным тоном.

– Не делай вид, что ты не понимаешь, о чём я, – возмущился я. – Эти приказы: «Пройди двадцать пять шагов направо, потом сорок метров вперёд» – что это было?

– Думаю, сейчас нам надо идти, – встав со своего места, сказал он. – Думаю, для обсуждения таких вопросов у нас будет ещё много времени. Я неволей встал вслед за ним, но не дал ему уйти.

– Нет, я должен узнать прямо сейчас, что это было! – возразил я.

Я знал, насколько он хорошо относится ко мне, и только поэтому я смог себе позволить так вести себя с ним. Только он собрался что-то сказать, как вдруг появился Зариф³⁴. Он тепло поприветствовал нас, после чего начал восхищаться нашим вчерашним рейдом. Не затягивая долго с восхищениями, он обратился ко мне и сказал:

– Сейид, ну что? Идём?

Как всегда после таких операций, надо было вернуться туда, чтобы взглянуть – не остались ли раненные или убитые. Как же мне было обидно из-за того, что я вынужден покинуть Абдоль-Хусейна, так и не получив от него ответа.

– Вот же Борунси! – сказал я. – Возьми его с собой.

– Сейид, ты должен знать ту местность куда как лучше моего, – сказал Абдоль-Хусейн. – Лучше будет, если пойдёшь ты.

– Нет уж, командир, – возразил я, – раз уж мы не достойны быть посвящёнными в твои тайны, то будет лучше, если на такое задание пойдёт кто-то другой, более достойный!

– Хоть я и не в курсе того, о чём вы тут говорили, – вмешался в наш разговор Зариф, – но я согласен с позицией Борунси. Ты ведь и сам знаешь, что в критические моменты он вовсе не обращает внимания на местность, а потому и не может после вспомнить или опознать её. Поэтому будет лучше, если ты пойдёшь со мной. Давай, надо уже выдвигаться.

Я не стал более пререкаться. Зариф отправился в путь, и я вслед за ним. Он сел за руль одного из бронетранспортёров, и я сел рядом с ним. Ещё несколько машин, включая нашу, были готовы к отправлению. Через несколько минут мы уже были на пути к месту, где прошла наша операция. Через какое-то время мы добрались до того места.

– Останови здесь, – сказала Зарифу.

Он остановился, и мы вышли из машины. Перед нами лежало огромное количество колючей проволоки и других преград. Неволей, я тут же вспомнил приказ Абдоль-Хусейна – «Двадцать пять шагов двигайся направо!». Я быстро посмотрел в правую сторону и был поражён

---

³⁴ Зариф был представителем духовенства, командиром танковой бригады. Впоследствии, он пал мучеником.

увиденному. Через несколько секунд, когда я пришёл в себя, я начал идти в ту сторону и считать шаги, и считал я их громко, вслух: "Раз, два, три...". Ровно через двадцать пять шагов в ту сторону в разбросанной колючей проволоке имелся незаметный для глаз проход. Я сразу же понял, что его оставили сами иракцы для лёгкого прохода на эту сторону, ну а о том, что этот проход может представлять опасность для них самих, не могло быть и речи, так как увидеть его можно было только при свете дня, и только поравнявшись с ним. Получалось так, что мы прошли на ту сторону через него.

– Аллаху акбар! – в изумлении произнёс я.

Донёсшийся голос Зарифа привёл меня в чувство.

– Что случилось? – спросил он. – Почему ты стоишь здесь, как вкопанный? Однако я, не обращая внимания на него, начал идти вперёд, снова считая шаги.

Через сорок или пятьдесят шагов в ту сторону преграды заканчивались, и там как раз начинался окоп шириною в несколько метров. Я решил пройти ещё дальше вперёд. Бронетранспортёр, который подбил сейид, принадлежал высокопоставленным иракским военным. А блиндаж, к которому вёл окоп, и в который ребята попали несколькими снарядами гранатомётов, был штабным. Потом уже мы узнали, что в этот момент там находились человек восемь из военного руководства иракцев, и все они были уничтожены там же.

Зариф, как оказалось, всё это время шёл прямо за мной.

– Ты ведёшь себя очень странно, сейид, – большими глазами смотря на меня, сказал он. – Что случилось?

Думаю, винить меня было не в чем – состояние у меня, действительно, было слишком необычным, чтобы я мог вести себя иначе. Я сел там же, где стоял. Сейид смотрел на меня, ожидая ответа.

– Отправь остальных, а сам иди сюда и присядь – я расскажу тебе, как всё было.

Он пошёл, чтобы отдать необходимые приказы, и уже вскоре вернулся обратно. Я рассказал ему о событиях прошлой ночи во всех подробностях – всё, как было. Эта история его тоже потрясла, и состояние его также стало необычным. "Аллаху акбар!" – восклицал он время от времени от удивления, пока я рассказывал.

– Так, что ты думаешь? – спросил я его, когда закончил рассказывать. – Как Абдоль-Хусейн мог узнать это всё?

Поначалу он ничего и сказать не смог, потому как он начал плакать от нахлынувших чувств.

– Нам бы стоило ждать от него ещё большего, – сказал он, когда немного успокоился. – Несомненно, он узнал об этом свыше.

Если бы я не увидел всё это своими глазами, то желание узнать не было бы таким, каким оно было сейчас, ну а теперь, я начал считать мгновения до того момента, когда увижу Абдоль-Хусейна.

– Если я не узнаю всё, что связано с этой историей, я никогда в жизни не смогу успокоиться, – сказал я Зарифу, когда мы с ним возвращались.

– Пойдём и спросим вместе, – предложил он.

– Нет, тебе лучше не присутствовать, когда я буду об этом спрашивать, – сказал я ему. – Я лучше знаком с характером и нравом командира, и, если он узнает, что ты тоже знаешь об этом, есть большая вероятность того, что он навсегда сохранит эту тайну и не станет рассказывать о ней ничего.

– Да, ты прав, сейид, – сказал Зариф. – Делай, как знаешь... В конце концов, – добавил он, – ты ведь можешь рассказать мне об этом и после того, как сам услышишь от него.

Как только мы прибыли к своим, я сразу же отправился за Абдоль-Хусейном. В этот момент он как раз сидел один в штабном блиндаже и будто ждал чего-то. Увидев меня, он спросил о результатах нашей работы. Я быстро и в двух словах рассказал ему, после чего сел перед ним.

– Теперь расскажи мне – что вчера было-то? – спросил я, не давая ему возможности начать какой-нибудь другой разговор.

Абдоль-Хусейн начал отнекиваться.

– Я не сдвинусь с места, пока ты мне не расскажешь! – твёрдо заявил я. – Нет, я не успокоюсь, пока не узнаю!

Мне было прекрасно известно, что он в любом случае будет учитывать то, что я сейид, а значит, не станет отказывать мне в моей просьбе, хотя бы по той причине, что это могло бы как-то задеть меня. Моя настойчивость постепенно начала приносить свои плоды. Вдруг, неожиданно его глаза наполнились слезами.

– Хорошо, я расскажу тебе, – сказал он.

У меня было такое ощущение, будто мне подарили весь этот мир. Я понимал, что сейчас мне откроется тайна. Чувство было очень захватывающее и удивительное.

Когда он начал рассказывать подробности той истории, я смотрел на его лучезарный лик, который в это время начал светиться ещё сильнее, чем обычно. Смотря на него, нельзя было не вспомнить о рае.

Хусейн, с печалью в голосе, начал свой рассказ:

«Когда наша операция была раскрыта, и мы попали в ту ситуацию, я отчаялся. Когда ты сказал, что нам следует возвращаться, отчаяние поглотило ещё сильнее. Я не мог понять, что мне стоит предпринять, и что будет правильно в этих условиях. Как всегда, единственным выходом я видел лишь божью помощь посредством обращения к святым. Пребывая в таком тяжёлом душевном состоянии, я положил лицо на эту песчаную землю и начал просить её светлость госпожу Фатиму Захру - мир ей - о том, чтобы она помогла нам.

Лёжа так с закрытыми глазами, я общался с ней. Действительно, я не мог полностью понять того, что со мной происходит. Было чувство, что слёзы против моей воли очень сильно текут у меня из глаз. Всем своим существом я молил о том, чтобы нам указали на путь решения в сложившейся ситуации, ведь наша неудача повлечёт за собой серьёзные проблемы.

Пока я пребывал в таком состоянии, вдруг, я услышал женский голос, и, знаешь, просто от того, что я слышал его, уже было такое чувство, что в меня вдохнули много сил.

– Командующий, – обратилась она ко мне.

То есть, она назвала меня именно командующим!

– Когда ты обращаешься к нам в такие моменты, – продолжила она, – то и мы ведь не можем не ответить на твою мольбу. Так, не переживай же».

Голос Абдоль-Хусейна начал сильно дрожать, когда он произносил эти слова, а его глаза опять были полны слёз. После, он продолжил:

«То, что я тебе говорил вчера ночью, когда велел идти к началу колонны, после этого пройти двадцать пять шагов направо, и далее – всё это сообщил мне тот самый женский голос.

– О, Фатима Захра! – обратился я к ней. – Если это действительно ты, то почему ты не проявишь себя, чтобы я смог увидеть тебя?

– Сейчас не время говорить об этом, – сказала она. – Сейчас на тебе лежит долг, и ты должен выполнить его».

Тут Абдоль-Хусейн не смог более сдерживать себя, и просто начал громко рыдать. Немного успокоившись, но тем не менее, не переставая плакать, он продолжил:

«Если бы ты взглянул на землю, которая была под моим лицом в тот момент, то ты увидел бы, что вся она тогда стала мокрой от слёз»

Через какое-то время, когда он уже совсем успокоился, то сказал мне:

– Сейид, я не хочу, чтобы ты рассказывал об этом кому бы то ни было. Более того – я запрещаю тебе это делать.

– Командир, я только пришёл оттуда, и там мы были вместе с Зарифом. Он тоже видел всё это своими глазами. Мы сразу поняли, что те приказы были не от тебя.

– Что вы видели? – спросил он.

И я ему рассказал всё: как отсчитывали шаги, видели подбитый командирский бронетранспортёр, штабной блиндаж.

– Я знал наверняка, что то, что я услышал, исходило от Всевышнего, – сказал он. – Иначе быть не могло.

* * *

Весть о той столь успешной операции быстро распространилась по всей округе, а вскоре уже и по всей стране.

Помню, как однажды несколько репортёров и высокопоставленных военных чиновников прибыли в нашу часть, чтобы увидеться и поговорить с Абдоль-Хусейном. У всех был один вопрос: как ему удалось уничтожить все эти танки, да ещё и со столь малыми потерями?

– Моей роли там практически не было, – спокойно отвечал он. – Лучше идите и спросите ополченцев и их настоящего командующего³⁵.

---

³⁵ Абдоль-Хусейн имел в виду имама Махди.

– Но мы спрашивали их, – говорили те, – и они ответили нам, что всё это заслуга Борунси, то есть, что это полностью твоя заслуга.

– Они явно скромничают, – смеясь, отвечал он.

Как бы они ни настаивали, они не смогли вытянуть из него ни единого слова. Ни там, нигде бы то ни было в другом месте, он не раскрывал тайну той операции. Даже когда лично Гуламपुर приехал к нам и спросил его о секрете успеха и об операции, он лишь сказал то, что единственной тайной является благосклонность представителей пречистого семейства Пророка к ним и божественная помощь.

Сколько я его знал, относительно этой помощи от Бога он всегда говорил: «Никому не говори об этом. И вообще, зачем тебе это нужно?». После этого, он мне также сказал однажды: «Если даже теперь ты хочешь распространить это, то оставь это для следующих поколений, но не сейчас».

Да помилует его Всевышний – он как будто знал, что сам станет мучеником, а я останусь в живых, и как будто бы был уверен, что это событие запечатлется в истории, дабы стать назиданием для тех, кто придёт после нас.

«БУДЬТЕ ДОБРЫ, ПРИМИТЕ БРАЗДЫ КОМАНДУЮЩЕГО!»

Рассказчик: Абуль-Хасан Борунси (пересказ со слов брата Абдоль-Хусейна)

Однажды, когда мы находились в районе боевых действий, проходило собрание, на котором также присутствовали несколько представителей высшего руководства. После вступительной части, один из них, обратившись к Абдоль-Хусейну, сказал:

– Мы порекомендовали тебя главнокомандующему армией в качестве командира батальона «Абдулла», на что он дал своё прямое согласие.

– Приказ о назначении уже готов, – добавил кто-то другой.

Я поражался Абдоль-Хусейну – вопреки моим ожиданиям, на его лице нельзя было заметить и тени радости по этому поводу. Ему протянули лист с приказом, который он не взял.

– Для такой головы, как у меня, руководить бригадой слишком сложно, не говоря уже о руководстве батальоном, – сказал он.

– О чём ты, Абдоль-Хусейн? – возмутился кто-то. – Что ты такое говоришь?

– Сколько лет, вы думаете, прожил девятый имам? – с грустью в голосе, спросил он.

Все молчали. Было похоже на то, что никто не понял того, что он под этим имел в виду.

– Его светлость стал мучеником ещё в юном возрасте, – продолжил он. – Вы хотите, чтобы я в свои сорок два года возглавил батальон?

– Как бы там ни было, это приказ высшего начальства, – последовал ответ, – и ты должен подчиняться приказу, а значит – должен принять эту должность.

Абдоль-Хусейн встал с места.

– Нет уж, – сказал он. – Подобная ответственность требует наличия способностей, равно как и компетентности, которыми я не обладаю.

Сказав эти слова, он ушёл с собрания. Что бы мы ему ни говорили в тот день и как бы ни уговаривали, он ни за что не согласился взять на себя управление батальоном «Абдулла».

На следующий день он сделал то, что шокировало всех нас – придя ранним утром к командующему, он заявил, что принимает то, что ему вчера предложили. Никто уже и не думал, что он может взять руководство после всех тех уговоров и его неумолимых отказов.

– Что ты принимаешь? – спросил командующий, который, судя по всему, тоже не мог предположить, что он говорит о назначении.

– Руководство батальоном «Абдулла», – спокойно ответил Абдоль-Хусейн.

Таким образом, его назначили командиром батальона, тогда как все смотрели на него с удивлением и недоумением.

Мы догадывались, что должно было что-то случиться, потому как иначе он не мог с такой лёгкостью поменять своё мнение и принять то, от чего так отчаянно отказывался. Однажды, после совершения молитвы в мечети, когда мы начали сильно настаивать на том, чтобы он объяснил нам своё поведение в этой связи, он, наконец, согласился рассказать.

– В ту же ночь, – начал рассказывать он, – во сне я видел, как я нахожусь вместе с имамом Махди. Он был очень благосклонен ко мне. Он делал мне наставления и давал различные советы, после чего провёл ладонью по моей голове и сказал: «Ты можешь стать также и командиром бригады». Да смилостивится над ним Всевышний – это было очередным проявлением его беспрекословного подчинения.

Помню его слова, которые он написал в своём завещании: «...И если я принял какой-либо пост или командование, то это было лишь по той причине, что, согласно законам исламского шариата, это обязанность, от которой нельзя уклоняться. Если бы не этот фактор, то я бы не принял их, ведь не было в них для меня никакой отрады и радости...».

ЛАМПА

Рассказчик: сейид Казым Хусейни

Перед началом операции «Аль-фаджр» проводили подготовку. Мы разбили палатки в местности «Дашт Аббас», а также «Саит-4».

В то время Абдоль-Хусейн был командиром нашего батальона. Как-то раз, я и несколько ребят из батальона сидели вместе с ним в штабном шатре. В какой-то момент туда зашёл главный по обеспечению одной из бригад, в руке у которого была новая газовая лампа³⁶.

– В каждую палату, где располагаются командиры частей, мы дали по одной такой лампе, – после приветствия, сказал он нам. – Эта лампа в вашем распоряжении.

Один из тех, кто находился в палатке, встал, подошёл к нему и, поблагодарив за фонарь, взял его у него, после чего вошедший пошёл дальше.

– Просто отличный фонарь! – нахваливал его Тони, главный по обеспечению батальона. – Лучше этого фонаря просто быть не может.

После этих слов он взял его. Несмотря на свой далеко немолодой возраст и уже давно седые волосы, он работал фрезеровщиком. Изрядно потрудившись, ему удалось установить место рядом с потолком, на которое можно было бы повесить фонарь. Абдоль-Хусейн всё это время сидел у края палатки и крутил в руках свою куфию.

Старик открыл газ в фонаре, достал из кармана спичечный коробок и зажжёг лампу. Как только он хотел её повесить, Абдоль-Хусейн вдруг заговорил:

– Подожди, не прикрепляй её.

– Почему? – удивился Тони.

– Неси её сюда, – сказал он.

– Командир, она ведь не обязательно должна быть подле тебя, – решил пуститься в спор Тони. – Её свет и так дойдёт туда.

– Неси сюда, – улыбаясь, сказал Абдоль-Хусейн. – Мне она нужна для кое-какого дела.

Тони поднёс к нему лампу и положил её рядом с ним, а Абдоль-Хусейн, в свою очередь, не стал её тушить. Всем нам было интересно, что он собирается делать с ней.

Как раз в тот момент начался призыв на вечернюю молитву. Взяв горящую лампу, он вышел на улицу, и мы пошли вслед за ним.

– Командир, что ты собираешься делать? – поинтересовался один из нас.

– Идите за мной, – ответил Абдоль-Хусейн, – сами всё увидите.

Мы зашли в палатку, которая была отведена для совершения молитвы.

– Сними это, – сказал он Тони, указывая на керосиновую лампу, что висела внутри, – и поставь на её место газовую лампу.

---

³⁶ Газовый фонарь с сеткой на конце, которая, нагреваясь, даёт хорошее освещение.

Тони быстро справился со своей задачей, и теперь внутри палатки стало светло, как днём.

Абдоль-Хусейн позвал ответственного за палатку для молитвы.

Поздоровавшись с ним и обняв его, Абдоль-Хусейн сказал:

– Эта лампа – из общественной казны, и поэтому будь аккуратен с нею и береги её. Смотри, чтобы никто лишний раз не трогал и не дёргал её, иначе может порваться сетка, а лампа после этого станет непригодной.

Далее он в деталях объяснил ему все нюансы использования газовой лампы.

– С этих пор эта лампа будет служить для освещения палатки для молитвы, – обратившись к нам, сказал он.

После молитвы мы взяли ту керосиновую лампу, на место которой была установлена яркая газовая лампа, и отнесли её в штабную палатку.

Теперь у нас там стояла такая же лампа, как и во всех остальных солдатских палатках батальона.

БЛАГОСКЛОННОСТЬ ВОСЬМОГО ИМАМА

Рассказчик: Маджид Ихван

При выполнении операции «Хайбар» в меня попал осколок, из-за которого нога получила сильное ранение. Меня отправили в тыл, а оттуда доставили до госпиталя в Мешхеде.

Через несколько дней, из больницы я отправился домой. Тогда-то я и узнал, что Борунси как раз находится в четырёхдневном отпуске. Я был уверен на сто процентов, что он обязательно зайдёт ко мне в гости. Он всегда так делал – во время увольнительного он посещал раненных ребят и семьи погибших воинов. Да, я знал это, но и подумать не мог, что он зайдёт ко мне в первую очередь.

Наш дом в то время располагался на противоположной от их дома улице. Когда он вошёл, его лицо буквально сияло от улыбки. Мы поприветствовали друг друга и начали расспрашивать о здоровье и делах.

– Командир, на отдых у тебя всего четыре дня, а ты опять решил потратить их на то, чтобы наведываться к раненым? – смеясь, спросил я.

– Так, я только за тем и прибыл, – улыбаясь, ответил он. – Других дел у меня-то и нет.

Естественно, я подумал, что он шутит.

– А как же твоя семья? – спросил я.

– Свою семью я поручил восьмому имаму, – ответил он.

– Но ведь у тебя есть по отношению к ним обязанности, – деликатно заметил я.

Он немного поправился на месте, наклонился в мою сторону, и, смотря прямо в глаза, сказал:

– Знаешь, Ихван, есть одна вещь, которая вызывает во мне удивление.

– Что это за вещь? – поинтересовался я.

– Когда я приезжаю на увольнительный отпуск, то стоит мне только переступить порог дома, как тут же начинаются всяческие проблемы – то один из детей заболевает, то у кого-нибудь что-нибудь сломается, или случится вывих руки, и так одна проблема за другой. Стоит мне уйти из дома, как всё становится спокойно и никаких чрезвычайных ситуаций не происходит.

Улыбнувшись, он продолжил:

– Это стало происходить настолько систематически, что жена стала говорить мне: «Слушай, может, не будешь приезжать на увольнительный?».

Мы с ним начали смеяться.

– На самом деле, – продолжал он, – я убедился в том, что хранителем моей семьи во время моего отсутствия является кто-то другой. Стоит мне вернуться, как начинаются проблемы, а пока я на фронте – всё просто замечательно.

С тех пор, как он стал мучеником, уже прошло много лет, и только сейчас я начинаю понимать глубину той мысли, что он озвучил тогда. То, как его жена сумела в их маленьком и бедном доме на ничтожные доходы вырастить и воспитать восьмерых детей, вообще заслуживает отдельного внимания. Она отправила двоих детей в университет и женила двух сыновей. Остальные дети продолжают учиться в школах и получают хорошие оценки.

Да помилует его Всевышний – он прекрасно осознавал всю ту благосклонность и заботу, которую проявлял восьмой имам по отношению к его семье.

ЛИШЬ ОДНА СЛЕЗИНКА

Рассказчик: Масума Сабокхиз

В дверь кто-то позвонил. Набросив на себя чадру, я пошла посмотреть, кто там пришёл. За порогом стояли несколько армейцев, которые раньше несколько раз приходили вместе с Абдоль-Хусейном.

– Вы что-то хотели? – спросила я после приветствий.

– Извините, не могли бы вы принести паспорт Вашего мужа? – спросили они.

С одной стороны было ясно, что нужен он им не просто так, но с другой – они так неожиданно и без каких-либо вступлений спросили об этом, что я удивилась такой просьбе.

– Зачем он вам нужен? – поинтересовалась я.

– Если на то будет воля Всевышнего, он отправится в Мекку, – ответили они.

– В Мекку? – ещё больше удивилась я.

– Да, в Мекку, – ответили они. – Борунси на последней боевой операции отличился, и благодаря его работе было захвачено множество трофеев. В связи с этим, имамом Хомейни было принято решение организовать ему поездку в хадж в качестве благодарности и поощрения.

– А он сам знает об этом? – с нескрываемой радостью в голосе спросила я.

– Нет. Мы собираемся сделать всё заранее, чтобы он смог напрямую из Тегерана в Мекку.

Я быстро пошла и принесла им его паспорт. Забрав его, они попрощались и ушли.

Через два дня они вернулись с паспортом. Один из них протянул мне какой-то свёрток.

– Что это? – спросила я.

– Одежда для ихрама³⁷, – ответил тот, кто дал мне его.

Судя по всему, дело было уже решено.

– Очень хорошо, – сказала я, – но он ведь всё ещё на фронте.

– Когда придёт время, он сам приедет в Мешхед.

Они ушли, а я зашла обратно. Не успела я прийти в себя, как в дверь опять кто-то постучался. "Кто это может быть на этот раз" – подумала, уже идя по направлению к двери. Как оказалось, это была наша соседка.

– Иди быстрее к нам домой, – сказала она, – тебе звонят.

– Кто? – спросила я.

– Твой муж, Борунси, – ответила она.

Уж и сама не помню, как я добралась до их телефона из-за радости, которую я испытала, узнав, что смогу пообщаться с ним. Я взяла трубку, и, не успев толком начать, сразу же рассказала ему о том, что случилось.

– Мекка? – смеясь в голос, спросил он. – Где мы, а где Мекка? О чём ты, жена?

---

³⁷ Специальная одежда, в которую должны облачаться паломники.

Я подумала, что он, должно быть, шутит, а чуть позже поняла, что он действительно ничего об этом не знает.

– Какую же должность ты там занимаешь, если они даже сами купили для тебя одежду для ихрама? – шутя, спросила я.

– Нет, дорогая жена, мне далеко до Мекки, – сказал он.

В тот раз он так и не поверил, а если и поверил, то просто не считал себя достойным того, чтобы поехать туда.

* * *

Когда до его отъезда оставалось два дня, он приехал к нам. Попрощавшись с нами, он поехал в Тегеран, а оттуда уже на самолёте полетел в сторону Мекки.

– Когда ты вернёшься? – спросила я его перед отъездом.

– Если я доберусь до Тегерана в целостности и сохранности, то позвоню соседям и скажу им, чтобы они тебе передали.

Через два или три дня к нам пришли мой брат и брат Абдоль-Хусейна.

– Было бы хорошо, – предложила я, – если бы мы организовали для Абдоль-Хусейна тёплый приём по его возвращению.

– Я как раз купил одного барана по этому поводу, – посмеявшись, сказал его брат.

С того самого дня я и сама принялась за работу. Мы собирались встретить его в ближайшем переулке, а начать с того момента, как он позвонил бы из Тегерана.

В общем, всё было готово. Как-то раз я пошла в дом к своей матери, который находился недалеко от нашего. В тот самый момент, когда мы оживлённо разговаривали, в дом влетел один из наших соседей.

– Что случилось? – спросила я в изумлении.

– Борунси вернулся из Мекки! – выдал он.

– Не может быть! – ещё больше удивившись, воскликнула я.

– Что ж, оказывается, что может, – сказал он. – Поверь, в этот самый момент он находится у вас дома.

Быстро собравшись, я отправилась домой. Когда я зашла, то убедилась, что да – он сидел там, улыбаясь, вместе с двумя другими паломниками.

Вскоре приехала и мать, а следом за ней дети, его брат и остальные. Пока Абдоль-Хусейн встречал их всех, улыбка не сходила с его лица.

– Почему ты приехал, не сказав нам, что едешь? – спросила я его.

По всей видимости, остальные только поняли, что случилось, и потому лишь теперь начали выражать свой протест и недовольство от такого неожиданного приезда.

– Что вы? Да не расстраивайтесь по этому поводу, – сказал он. – Завтра я собираюсь поехать в храм имама Резы, и если вы хотели что-то предпринять по поводу моего возвращения, то вы можете это сделать тогда, когда я вернусь оттуда.

От его слов мне стало ещё обиднее.

– Почему ты просто стоишь? – спросила я своего брата.

– А что мне делать? – развёл он руками.
– Ну, хотя бы приведи одного барана и зарежь его, – сказала я.
– Скорее я сам убьюсь прямо здесь, – шутя, заметил он. – Абдоль-Хусейн совсем сбил нам весь настрой.
– Я же говорю, – сказал Абдоль-Хусейн, – всё, что хотите сделать, делайте завтра.
– Тебе не стоило так делать, – возмущалась я. – Люди подумают, что мы просто не хотим тратиться на то, чтобы достойно встретить тебя и затем приготовить для гостей угощение по случаю твоего приезда, и именно поэтому ты пришёл так тихо и незаметно.
– Не переживай, – успокаивал он меня. – Завтра всё будет.

* * *

На следующее утро перед азаном на молитву, он уже был готов к тому, чтобы уходить.

– Не буди остальных, – сказал он перед тем, как выйти. – Мы втроём пробудем в храме часов до десяти, так что времени более, чем достаточно.

Они ушли, а я была уверена в том, что до наступления десяти часов их точно не увижу. Когда я только собралась приготовить завтрак, кто-то постучался в дверь. Открыв дверь, я увидела их – они уже вернулись.

– Но ты ведь сказал, что вернёшься только к десяти? – недоумевала я.

Он ничего не ответил мне. Те двое, что были с ним, зашли в дом.

– Иди сюда, – позвал он меня за порог дома, – есть одно дело к тебе.

Я вышла.

– Когда вы собирались зарезать барана, вы что, думали, что я поехал, чтобы поменять себе имя³⁸? – спросил он.

Теперь уже я стояла и молчала.

– Да, – продолжал он, – Всевышний удостоил меня чести посетить Мекку и Медину, но я ведь не имя там своё менял, а совершал паломничество и зиярат.

Он пристально смотрел в мои глаза.

– Послушай, что я хочу тебе сказать. Я – ополченец, служащий на фронте. Представь, что под моим началом на фронте было несколько человек³⁹, как, например, Шахид Садакат или кто-то другой. Теперь поставь себя на место их жён – некто с озвученными ранее условиями отправился на паломничество в Мекку и вернулся оттуда, и теперь ещё и режет жертвенного барана по случаю своего возвращения. Если бы ты проходила мимо них, то что было бы у тебя на сердце? Да ещё, к тому же, и видя у них во дворе несколько маленьких детей.

Я продолжала молчать.

---

³⁸ Согласно исламской традиции, когда человек совершит хадж, к его имени прибавляется приставка Хаджи, то есть фактически имя меняется.

³⁹ Пока он не стал мучеником, я не знала, какое положение он занимает в армии.

– Разве ты не подумала бы о том, – спросил он, – что твоего мужа убили, а другие, тем временем, ездят в Мекку, что-то празднуют, и всё в этом духе?

Спросив это, он ждал, пока я что-нибудь отвечу, но я всё так же молчала, только теперь ещё и склонив голову.

– Да, ты прав, – хорошенько подумав, ответила я.

– Если по причине меня прольётся хотя бы одна слезинка сироты, то знаешь ли ты, что со мной сделает Всевышний в Судный день? – уже горячась, спросил он. – Что значит, что вы хотели меня так встречать? Вы вообще понимаете, что делаете?

Когда он убедился в том, что я полностью согласна с ним, то смягчился.

– Теперь же, пусть к нам придёт в гости любой, кто пожелает, – сказал он, – и мы встретим его самым достойным образом.

Три дня подряд мы встречали и потчевали гостей. По прошествии этих дней мы зарезали баранов и позвали на угощение всех родственников, знакомых и соседей.

Самым интересным в эти три дня было то, что каждый, кто приходил к нам в то время, только тогда и узнавал, что Абдоль-Хусейн был в Мекке и Медине и только вернулся оттуда.

РАСХОДЫ НА ПОЕЗДКУ В ХАДЖ

Рассказчик: Садек Джалали

Это было в то время, когда Абдоль-Хусейн вернулся из Мекки. Мы с женой решили отправиться к ним домой. Они тогда жили в районе Ку-е Толляб. Когда мы зашли в дом, то перед тем, как зайти в комнату, я увидел стоящий в коридоре новый цветной телевизор в коробке со всеми аксессуарами.

Наш разговор быстро перешёл к событиям его поездки в хадж – что он там конкретно делал и что привёз оттуда домой. Только я собрался спросить его о телевизоре, как он сам сказал, что его приобрёл там же, и это единственное, что он привёз из хаджа.

– Дай Бог, он прослужит вам долго, – сказал я.

– Так, я привёз это не для личного пользования, – посмеявшись, сказал он.

– Тогда для чего ты его приобрёл? – поинтересовался я.

– Я привёз его, чтобы продать, и, думаю, что ты можешь стать его покупателем, – ответил он.

– Зачем тебе его продавать, Абдоль-Хусейн? – удивлённо спросил я.

– На самом деле, я как-то раз взял и посчитал все расходы, которые потребовались для поездки в хадж. Оказалось, что вся сумма, которую армия выделила для этого дела, равнялась шестнадцати тысячам риалов. После этих слов он сделал небольшую паузу, после чего продолжил:

– Теперь же я хочу продать этот телевизор ровно по той цене, чтобы отдать вырученные деньги обратно в армейскую казну, чтобы не быть их должником.

Он опять замолчал, и, судя по его виду, о чём-то задумался.

– Если честно, я даже понятия не имею о том, какова рыночная стоимость телевизоров, – добавил он.

Сам я не знал, что здесь и сказать. Взвесив всё, я спросил:

– А ты его хоть проверял?

– Да, – ответил он. – Он в полном порядке.

– Мне телевизор не помешает, и я как раз хотел купить его, – сказал я, – но что, если его рыночная цена будет больше той суммы, что ты назвал?

– Если она будет выше, то пожалуйста и на здоровье. Если же она ниже – то прошу тебя простить мне эту разницу, – ответил он.

Впоследствии, мы заключили с ним сделку, и я приобрёл его у него. Как он и говорил, все деньги он отдал обратно армии за то, что они потратились на его поездку в хадж.

С тех пор прошло много лет, но жена до сих пор время от времени вспоминает тот случай и то, насколько Борунси бережно и внимательно относился к общественному и казённому имуществу.

ПОДАРКИ СО СВОЕГО КАРМАНА

Рассказчик: сейид Казым Хусейни

Однажды мы вместе с Абдоль-Хусейном ушли в увольнительный отпуск. Он отправился по своим делам, ну а я – к себе домой. Не успел я отойти от дороги и отдохнуть как следует, а он уже пришёл за мной.

– Хватит отдыхать, – заявил он мне.

– Ты куда-то собираешься идти? – спросил я его.

– Да, причём я собираюсь взять тебя с собой, и к тому же поехать на твоей машине, – сказал он.

– Командир, нам выделяют всего четыре дня на отдых. Ты не считаешь, что было бы вполне справедливо использовать их по назначению? – в шутку сказал я.

Он встал, после чего взял меня за руку и поднял с места.

– Оставь эти малодушные разговоры, – смеясь, сказал он. – Давай уже, собирайся быстрее. У нас мало времени.

Я быстро собрался в путь, и мы с ним поехали.

По пути мы заехали на несколько рынков, где приобрели немало различных продуктов. После всего этого мы направились в одно место, где Абдоль-Хусейн отдал их, чтобы их запаковали в подарочные пакеты.

– Слушай, может ты, в конце концов, скажешь, куда мы всё это везём? – спросил я его, когда мы сели в машину и опять поехали.

– Мы едем на встречу к погибшим, – улыбнувшись, сказал он.

– На встречу к погибшим? – переспросил я.

– Посетить семьи погибших в войне, – пояснил он. – Как бы там ни было, они ведь непосредственно связаны с ними, да и души мучеников наблюдают за своими семьями. Таким образом, получается, что мы, на самом деле, едем в гости к ним.

Из нашего батальона несколько человек погибли. В тот день мы посетили семьи каждого из них. В каждом доме, в который мы заходили, Абдоль-Хусейн давал одному из близких погибшего подарки.

Уже близилось время вечерней молитвы, а мы ещё не закончили. Когда начался азан, мы были в южной части Мешхеда. Для совершения молитвы мы отправились в местную мечеть. Завершив молитву и прочитав соответствующие зикры ⁴⁰, я подготовился к тому, чтобы ехать дальше, как вдруг увидел, что Абдоль-Хусейн, сказав: «Боже! На Тебя вся надежда!», подошёл к тому месту, где был предстоятель молитвы. Он сидел рядом с ним несколько минут. Я не знаю, о чём они в тот момент говорили, но в какой-то момент они оба поднялись с места. Было видно, сколь уважительно себя ведёт предстоятель молитвы с Абдоль-Хусейном. Они вместе прошли к трибуне.

---

⁴⁰ Слова поминания Всевышнего.

– Сегодня нам всем выпала большая честь разделить эту молитву с одним из командующих народного фронта, – обратившись к присутствующим, начал он. – Это Абдоль-Хусейн Борунси, о подвигах которого вы, наверняка, слышали.

Все, кто там присутствовал, в этот момент встали, после чего начали три раза громко читать салават. Абдоль-Хусейн стоял перед ними уверенно и спокойно.

– Так же нам выпала честь, – продолжал предстоятель молитвы, – послушать этого воина и извлечь для себя пользу из его слов.

Собравшиеся опять начали читать салават, а Абдоль-Хусейн в это время встал перед трибуной. Закончив со вступительной частью, он начал свою речь. Он говорил о фронте, о войне, о том, что ни в коем случае нельзя оставлять сопротивление без внимания, поддержки и помощи. Говорил он с чувством, как и полагается любому оратору. Мне вдруг вспомнилось то, как перед началом боевых операций он так же выступал перед ребятами – когда он говорил, то просто уносил нас из этого мира в другой. Там он показывал и разъяснял нам истинную суть вещей, которая так часто прячется от невнимательного взора человека за грубой материей, что очень часто занимает всё внимание человека и скрывает то, что находится за ней.

Когда я отошёл от этих воспоминаний, то понял, что Абдоль-Хусейн начал говорить о морали и духовности, а все собравшиеся буквально впитывали каждое его слово, и это можно было понять, просто посмотрев на их лица в этот момент.

Я хорошо помню, как после его речи, многие из тех, кто там был, в особенности молодёжь, начали вставать в знак уважения. Немало людей прямо там же подали заявки о том, чтобы вступить в ряды ополченцев.

Уже ночью, когда мы возвращались домой, я спросил у него:

– Командир, почему ты не запрашиваешь у армии машину для таких случаев?

– Этим самым я хочу, чтобы награда за это благодеяние перепала и тебе, – посмеявшись, сказал он.

– Думаю, что можно запросить деньги хотя бы за те продукты, что ты покупал для них, – заметил я.

– Ценность таких поступков в том и заключается, – сказал он, – что человек тратит деньги со своего кармана.

Когда он сказал это, то вспомнилось его мизерное жалование и все те, кто находился под его опекой ⁴¹.

---

⁴¹ Через какое-то время после этого мне довелось принимать большое участие в таких его предприятиях и посещать семьи убитых, пропавших без вести и раненных бойцов во всех концах страны. Если бывало так, что моя машина была в неисправном состоянии, то он находил других наших общих товарищей, у которых имелся транспорт, и, покупая подарки со своего кармана, исполнял, как он говорил, свой долг.

КАЗЁННАЯ СВЕЧА

Рассказчик: сейид Казым Хусейни

Когда Абдоль-Хусейн был назначен командиром бригады, в его пользование был дан автомобиль, причём нужен ему он, или нет, спрашивать его не стали. Просто так было положено. Вместе с автомобилем к нему хотели также прикрепить водителя, но он наотрез отказался от этого.

– Борунси, у тебя ведь нет водительских прав, – сказал я ему, – а это значит, что водитель с тобой должен быть.

– С точки зрения шариата, нет никаких проблем, если в условиях войны я сяду за руль без прав на вождение, – ответил он.

– А что будешь делать в городе? – спросил я.

– В городе, – немного подумав, ответил он, – это будет проблемно. Если надо будет поехать в город, то придётся брать с собой водителя.

Через несколько дней после этого, когда я уже был в Мешхеде, Абдоль-Хусейн пришёл ко мне.

– Сейид, ты должен придумать что-нибудь с этими правами, – заявил он мне.

– Командир, так у тебя ведь есть водитель, – смеясь, отметил я. – Зачем тебе права?

– Дело в том, что как раз в нём и проблема – он получает зарплату из казны, – ответил он.

– Ну, так ведь это законное право командира батальона, – заметил я.

– Не шути, сейид, – сказал он. – Один факт того, что у меня его машина, уже обременителен для меня, не говоря уже о том, чтобы ещё и пользоваться его услугами⁴². Я боюсь, что не смогу взять ответственность даже за машину, ну а брать на себя ещё и водителя – нет уж, этого я делать точно не стану.

Было видно, что это его решение окончательно, и менять он его не будет.

– Сколько дней у тебя отпуск? – спросил я.

– Семь или восемь дней, – ответил он.

– Дело далеко не из простых⁴³, – заметил я, – но с божьей помощью мы что-нибудь придумаем.

Мы вместе поехали в отделение по выдаче водительских прав и сделали всё, что от нас требовалось. Несколько участливых и добрых офицеров, которые были там в тот момент, помогли нам, и благодаря их помощи, пройти все этапы для получения прав получилось намного быстрее. Абдоль-Хусейн сдал сначала теоретический тест, после которого последовал тест по вождению в городе, и, в конце концов, ему выдали

---

⁴² Это всё ещё и при том, что деньги на обслуживание машины и бензин он отдавал из своего собственного кармана.

⁴³ В то время получить права было довольно-таки проблематично – надо было занимать очередь, в которой стоять приходилось около трёх месяцев, прежде, чем подавший заявление мог получить свое водительское удостоверение.

права. Весь процесс занял семь дней. Когда он собрался ехать обратно на фронт, то приехал ко мне, чтобы попрощаться. Он поблагодарил меня за оказанную в получении прав помощь, после чего сказал:

– Награда за это – у Всевышнего.

– Всегда пожалуйста, командир, – ответила.

Улыбнувшись, он взглянул на меня, и через несколько секунд начал рассказывать одну историю. Она была о Тальхе и Зубайре, двух сподвижниках Пророка, когда уже во времена правления имама Али они пришли к нему. Али, который перед их приходом занимался делами халифата, потушил казённую свечу и зажжёг свою собственную. Тальха и Зубайр пришли тогда к нему с той целью, чтобы попросить назначить их правителями некоторых провинций, но когда они увидели это, то поняли, что их просьба не будет удовлетворена. Когда Абдоль-Хусейн рассказывал это, его голос будто изменился и приобрёл какой-то особый оттенок.

– В Судный день, – продолжал он, – Всевышний будет спрашивать с человека о его законом имуществе, которое тот приобрёл честным путём, как и на что он его потратил. Что уж тогда говорить о казённом имуществе, ведь в этом случае спрашивать будут даже за самую маленькую иголку.

СТИРАЛЬНАЯ МАШИНА

Рассказчик: сейид Казым Хусейни

Абдоль-Хусейн остался на фронте, а я вернулся в Мешхед на увольнительный отпуск. На следующее утро я отправился в местечко под названием «Малаякабад», где находился военный гарнизон. Там мне сказали, что каждому командиру они обеспечили помощь в виде различной техники и прочих домашних принадлежностей, и что на долю Абдоль-Хусейна выпала стиральная машина.

– Так как его нет в городе, – сказали мне, – то, будьте добры, отвезите её к нему домой сами.

Я прекрасно знал, что если бы сам Абдоль-Хусейн был здесь, то он ни за что не принял бы этот подарок. «Вот и отлично, – подумал я, – так у его семьи хоть будет стиральная машина».

Обычно, когда происходило что-нибудь в этом духе, он задним числом уже ничего не менял, и мирился с тем, что сделали без его ведома.

– Конечно, с удовольствием, – ответил я им.

Погрузив стиральную машину в кузов пикапа, я быстро отвёз её к ним домой.

* * *

Я никогда не забуду тот его гнев. Когда он узнал историю со стиральной машиной и понял, откуда и как она попала к нему домой, то сразу приехал по мою душу.

Никогда прежде этого или после я не видел его таким.

– По какому праву и с чьего разрешения ты привёз в мой дом стиральную машину? – дрожащим от гнева голосом, спросил он.

Если честно, я даже испугался его, потому как совсем не ожидал от него такой реакции.

– Мне дали приказ сверху, – ответил я.

– Оправдание – хуже самого греха! – с ещё большим гневом, сказал он.

Помолчав немного, он продолжил:

– Ты приедешь прямо сейчас ко мне и отвезёшь эту машину туда, откуда ты её привёз.

Немного оправившись, я пришёл себя от смятения.

– Слушай, что ты так кипятишься? – недовольно спросил я. – Быть может, Судный день наступил? Или кто-то умер?

– Быть может я шёл на фронт для того, чтобы мне домой доставили стиральную машину? – грубо кинул он.

– Послушай, эта маленькая помощь была полностью твоим правом, – ответила. – В чём проблема-то?

– Ты делаешь так, чтобы моя награда за мою работу сошла на ноль. Мы воюем и сражаемся на фронте не для этого. Мы исполняем свой долг и свои обязательства, а подобное может сбить нас с пути и ввести в заблуждение!

Сказав это, он резко отвёл глаза от моего лица в сторону.

– Даже то жалование, – продолжил он, – которое я получаю – я не уверен, что имею на него право. Меня не покидают мысли о том, что я должен зарабатывать деньги на расходы семьи тогда, когда возвращаюсь домой на увольнительный отпуск⁴⁴. А ты, тем временем, тащишь в мой дом ещё и стиральную машину. От тебя я не ожидал такого, сейид!

Что бы я ни говорил ему, он не поменял своего мнения.

– Ты её привёз, ты и отвози, – сказал он.

– Эта стиральная машина по праву принадлежит твоей жене и детям, – не сдавался и я, – а это значит, что она должна остаться у вас в доме.

Он попрощался, и, уходя, добавил:

– Мы не притронемся к этой машине. Она так и будет стоять, пока ты не приедешь за ней.

«Может я всегда и слушаюсь тебя, но в этот раз я не сделаю так, как того хочешь ты!» – подумал я про себя, и не поехал отвозить её обратно в гарнизон.

Своей жене он сказал, чтобы она даже не доставала её из коробки.

Да смилуется над ним Всевышний – когда он стал мучеником, та стиральная машина всё ещё стояла у него дома, упакованная в коробку. Через какое-то время после этого, я отвёз ту машину и поменял её на более новую модель, после чего привёз её его жене и детям.

---

⁴⁴ Мне вспомнилось одно обстоятельство, которое, думаю, стоит озвучить. В самом начале революции, когда революционная армия только начала формироваться, сражающимся не выдавали никакого жалования. Помню, как этот великий человек в светлое время суток был на службе, а ночами работал, чтобы заработать на хлеб для своей семьи. Работа его проходила на стройке, и была она далеко не из лёгких.

Через какое-то время было принято решение выделять проходящим службу жалование. Помню, тогда на человека выделялось десять тысяч риалов в месяц. Абдоль-Хусейн был одним из тех, кто выступил против такой инициативы и выражал против этого свой протес везде, где только мог. «Мы ведь пришли сюда не за тем, чтобы получать деньги, а лишь с одной целью – служить исламской религии и революции», – говорил он.

ДОЛЯ МОЕЙ СЕМЬИ

Рассказчик: Масума Сабокхиз

Однажды Абдоль-Хусейн вернулся домой, и с ним были двое его товарищей по фронту. В то время мы всё ещё жили в районе Ку-е Толляб. Дом наш был очень маленьким, и было в нём очень жарко, так что летом (а это как раз летом и было) пот лил не переставая.

Я пошла на кухню и налила в графин воду со льдом, который затем отнесла им. Когда я только зашла, один из них сказал Абдоль-Хусейну:

– Командир, мне лично кажется, что тот кондиционер, который был отдан тому человеку, вам был куда как нужнее.

– Точно, – подтвердил второй. – Дети в этом доме вынуждены терпеть ещё большую жару.

Я сразу взяла это на заметку – что муж ещё и кондиционеры раздаёт людям. Мне было интересно, что на это ответит Абдоль-Хусейн.

– Что ты такое говоришь? – посмеявшись, спросил он.

– Нет, ну серьёзно, – настаивал тот.

– Ладно тебе, хватит шутить, – опять смеясь, сказал он. – Вот, ты говоришь это перед членами моей семьи, а жена потом будет думать, что я главный ответственный в раздаче кондиционеров во всей стране.

Судя по всему, с этих слов они поняли, что он не хочет обсуждать эту тему сейчас, потому как после они ничего по поводу этого не сказали. Я, в свою очередь, выкинула этот вопрос из головы. В конце-то концов, он ведь не сделал бы то, что не должен был делать. Пока они общались, я вышла из комнаты.

Уже после его смерти этот же его друг рассказал мне, что когда я в тот день вышла из комнаты, он сказал: «Как вы себе это представляете? Чтобы я позволил своим детям наслаждаться прохладой в жаркое лето, тогда как мать и семья того мученика, у которых и так болит сердце по ушедшему члену семьи, мучились бы от жары? Он по праву был их, и только их! Отныне, я даю слово, что семья моя не возьмёт ничего из казны для своего пользования!».

ТЯЖЁЛЫЕ УСЛОВИЯ

Рассказчик: Масума Сабокхиз

В конце его жизни, незадолго до того, как он стал пошиб, в его пользование армия предоставила автомобиль. Однажды он поехал в деревню, чтобы справиться о своей матери. Что там конкретно произошло, в деталях он не рассказывал. После того, как он стал мучеником, невестка его дяди на похоронах очень сильно плакала и скорбела по нему, что в её случае было делом не совсем обычным. Я догадывалась, что, наверняка, произошёл какой-то случай с Абдоль-Хусейном, по памяти которого она теперь так сильно страдает. Спрашивать её там, конечно же, я не могла, и поэтому подождала, пока она не зашла домой. К тому времени она как раз немного успокоилась.

– Ты очень сильно плачешь, – заметила я. – Расскажи мне, в чём дело.

Её глаза опять наполнились слезами. Воспоминание было связано с последней поездкой Абдоль-Хусейна, когда он направлялся к отцу в деревню.

– Ты ведь знаешь, что мой сын учился в духовной семинарии в Мешхеде? – спросила она.

Я кивнула головой. Она продолжила рассказ:

«Когда я узнала, что Борунси приехал в деревню на машине, я сразу же начала готовить для него хлеб, мясо, сметану и другие продукты, чтобы он отвёз их моему сыну. Я принесла всё это твоему мужу, да смилуется над ним Всевышний.

– Ты ведь поедешь обратно в Мешхед? – спросила я его.

– Как раз собирался в дорогу, – ответил он. – У тебя какие-то дела в Мешхеде?

– Если не сложно, то не мог бы ты положить это в багажник, – указывая на принесённые продукты, сказала я, – и передать их моему сыну в Мешхеде?

Несколько секунд он ничего не отвечал.

– Сейчас как раз должен отъехать автобус до Мешхеда, – указывая в сторону местной автобусной станции, сказал он. – Отдай их водителю, чтобы он отвёз их туда.

Я была очень сильно удивлена. Последнее, что я могла бы ожидать услышать в ответ, было именно это.

– Я заплачу за доставку, – продолжил он, – и когда автобус прибудет в Мешхед, то лично скажу твоему сыну, чтобы он забрал продукты.

– Но у тебя ведь есть машина, – с удивлением спросила я. – Зачем, в таком случае, отдавать их водителю автобуса?

– Это казённая машина, – твёрдо заявил он.

– И? – недоумеваю, спросила я.

– Я имею право только на то, чтобы приехать в деревню и навестить свою мать, – ответил он, – и никак иначе эту машину использовать я не

имею права. Если вдруг я решусь отвезти эти продукты твоему сыну, то в Судный день мне придётся отвечать за это, причём перед каждым жителем этой страны в отдельности!

В тот момент я не смогла понять всей глубины и силы этой мысли, потому как была отвлечена своею обидой.

– Тогда отвези их хотя бы для себя, – сказала я.

– Если я сам собираюсь что-то отвезить, – ответил он, – то либо отправляю это вместе с автобусом, либо приезжаю на другой машине».

Когда она дошла в своём рассказе до этого места, то опять начала плакать, так, что не могла продолжить.

– Если бы я тогда понимала, – немного успокоившись, продолжила она, – что он конкретно делает, то там же упала бы ему в ноги, но как же жаль, что я поняла это так поздно!

* * *

Однажды, с одним из наших детей что-то случилось, так, что его надо было срочно отвезти в больницу. Уж и не помню, то ли руку он сломал, то ли какая другая беда с ним приключилась. Даже в этом случае Абдоль-Хусейн не воспользовался казённой машиной, которая стояла прямо перед домом. Вместо этого он вызвал такси. Он всегда очень бережно и трепетно относился к вопросу о пользовании общественным и казённым имуществом.

ПУСТЫЕ ЯЩИКИ

Рассказчик: Масума Сабокхиз

После окончания очередной боевой операции он вернулся домой. Когда я открыла ему дверь, то сразу увидела два ящика, в которых когда-то хранились боеприпасы. Он занёс их внутрь.

– Зачем ты их принёс? – спросила я.

– Чтобы дети клали в них свои тетради и книги, – ответил он.

Когда он вытаскивал из машины эти ящики, наша соседка видела его.

– Похоже на то, что Борунси на этот раз вернулся не с пустыми руками, – сказала мне она, когда мы с ней через какое-то время встретились.

В тот момент я даже не поняла, о чём она говорит, но в следующее мгновение она что-то начала говорить про ящики, и тогда я всё осознала, в том числе и с каким намёком было сказано «не с пустыми руками».

– Эти ящики были пустыми, – ответила я.

– Зачем от нас-то скрывать? – спросила она. – Мы ведь не чужие вам люди, а соседи.

Я была расстроена таким восприятием наших соседей, но было понятно, что объяснять что-то или доказывать не имеет никакого смысла. Я пошла к мужу.

– Было бы хорошо, если бы эти ящики ты показал некоторым нашим соседям, – сказала я ему.

– Наверняка опять кто-то сказал нечто такое, от чего моя жена расстроилась, – как всегда бывало в таких ситуациях, шутливо заметил он.

– Одна соседка подумала, – сказала я, – что ты что-то привёз в этих ящиках.

– Это ведь всего лишь догадки людей, любящих доверять своему воображению, – смеясь, ответил он. – Тебя это не должно ни в коей мере расстраивать.

– Не должно расстраивать? – повышая тон, переспросила я.

Абдоль-Хусейн ничего не ответил, только лишь сидел и, глядя на меня, улыбался.

– Если бы ты был таким, каким они себе представляют, предполагая, что ты что-то тащишь домой с фронта, то я бы вообще не расстроилась, – продолжала я. – Но ведь это не так! Думаю, оно стоит того, чтобы показать ящики той женщине, чтобы она поняла, что в них ничего не было, и объяснить, для чего ты, на самом деле, их привёз.

– Как раз-таки этого делать и не стоит, – опять смеясь, ответил он.

Только я хотела спросить о причине этого, как он, перебив меня, продолжил:

– Знаешь, что та женщина скажет тебе в ответ, если ты это сделаешь? Я лишь, молча, глядела на него.

– Ты должна была сказать, что эта дорога открыта для всех, и каждый может так же поехать на фронт и нести оттуда домой вещи, – сказал он. – Путь туда ведь доступен для всех.

Сделав небольшую паузу, он с иронией заметил:

– Мы привезли с фронта два ящика для детских учебников, а они пусть принесут для себя хоть сто штук. Если они и впредь будут говорить что-то в этом духе, то ответь им так, как я сказал тебе.

ОТДЕЛЬНАЯ ПАЛАТА

Рассказчик: Масума Сабокхиз

Абдоль-Хусейн тогда лежал в одной из больниц Мешхеда. Когда бы я ни пошла к нему, рядом с ним всегда были два незнакомых мне. Первые дни я думала, что это просто его знакомые, которые приходят, чтобы провести его. Потом до меня дошло, что эти двое всегда находятся там вместе с ним. Как-то раз я решила спросить его об этом.

– Это мои друзья, – ответил он.

– Почему они всегда здесь? – поинтересовалась я.

– Ну, потому что друзья, – сказал он. – Они приходят сюда, чтобы побыть со мною.

Он говорил так уверенно, что нельзя было не поверить ему на слово. С другой стороны, если подойти к вопросу рационально, то и поверить в это было не так-то просто – чтобы двое друзей, насколько бы близки они ему ни были, постоянно приходили к нему и находились рядом с ним.

В первые дни помимо него в палате с ним были ещё несколько человек. Когда я в очередной раз пошла к нему, то не обнаружила его на своём месте. В голове сразу возникла тысяча разных мыслей. Спросив у врача о нём, я узнала, что его перевели в другую палату, куда я сразу же и направилась.

Когда я зашла туда, то поняла, что это была палата для одного человека, но рядом с ним стояли всё те же два человека.

– Почему тебя перевели в отдельную палату? – спросила я его через минуту.

– Врач сказал, что для меня будет лучше, если я побуду в тишине, – не обращая особого внимания на мой вопрос, ответил он.

Всего в этой больнице он провёл около месяца на стационарном лечении, и те двое всё это время постоянно были вместе с ним. Когда его выписали, он приехал домой, а с ним и его два спутника.

Не успели его раны полностью затянуться, как он опять отправился на фронт по просьбе военных, и Абдоль-Хусейн, полураненый, так и поехал туда.

* * *

После того, как Абдоль-Хусейн погиб, я как-то раз встретила тех двоих, а точнее они пришли к нам в гости.

– Мы были телохранителями Вашего мужа, – сказали они мне.

Если честно, я была очень удивлена тому, что услышала. Я могла предположить всё, что угодно, но только не это.

– Но почему вы мне не сказали тогда ничего? – спросила я.

– Нас об этом попросил сам Борунси, – ответили один из них. – Он сказал, чтобы ни вы, ни кто-либо другой об этом ничего не знал.

- Помните, когда Вы впервые зашли к нему после того, как его перевели в отдельную палату? – подхватил второй. – Он перевёлся туда только из-за наших настойчивых требований.
- Почему? – поинтересовалась я.
- Потому как он очень любил быть среди людей, – ответил он. – Мы всё повторяли ему, что это очень опасно, и только после очень долгих наших уговоров он согласился перейти в отдельную палату.

НОВАЯ КУРТКА

Рассказчик: Масума Сабокхиз

Отец Абдоль-Хусейна, живший в деревне, время от времени наведывался к нам в город. Один раз совпало так, что Абдоль-Хусейн приехал как раз тогда, когда у нас гостевал его отец. Не успев ещё отдохнуть, он начал рассказывать истории, которые приключались с ним на фронте. Он всегда говорил: «Я хотел бы отвезти отца на фронт, чтобы там он стал мучеником».

В этот раз он начал уговаривать отца поехать с собой ещё больше, чем обычно, и, как ни странно, ему это удалось – он согласился. Абдоль-Хусейн быстро сделал всё, что было необходимо для этого, и когда его увольнительный отпуск закончился, они вместе отправились на фронт.

Через три или четыре месяца его отец вернулся. Он сразу приехал к нам, в Мешхед. Сколько же всего он тогда нам рассказывал о фронте, а мы всё слушали его с неподдельным интересом. Это был как нельзя удобный случай для того, чтобы узнать о том, как проявляется нрав Абдоль-Хусейна на фронте и как он там ведёт себя.

– Ты даже не представляешь, насколько твой муж внимателен и чуток ко всему, что касается нравственности, и насколько он бережёт казённое имущество, – сказал он.

– Как это проявилось? – спросила я.

– Когда мы прибыли на фронт, – начал он рассказывать, – он дал мне одну куртку из армейских запасов. Вчера, когда я собирался выйти на увольнительный отпуск, он забрал эту куртку и отдал её другому ополченцу.

Как правило, среди военных было так заведено, что, когда им выдавали форму, и они носили её какое-то время, то форма становилась их собственностью, и они без всяких проблем могли оставить её себе. Поэтому я была сильно удивлена тому, что Абдоль-Хусейн забрал эту куртку, да ещё и учитывая, что это был его собственный отец.

Через несколько дней Абдоль-Хусейн тоже вернулся домой. Найдя удобный момент для того, чтобы поднять эту тему, я сказала ему:

– Неужели та куртка было настолько большой ценностью, что ты решил забрать её у старого человека после того, как дал ему её?

– Ну, это ещё надо узнать, что конкретно тебе про это рассказал отец, – посмеявшись, сказал он.

Я попросила рассказать его про этот случай его самого.

– Когда мы только приехали на фронт, – начал он, – там было довольно-таки холодно. Учитывая возраст отца, я решил, что не будет лишним достать для него куртку, что я и сделал, причём она была совсем новая. У меня в комнате была ещё одна старая куртка, залатанная в нескольких местах. Через какое-то время я понял, что он взял эту старую куртку из моей комнаты и начал носить её, а ту новую спрятал в свою сумку, судя по

всему для того, чтобы отвезти её домой. Все эти четыре месяца, что он провёл там, он ходил в этой старой куртке.

Когда он собирался выйти на отпускной, то одел новую куртку, чтобы, как говорится, быть при параде.

– Куда ты собрался, отец? – спросил я его тогда.

– Еду в деревню, – ответил он. – Мне выдали отпускной.

– Раз уж ты собрался в деревню, то почему не одел ту же старую куртку, что всё время носил здесь? – спросил я.

Он не понял, что я имею в виду под этими словами, и это можно было понять по его удивлённому виду. Он вообще ничего не ответил, только глядел на меня с недоумением. Я же решил, что смысла ходить вокруг да около нет никакого, и поэтому сказал ему напрямую:

– Сними эту куртку и одень свою старую, которую ты носил всё время.

– Разве она не принадлежит теперь мне? – пытался он поначалу как-то возражать.

– Если она принадлежала тебе, – сказал я, – то именно её ты и должен был носить с первого дня, как только приехал сюда.

В конце концов, я смог убедить его в том, что необходимо чтить святость общественного имущества и нет никакого смысла разменивать награду за своё дело, которую обещал Всевышний, на какую-то куртку.

Посмеявшись, Абдоль-Хусейн добавил в конце:

– Я и сам помог ему с тем, чтобы снять ту новую куртку.

ПОСЛЕ БОЕВОЙ ОПЕРАЦИИ

Рассказчик: Масума Сабокхиз

У отца Абдоль-Хусейна случился сердечный приступ, и его привезли в Мешхед. Мы показали его нескольким врачам, но кто бы ни осматривал его, все выносили один и тот же вердикт – ему уже нельзя было ничем помочь. Кроме того, намёками они дали нам понять, что это последние дни его жизни.

В эти дни Абдоль-Хусейн как-то раз позвонил с фронта. Я сразу рассказала ему о состоянии его отца.

– Я буду молиться за него, – лишь сказал он в ответ на эту новость.

– То есть, просто молиться? – удивилась я. – Ты же должен приехать к нему в Мешхед!

– Для чего конкретно я должен это делать? – спросил он. – Вы ведь и сами можете отвезти его к врачам.

– Неужели ты думаешь, что мы до сих пор не отвели его к врачам? – с ещё большим протестом, спросила я.

Он ничего не ответил, и, видимо, понял, что мы уже знаем прогноз по его состоянию.

– Мы отвели его к нескольким врачам, – продолжила я. – Все говорят, что он не сможет пойти на поправку. Состояние у него крайне тяжёлое. Может быть даже...

Я хотела сказать, что есть немалая вероятность того, что он умрёт, но мой голос дрогнул, и я не смогла продолжить. Абдоль-Хусейн тоже молчал.

– Положение у нас тут такое, – осевшим голосом, произнёс он, – что я пока не могу вернуться. Я просто обязан пока быть здесь, даже если отец покинет этот мир.

– Что ты такое говоришь? – грубо спросила я.

– На данный момент нет ничего важнее, чем фронт и эта война, – ответил он.

– Так, если, не дай Бог, что-нибудь случится, то что мы должны делать? – спросила я.

– Вам придётся похоронить его, – тихо и с глубокой печалью в голосе сказал он...

Через несколько дней всё так и случилось. Его отец умер, но мы не стали хоронить его тело сразу. Братья, сёстры и все родственники ждали того момента, пока он вернётся с фронта.

Военная операция Меймак⁴⁵ только началась. Мы еле смогли найти его через нескольких посредников и выйти с ним на связь по телефону.

---

⁴⁵ Уже потом я узнала о том, сколь сложным было положение на операции «Меймак», и лишь тогда я поняла, какую жертву принёс Абдоль-Хусейн, и сколько терпения он проявил.

– Твой отец умер, да смилуется над ним Всевышний – сказал я ему.
– Поистине, мы принадлежим Аллаху и, поистине, к Нему мы возвращаемся⁴⁶, – тихо произнёс он.
– Мы до сих пор не похоронили его тело, – сказала я.
– Почему? – удивился он.
– Здесь все ждут, пока ты вернёшься, чтобы похоронить его после этого, – ответила я.
– Когда ты звонила в последний раз, боевая операция ещё не началась, – сказал он. – Теперь, когда она началась, я никак не могу взять и уехать отсюда.
– Как такое возможно? – возмущилась я. – Чтобы приехать и уехать тебе не потребуются даже сутки. Приедешь и сразу же уедешь обратно.
– В данное время моё присутствие здесь необходимо, – сказал он. – Вам придётся самим отвезти его на кладбище и похоронить. Не ждите меня⁴⁷.

* * *

Абдоль-Хусейн приехал на сороковой день после смерти своего отца. Мы устроили траурные церемонии как в городе, так и в деревне. В мечети деревни, где собрались все родственники, знакомые, соседи и односельчане, он подошёл к минбару и сказал:

– Сейчас, когда здесь собрались все жители деревни...

Я ждала, что же он хочет такого сказать.

– Каждый, у кого была какая-либо претензия к моему отцу или остался какой-либо долг, пусть сейчас же подойдёт ко мне и скажет об этом лично мне, чтобы я тут же решил этот вопрос, – чётко и твёрдо объявил он.

---

⁴⁶ Выражение, которое используют, когда получают весть о смерти человека.

⁴⁷ После его смерти Маджид Ихван рассказывал: «В тот самый момент, когда Вы разговаривали с ним по телефону, мы были рядом с ним, и, надо сказать, были им очень недовольны. В тот момент, когда мы поняли, что он принял окончательное решение о том, чтобы не ехать в Мешхед по этому случаю, один из наших ребят сказал ему: "Разве можно допустить такое, чтобы тебя не было на похоронах отца?". "Моё присутствие здесь более необходимо, – ответил он. – Я тоже являюсь отцом всех этих ополченцев. Так, какая тогда разница?".

Так он остался с нами до окончания военной операции. Лишь после того, как все позиции были отвоёваны и укреплены, он вернулся в Мешхед».

УЧАСТОК ЗЕМЛИ

Рассказчик: Масума Сабокхиз

В нашем доме нельзя было даже сказать то, что какой-либо наш сосед пошёл к другому в гости, потому как, стоило завести разговор про кого-нибудь постороннего, Абдоль-Хусейн сразу же говорил: «Это нас не касается. Вся наша забота должна быть о нас самих, а говорить о других – бессмысленно».

Сам он тоже всегда сторонился даже любого пустословия, не говоря уже о том, чтобы обсуждать людей за их спинами, лгать или говорить нечто в этом же духе.

Однажды мы вместе отправились в деревню. Судя по всему, некоторое время тому назад его матери достался участок земли. Она подошла к Абдоль-Хусейну и села рядом с ним.

– Уж и не знаю, почему ты такой странный, сынок, – с обидой сказала она.

– Почему? – с улыбкой спросил Абдоль-Хусейн.

– Вот, ты приезжаешь ко мне и уезжаешь, но ни разу не было такого, чтобы ты спросил о том, где находится тот участок, который достался мне, – сказала она.

Когда Абдоль-Хусейн услышал это, то улыбка сразу исчезла с его лица, и её заменило негодование.

– Мне нет никакого дела до ваших участков, – с недовольством сказал он.

Мать Абдоль-Хусейна, как, впрочем, и я, была просто шокирована таким ответом.

– Я уж думал, – продолжал он, – что ты села рядом со мной, чтобы спросить меня, к примеру, о том, сколько я совершил ночных молитв, сколько скомпенсировал тех молитв, которые должен был совершить и всё в этом роде. А ты что? Спрашиваешь меня о каких-то участках.

Лично я всегда ожидала от него нечто подобное, но только не по отношению к своей матери. Я не могла молчать.

– То есть, ты считаешь, что это правильно, что так можно? – возмутилась я. – Это ведь твоя мать!

– То есть, правильно то, что в этом возрасте она приходит ко мне и начинает говорить о делах этого мира, когда ей самой вот-вот придётся покинуть его? – вторил он.

Немного помолчав и успокоившись, он продолжил:

– Пропитание, без какого-либо сомнения, обеспечит сам Всевышний, потому как Он обещал нам его, но то, что нас действительно и по праву должно беспокоить – это вечная жизнь.

ПРИЧИНЫ И ЦЕЛИ

Рассказчик: Масума Сабокхиз

До самого того момента, пока он не погиб, я, как и большинство родственников и соседей, даже не подозревала о том, какую должность занимает на фронте Абдоль-Хусейн. Иногда, когда мы затрагивали тему, все спрашивали: «Что твой муж хочет от фронта, что постоянно находится там?».

Однажды, когда я гостила у соседки, речь опять зашла о фронте.

– Я считаю, – сказала одна соседка, – что Борунси просто устал от своей семьи – он уходит на фронт лишь за тем, чтобы быть подальше от них.

Никто не стал её останавливать или поправлять.

– В конце-то концов, – продолжала она, – если человек будет любить свою жизнь и семью, то он ведь и им будет уделять время и внимание.

О, какими тяжёлыми были для меня эти её слова! Не знаю, что её сподвигло сказать такое – болезнь какая-нибудь, или злость, или и то, и другое вместе. Я не сказала ни слова, и просто поникшая вернулась к себе домой.

Как раз в то время Абдоль-Хусейн был дома. Я рассказала ему то, что говорили про него наши соседи. Он сразу понял, как сильно меня это расстроило.

– Знаешь, что я должен сделать? – усмехнувшись, чтобы расслабить меня, придавая теме будничной тон, спросил он.

– Нет, – лишь ответила я.

– Надо поставить на улице один стул, позвать всех соседей туда, сесть и объявить во всеуслышание: «Люди! Я люблю своих жену и детей, причём люблю их очень сильно! Но, тем не менее, дела фронта намного важнее, чем моя семья».

Улыбка исчезла с его лица. Он взглянул мне прямо в глаза.

– Та женщина, – продолжил он, – которая сказала тебе это, наверняка не понимает, что мои дети здесь находятся в безопасности и здравии, но рядом с границей много таких семей, которые лишились всего своего имущества, в том числе и кровя над головой.

ЛЮБОВЬ К ДЕТЯМ

Рассказчик: художат аль-ислам Мухаммад Реза Резаи

В то время мы оба жили в Мешхеде. Нашей главной работой и заботой тогда было всё, что было связано с революцией. По этой причине мы часто навещали друг друга.

Помимо прочих детей в доме Борунси был мальчик начальных классов, которого звали Аббас Акбари. Однажды он подошёл ко мне, и по нему было видно, что он собирается сказать что-то очень важное. Кое-как поздоровавшись, он с удивлением сказал:

– Я и не знал, что Абдоль-Хусейн до такой степени любит Вас!

Ничего подобного услышать я точно не ожидал.

– И как ты это понял? – только и спросил я.

– Знали бы вы, сколько родственников недовольны просто от того, что Вы так часто бываете у него дома, – сказал он.

– Почему? – удивился я.

– Из-за той же политики, из-за того, что он попал в тюрьму, и прочего, – ответил он.

– То есть, они думают, что всё это случилось по моей вине? – прямо спросил я его.

– Ну да, – просто ответил он.

– Они просто не знают, – сказал я, – что если и случилось так, что мне посчастливилось оказаться в рядах революционеров, то только благодаря Борунси.

Выдержав паузу, я спокойно спросил:

– Так, какие конкретно родственники и близкие недовольны этим обстоятельством?

Он назвал несколько человек, и все они были близкими родственниками Борунси.

– Как раз вчера, – продолжил он, – когда я был там, родственники собрались, чтобы выдвинуть ему ультиматум.

– Что за ультиматум?

– Они сказали ему, что в том случае, если Резаи так и будет продолжать приходить к нему, то их ноги в его доме больше не будет.

Я, поглаживая бороду, качал головой из стороны в сторону в знак своего удивления.

– И что он ответил им? – спросил я.

– Поначалу он долго пытался их убедить в том, что они не правы, но когда он понял, что они ни за что не поменяют своего мнения, то сказал им: "Я могу отказаться от каждого из вас, но от Резаи я никогда не отвернусь". Все были просто шокированы этими словами, и, возможно, чтобы как-то успокоить их, он добавил: "Резаи служит ради общего дела, ради свершения революции, и наша дружба с ним только ради Всевышнего, а не из-за меркантильных интересов".

Я и так знал о том, как он хорошо ко мне относится, но даже не думал, что настолько.

* * *

После того случая прошло несколько дней. Хасан тогда ещё не начал ходить в школу. Он играл во дворе с каким-то ребёнком, которому было примерно столько же лет. Я не знаю, что Хасан сделал с ним, но тот ребёнок неожиданно издал истошный крик. Я подошёл к нему и, взяв за руку, отвёл его в сторону. Просто для вида, чтобы тот ребёнок немного успокоился из-за свершившегося правосудия, я легонько шлёпнул Хасана по голове. Он не остался в долгу и сразу же разрыдался, после чего, вырвав руку, побежал домой.

Мне и самому было неудобно от того, что он из-за меня начал плакать, но ничего поделать уже было нельзя.

Через некоторое время сам Абдоль-Хусейн вышел вместе с Хасаном. Я думал, что, как и всегда, увижу его улыбающимся и приветливым, но на этот раз он был в негодовании – на его лице не было улыбки, и он не смотрел на меня. Никогда прежде я его таким не видел.

Он подошёл ко мне на расстоянии нескольких шагов и встал, как будто хотел что-то сказать, но всё же чего-то выжидал. Взгляд его в этот момент был прикован к земле. Наконец, он заговорил, и отчасти серьёзным, отчасти шутивным тоном сказал:

– Никто не вправе поднимать руку на моего ребёнка.

Я был сильно удивлён тому, что услышал. Учитывая нашу с ним крепкую дружбу и братское отношение, такого я от него никак не ожидал. Если честно, меня это даже порядком расстроило.

Через какое-то время, когда эмоции ушли на второй план, и была возможность получше взвесить всё это разумно, я понял, что причиной тому была его сильная любовь к детям, и не может быть в этом ничего зазорного для него.

ПОХОД С РЕБЁНКОМ

Рассказчик: Масума Сабокхиз

Как-то раз ночью, Абдоль-Хусейн выступал с речью в мечети Говхаршад. Чтобы не затягивать с разъяснением, он обычно говорил что-нибудь, вроде: «Я, как простой ополченец, хочу донести кое-что до своего народа».

Абуль-Фазлю, нашему самому младшему сыну, тогда был годик или два. Когда Абдоль-Хусейн собирался уходить, он всегда плакал по нему, и этот раз не был исключением. «Папа! Папа!» – кричал он так, как это умеют делать только дети, и при этом дёргался у меня на руках так, что я еле могла удержать его.

Как бы я ни старалась его успокоить на этот раз, ничего не помогало.

– Ладно, хулиган, давай, иди ко мне. Пойдёшь со мной, – улыбаясь и беря его на руки, сказал он.

– Куда возьмёшь? – удивилась я.

– Как куда? Туда, куда иду сам, конечно же, – ответил он.

– Ты ведь собирался идти, чтобы выступить с речью. Разве ты сможешь это сделать с ребёнком?

– Конечно, без проблем, – отмахнулся он. – Просто отдам его друзьям.

Я быстро поменяла одежду ребёнка, и они вместе ушли.

Когда они вернулись, то я первым делом сразу спросила:

– Ну что? Он не испортил всё?

– Да уж, что тут сказать, – улыбаясь, ответил он.

Отдав мне ребёнка, он сел, после чего продолжил:

– Прямо посреди речи он вдруг начал сильно плакать, да так, что ребята уже не смогли его успокоить. В конце концов, им пришлось выйти с ним на улицу. Когда я закончил с речью, то сразу вышел вслед за ними. Как выяснилось, дело дошло до того, что надо было менять ребёнку подгузник. Я взял его и начал искать место, где можно было бы это сделать.

– Куда ты идёшь? – спросил один из друзей.

– С вашего разрешения, – указывая на Абуль-Фазля, сказал я, – мне надо поменять подгузник этому человеку.

– Да ты что? Думаешь, мы тебе позволим это сделать? – сказали они, и тут же начали пытаться взять у меня ребёнка, чтобы самим всё сделать.

– Ребята, как бы там ни было, но в этом деле вам со мной точно не тягаться, – сказал я. – Конечно же, я не позволю это делать вам.

Они очень долго настаивали, но так и не смогли меня переубедить.

Стоило мне поменять подгузник, как ребёнок тут же успокоился.

НЕЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ДОЛЖНОСТЬ

Рассказчик: Масума Сабокхиз

Было около девяти часов ночи. Вдруг в дверь кто-то позвонил. Я не знаю почему, но в душе сразу же возникла необъяснимая тревога. Я быстро накинула на себя чадру, и пошла смотреть, кто к нам явился так поздно. Перед дверью стоял мотоцикл, на котором сидели два неизвестных мне человека. Как только я их увидела, душа сразу ушла в пятки – лица обоих были скрыты завязанными на голове куфиями, и лишь глаза их были видны. Один из них очень вежливо поприветствовал меня, после чего спросил:

– Борунси дома?

– Нет, – ответила я.

– Вы не знаете, куда он ушёл? – поинтересовался незнакомец.

Тут я подумала, что, должно быть, это его боевые товарищи.

– Не знаю, он не сказал мне, – ответила я.

– А когда вернётся?

– Точно не знаю. Он лишь сказал, что идёт куда-то, чтобы выступить с речью.

– Вы извините, пожалуйста, – сказал он. – Мы сослуживцы Вашего мужа, и очень хотели бы его увидеть. Скажите, когда нам стоит прийти, чтобы наверняка застать его дома?

– Знаете, – ответила я, – когда он возвращается в свой отпуск, мы и сами его толком не видим.

Запас вопросов у него, судя по всему, был бесконечным.

– А сегодня во сколько он точно должен быть дома, не знаете? – не унимался он.

– Извините, но я ведь уже сказала, что не знаю, – уже с сомнением сказала я.

Несколько секунд он молчал, и я уже хотела зайти обратно домой, как вдруг он опять заговорил:

– Извините, а Вы не могли бы сказать, как зовут Вашего мужа? – спросил он. – Дело в том, что мы знаем его только по фамилии ⁴⁸.

– Послушайте, если вы действительно те, за кого себя выдаёте и являетесь его друзьями, то точно знали бы об этом! – уже не выдержав, грубо ответила я.

Как только я это сказала, тот, что был за рулём, быстро завёл мотоцикл и тронулся. Они уехали, даже не попрощавшись.

Абдоль-Хусейн вернулся ближе к десяти часам, а вместе с ним был ещё кто-то.

– Принеси нам покушать, – сказал он мне. – Мы сильно проголодались.

---

⁴⁸ Потом я поняла, что они спросили это лишь с целью убедиться, что они не ошиблись адресом.

Я так ждала его, чтобы рассказать о том случае с двумя неизвестными на мотоцикле, что, не обратив на его просьбу никакого внимания, сразу выдала ему:

– Тут приехали двое, сказали, что у них к тебе дело.

– Кто? – спросил он.

– Их лица были закрыты куфиями, а сами они не назвались, – сказала я. Абдоль-Хусейн и его спутник переглянулись.

– Так, что это было? Ты не знаешь, кто это мог быть? – не смогла я сдержать своего любопытства.

– Да нет, всё нормально, – сразу ответил он. – Это были наши друзья. Немного подумав, он спросил:

– Что они сказали?

Я рассказала ему всё, о чём спрашивали они, и то, как я им отвечала.

– Да уж, – смеялся он, – достойный ты дала им ответ в конце!

Как бы я ни пыталась в ту ночь выяснить, в чем дело, и кто были эти люди, он мне так ничего и не сказал.

На следующее утро я пошла в магазин одного из наших соседей. Он принадлежал одной женщине, и там я обычно покупала молоко для детей.

– Ты видела тех двух, которые приходили, чтобы убить твоего мужа? – спросила она меня, как только увидела.

– Убить? – будучи шокированной, переспросила я. – За что убить? Разве он что-то сделал?

Она поднесла для меня стул, на который я тут же упала.

– Да что ты, – начала она меня успокаивать, – переживать теперь уже не надо. Всё, слава Богу, закончилось хорошо.

Потребовалось ещё немного времени, чтобы я пришла в себя после такого известия. Я попросила её рассказать то, что она знает обо всём этом.

– Те же люди, – начала она рассказывать, – которые приехали тогда к вам, наведались сначала к нам...

– Зачем? – не выдержав, сразу спросила я.

– Хотели узнать адрес, где вы живёте, – ответила она.

– И ты дала адрес? – опять не выдержала я.

– Ну да, – виновато сказала она. – Откуда мне было знать, для чего им нужен ваш адрес?

В этот момент в магазин зашёл один покупатель. Соседка быстро обслужила его, чтобы тот поскорее ушёл.

– Но знала бы ты, – сразу продолжила она, – как Ядулла разозлился за это на меня!

Ядулла был её сыном. Я знала, что он и его двоюродный брат служат вместе с Абдоль-Хусейном.

– О, как же он ругал меня за это! – продолжала она. – "Зачем ты дала им его адрес? Они же хотят убить Борунси!" – говорил он.

Немного помолчав, она заметила:

– Если честно, лично я задалась вопросом о том, какое же положение занимает Борунси на фронте, раз его хотят убить⁴⁹.

Я не на шутку перепугалась. Действительно, какую должность он занимал в армии?

– Я вообще не поняла, какую цель они преследовали, – сказала я, как человек, который вечно узнает всё последним.

– Час ведь был весьма поздний, – сказала она. – Прошлой ночью мой сын Ядулла отправился к посту ополченцев, чтобы те прислали патруль для вашего дома.

Мне оставалось лишь удивляться тому, как мало я знаю о своём муже. Засиживаться дольше я не стала, и, забрав своё молоко, быстро пошла домой. Придя туда, я сразу пошла к Абдоль-Хусейну, чтобы обсудить это с ним.

– Я из-за тебя очень сильно расстроилась! – заявила я ему.

– Почему? – спокойно, в своей обычной манере, спросил он.

– Ты ведь знал, что те двое искали тебя, чтобы убить, но ничего не сказал об этом мне!

На его лице не проявилась грусть или какое-либо смущение, нет – он начал смеяться.

– Как так может быть? – в будничном тоне спросил он. – Кто я, по-твоему, такой, чтобы кому-то нужно было целенаправленно меня убивать?

В следующее мгновение его лицо стало серьёзным, и он спросил:

– И вообще, кто тебе сказал это?

– Мать Ядуллы, – ответила я.

Немного постояв, он пошёл, взял свою куртку и вышел на улицу, хотя там ещё толком не рассвело. Через несколько минут он вернулся домой.

– Да что ты, жена, – сказал он, – не стоило это всё твоих переживаний. Они, как оказалось, хотели убить Борунси, но другого, не меня. Они просто не туда приехали и перепутали кого-то со мной.

Тут я решила, как говорится, схватить его за руку и взять с поличным.

– А как же ополченцы? – спросила я. – Они тоже перепутали тебя с другим Борунси?

– В каком смысле? – не понял он.

– Они охраняли наш дом всю ночь до рассвета.

– Это всё неправда, – твёрдо и без колебаний, сказал он. – Кто я такой, чтобы ополченцы тратили время на то, чтобы охранять меня и мой дом? Даже в этот момент он не заикнулся о том, какую должность занимает, и даже не намекнул.

* * *

---

⁴⁹ Абдоль-Хусейн строго-настрого запрещал всем своим подчинённым, которые были в городе, говорить что-либо о том, какую должность он занимает на фронте.

После того, как он стал мучеником, я узнала, что в то утро после нашего разговора он отправился к Ядулле. Сам Ядулла рассказывал мне следующее:

«Борунси тогда был мною очень недоволен.

– Почему ты говоришь женщинам такое? Разве они должны всё это знать? – сдерживая свой гнев, сказал он мне.

Мы с ним в то же утро отправились к моей матери, и после его разговора с ней, она уже не думала о том, что он может быть каким-то важным человеком среди ополченцев. Да, Борунси умел работать с людьми».

ПУЛЯ В РУКЕ

Рассказчик: Масума Сабокхиз

После завершения боевой операции, он вернулся домой на увольнительные. В верхней части руки у него тогда было пулевое ранение, но было видно, что пулю вытащили, и рана уже затягивалась. Выглядело это довольно-таки странно, ведь операция проходила совсем недавно, и если её вытащили из его руки после неё, то рана не могла так быстро затянуться. Я озвучила это ему.

– Ранение я получил ещё до начала операции, – пояснил он.

Мне стало интересно узнать, как это случилось, и после моих уговоров он, наконец, решился рассказать об этом

– Когда меня только ранили, – начал он, – то сразу же отвезли в Язд. Там меня отправили в одну из местных больниц, где назначили стационарную реабилитацию. До начала боевой операции оставалось совсем немного времени, и поэтому я хотел уйти оттуда как можно быстрее.

– После осмотра доктор сказал, что надо сделать рентгеновский снимок руки. На снимке было видно, что пуля застряла между костью и мышцами. В тот момент я не думал о своей руке и о том, что она болит.

– Мне надо ухаживать, причём как можно быстрее, – сказал я ему.

– Вам надо делать операцию, – сказал он, – причём это тоже требует срочных мер.

Я начал настаивать на своём, и это ему не понравилась.

– Просто посмотрите на это! – говорил он, показывая снимок. – Пуля застряла в руке. Куда Вы хотите пойти с такой рукой?

Он сказал персоналу, чтобы они подготовили меня к началу операции. Всё шло к тому, что я не попаду на фронт в срок. В этот момент, прежде чего-либо другого, я вспомнил о святых из семейства Пророка и начал молить Бога через них. Я чувствовал себя беспомощным, как птица, которую закрыли в клетке. Мне было очень плохо, и я начал читать зикры и молиться.

В таком состоянии подавленности и печали, поминая Всевышнего и плача, я уснул, или, быть может, это было состоянием между сном и бодрствованием. Как бы там ни было, я увидел его светлость Абуль-Фазля Аббаса - мир ему -, который пришёл, чтобы навестить меня. Я ясно видел, как его рука приближается к моей. Я чувствовал, как он извлекает что-то из моей руки, но боли я совсем не ощутил.

– Встань, – сказал он мне. – Твоя рука теперь полностью здорова.

– Да стану я жертвой за тебя⁵⁰! Моя рука ведь ранена, и в ней застряла пуля, – сказал я. – Врачи говорят, что надо провести операцию.

– Нет, – сказал он, – теперь в этом нет необходимости.

---

⁵⁰ Традиционная на Востоке форма выражения почтения и уважения.

Как только он ушёл, я сразу приподнялся и сел на кровать. Было такое чувство, что я проснулся ото сна. В голову сразу пришла мысль о том, чтобы проверить руку, и, коснувшись её, я не почувствовал никакой боли! Сомнений у меня более не было никаких в том, что я полностью здоров.

Я сразу вскочил с кровати и, вне себя от радости, пошёл за своей одеждой, выдавать которую мне отказались.

– Куда Вы собрались идти? – спросили меня.

– Мне необходимо попасть как можно быстрее на передовую, – ответил я, – и более нет никакой надобности в том, чтобы проводить операцию.

Естественно, они так легко меня не отпустили, и начался спор о том, позволят ли они мне уйти, или же нет, из-за которого они позвали туда моего врача. Как бы я не аргументировал свою позицию, говоря, что вся ответственность на мне самом, и они, в любом случае, не будут ни в чём виноваты, делу это не помогло. У меня не было никакого выхода, кроме как сказать им правду. Отведя врача в сторону, я рассказал всё, что со мной случилось. Как ему и полагалось, он не поверил.

– Пока я не сделаю снимок руки, я не позволю тебе покинуть стены этой больницы, – отрезал он.

– Хорошо, но только с условием, что Вы не станете поднимать из-за этого шум, – сказал я.

Он принял моё условие, и я пошёл делать ещё один снимок.

Итог был ровно таким, каким я и ожидал – на снимке было видно, что от пули в руке не осталось и следа.

ЯВЛЕНИЕ

Рассказчик: Масума Сабокхиз

Как-то раз Абдоль-Хусейн рассказал мне один удивительный случай, произошедший с ним на фронте:

"Мы тогда были заняты на складе боеприпасов. Мы клали патроны и снаряды в специальные ящики, после чего заколачивали их. Вдруг я заметил, что на складе находится какая-то женщина в чёрной чадре. Нисколько не уступая нам в скорости, она занималась тем же, чем занимались и мы. Я подумал, что она наверняка из тех женщин, которые приезжают на фронт, чтобы оказать посильную помощь.

На тот момент я даже и не вспомнил о том, что на тот участок женщин не пускали в принципе. Я посмотрел на ребят – они занимались своим делом, не обращая на женщину никакого внимания, как будто её и вовсе не существовало. Что-то в этом было необычное, и мне стало интересно разузнать, что к чему. Я подошёл к ней, по пути поправляя на себе одежду, чтобы выглядеть по приличнее, по крайней мере, в той степени, в которой это было возможно в таких условиях.

– Сестра, – обратился я к ней, – когда здесь работают мужчины, то ты не должна утруждать себя.

Она выпрямилась во весь рост, но не посмотрела на меня.

– Разве ты не из тех, кто трудится на пути моего брата? – спросила она.

В один момент я вспомнил имама Хусейна, и слёзы тут же проступили на глазах. Я сразу понял, в чем дело, и потому не мог промолвить ни слова.

– Если кто-то помогает нам, – всё так же, не поворачиваясь, сказала она, – то и мы помогаем ему".

БЛИЗИ МОСТА ХАФТДАХАНЭ

Рассказчик: Машааллах Шахмуради

Один из наших ребят был ранен перед насыпью где-то на расстоянии сорока метров от нас. Несколько раз он с трудом вставал, но, проделав лишь несколько шагов, опять падал. Упав так в очередной раз, он, как бы ни старался, больше не смог встать.

Находился он в этот момент в самом неудачном месте – прямо в зоне видимости врага и под их огнём. Один ополченец отправился вытаскивать его оттуда, а мы, тем временем, вылезли из-за насыпи и открыли плотный огонь по врагу, чтобы прикрыть их.

Иракцы оставили свои позиции у воды за насыпью, а местность та была болотистой, и пересечь её было очень сложно.

Он с самого начала угодил в болото, из-за чего еле сумел выйти оттуда живым.

Это был очень тяжёлый момент для нас – перед нами умирал наш брат, а мы не могли толком ничем ему помочь. Ещё несколько человек, рискуя жизнями, подставили себя по огонь, но и у них так ничего и не получилось. Я больше не мог смотреть на это и ничего при этом не делать.

– Теперь моя очередь, – сказал я.

– Послушай, – сказали мне ребята, – во-первых, у тебя слабое тело, а во-вторых, ты не умеешь перебежать и прятаться от огня.

– Об этом не переживайте, – сказал я. – Что-нибудь придумаю.

Не дав им возможности оспаривать свои слова, я сразу же двинулся вперёд, к окопу гранатомётчиков.

Дойдя туда, я указал ребятам на точку за насыпью и сказал, чтобы они пустили туда фосфорные снаряды, которые должны были обеспечить дымовую завесу.

– Конечно, так видимость для врага будет перекрыта, – сказали они, сразу поняв задумку, – но тебе надо будет быть осторожным и не угодить в болото.

– Здесь можно только уповать на Бога, – сказал я. – Если на то будет Его воля, то я принесу его обратно.

Через некоторое время они уже обстреливали фосфорными снарядами указанные мною участки, и как только они начали дымить, я тут же выскочил из-за насыпи. Далеко не без труда, но я всё же добрался до этого раненого. Не обращая никакого внимания на его стоны и стенания, я быстро поднял его и закинул на свои плечи.

Он был крупного телосложения, а я, пусть ещё не старый, но выносливости мне явно не хватало – нести его было очень тяжело. Враги, тем временем, хоть и не видели толком ничего, но всё равно обильно пуляли вперёд свинец.

Я уже почти донёс его до нашей насыпи. К тому моменту я успел измучиться из-за топкой грязи, которую мне пришлось месить, пока я шёл по болоту. Из-за фосфорного дыма дышать было сложно, и я выдохся ещё быстрее. Вдруг меня сбило волной от взрыва и откинуло в сторону.

В ушах стоял звонкий свист, и, лёжа в этой грязи, я не мог пошевелиться. Тем временем, по еле отличимым звукам, я понял, что кто-то из наших пришел, чтобы унести того раненого. Отнеся его назад, он вернулся за мной, и тем самым спас меня тоже. По его выносливости сразу было понятно, что это был опытный и видавший войну человек. Уже за насыпью я слышал, как он отчитывает остальных за то, что они позволили мне идти на выручку раненому.

– Борунси, так, он сам рванул туда, – оправдывались они. – Мы ему говорили, чтобы он не бежал, но он не послушался.

Стоило мне услышать «Борунси», как у меня будто бы открылось второе дыхание. Я знал, что это командир батальона «Абдулла», но до тех пор я ни разу ещё не видел его. Открыв глаза, я увидел перед собой его загорелое лицо. Его улыбка в этот момент подарила мне настоящее спокойствие.

Он сам поднял меня на грузовик, в котором перевозили раненых, и принёс мой рюкзак.

– Берегите его, чтобы ему не было сложно во время пути, – сказал он ребятам, которые должны были поехать с нами.

– Куда меня везут? – еле спросил я.

– В полевой госпиталь, – ответил он. – Там ты быстро придёшь в себя.

* * *

Мне надо было ехать в Керманшах, но я не знал пути до туда. Я просто шёл по дороге, как человек, блуждающий без всякой цели – по ней никто не ездил. Когда я услышал звук мотоцикла, то был просто без ума от счастья. Я обернулся и увидел мчавшийся во всю прыть в мою сторону мотоцикл, который был где-то на расстоянии трёхсот метров от меня. Единственным, о чём я мечтал в этот момент, было то, чтобы он остановился и подобрал меня.

Когда он был уже близко от меня, то начал снижать скорость, и, поравнявшись, остановился прямо передо мной. Вопреки моим опасениям, он был очень приветливым и вежливым. По нему сразу можно было понять, что он из тех редких людей, которые делают свою работу искренне и полностью отдаются ей.

– Куда ты идёшь, брат? – спросил он.

– В Керманшах, – ответил я, – но я не знаю, как туда надо добираться.

– Садись, – улыбнувшись, сказал он, и указал на заднее сиденье.

Я быстро заскочил на него, благодаря Бога за то, что Он ответил на мою мольбу. Он поддал газу, и мы поехали.

У меня было такое странное чувство, будто я уже слышал этот голос и видел это лицо, но как бы я ни пытался вспомнить, ничего не приходило в голову. Несколько раз я уж было собрался сказать ему об этом, но почему-то никак не мог этого сделать. В какой-то момент он сам заговорил, причем обратился ко мне, назвав меня по имени.

– О том твоём подвиге я уж рассказал в нескольких местах, – вдруг неожиданно заявил он.

Сначала меня удивило то, что этот человек знал моё имя, а потом ещё то, что он знал о том случае, когда я попытался вытащить раненого человека из под огня, из-за чего сам чуть не умер.

– Извините, Вы о каком подвиге? – с удивлением, спросил я.

– Да, я так и понял, что ты меня не узнал, – посмеявшись, заметил он.

– Если честно, – признался я, – мне Ваше лицо и голос показались очень знакомыми, но я не решался спросить у Вас об этом, а сам, сколько бы ни думал, не смог сообразить.

– Помнишь ту насыпь, перед которой лежал тот раненый? Дымовую завесу, взрывы?

Только теперь я вспомнил его, а заодно понял и то, как мне повезло вновь встретиться и ехать вместе с ним на одном мотоцикле. От радости я чуть не подпрыгнул на месте – это ведь был сам командир батальона «Абдулла», от одного упоминания которого у врагов начинали дрожать колени⁵¹.

Он, действительно, был очень удивительным человеком – скромный в жизни, лев в битве.

Довезя меня до моста Хафтдаханэ, он полностью объяснил мне, как нужно добираться до Керманшаха, и я расстался с ним, несмотря на столь огромное желание побыть с ним ещё.

Знаете, я настолько полюбил этого человека, что при первой же представившейся возможности пошёл туда, где располагался батальон «Абдулла». После этого я, наверное, обошёл тысячу человек, чтобы меня определили в этот батальон, что у меня, в конце концов, получилось.

---

⁵¹ Да, иногда так говорят, пытаясь приукрасить действительность, но что касается батальона «Абдулла», так действительно оно и было. Сами иракцы называли их не иначе, как хищниками.

ПРАВИЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ

Рассказчик: Абуль-Хасан Борунси

Это было где-то в конце весны 1984-го года.

В тот же день, когда у нас закончились экзамены в школе, отец позвонил с фронта. У нас телефона не было, и поэтому мать ходила к соседям, чтобы поговорить с ним.

– Хасан, иди и собирай свои вещи, – улыбаясь, сказала мать, когда вернулась от соседей, – завтра за тобой приедут.

– Приедут за мной? – переспросил я. – Зачем?

– Для того, чего ты бы и сам хотел, – ответила она.

Тут я вспомнил обещание, которое мне дал отец. Он очень хотел, чтобы я поехал на фронт.

– Чтобы забрать на фронт? – радостно спросил я.

– Да, сынок – ответила она. – Завтра за тобой приедет Хусейни⁵². Отец сказал передать тебе, чтобы ты собирался.

В этот момент я расстроился, потому как если и ехать туда, то я хотел поехать вместе со своим дядей. На тот момент мне было около двенадцати лет.

Я сказал матери о том, что меня расстроило, но она лишь отмахнулась, сказав, чтобы я не искал теперь поводов не ехать туда.

Тут у меня началась настоящая тоска. Дом дяди был совсем рядом с нашим. Когда он вечером зашёл проведать нас, я не выдержал и разрыдался.

– Я бы хотел поехать либо с отцом, либо с тобой, – в конце добавил я.

– Я сейчас не могу ехать на фронт, – погладив меня по голове, сказал он.

После этих слов он молчал, ну а я всё так же плакал.

– Ну что же ты, – через несколько секунд прервал он молчание, – не стоит так плакать. Завтра утром я сам приду сюда и скажу Хусейни, чтобы он никуда не вёз тебя.

– Но я ведь хочу поехать туда, – возмущался я.

– Ладно, ладно, – смеялся он, – тогда что-нибудь да придумаем.

Попрощавшись, он ушёл, и вернулся следующим утром. Когда Хусейни появился, он тут же пошёл поговорить с ним и изложить ему все обстоятельства этого дела. Сам Хусейни был очень живым и шутливым человеком. Он подошёл ко мне, и, глядя прямо в глаза, громко спросил:

– Что, не хочешь уезжать на фронт?

– Нет, – ответил я, отведя взгляд в сторону.

– Вот так вот просто? – спросил он. – Юноша, понимаешь ли ты, что твой отец ожидает увидеть тебя сегодня же? Ты знаешь, что он не оставит нас в покое, если этого не случится? А потому, ну-ка, быстренько иди и собирай вещи.

---

⁵² Сейид Казым Хусейни – это человек, который в своё время потерял ногу ради дела Исламской революции. Он и по сей день служит религии.

Было понятно, что сопротивляться не имело никакого смысла. Даже мать попробовала вмешаться, спрашивая, нельзя ли поехать в следующий раз, но Хусейни был неумолим, и, судя по всему, намеревался во что бы то ни стало отвезти меня с собой.

– Если хочешь ехать на фронт, – сказал он мне, – то ты должен вести себя, как мужчина, а эти детские повадки оставь раз и навсегда. Давай, готовься быстрее.

У меня тогда не было сумки, в которую я мог бы положить свои вещи, и потому мне пришлось замотать их в свёрток. Попрощавшись с матерью, я сел на заднее сидение мотоцикла. Хусейни быстро доставил нас до аэропорта. Я тогда думал, что он наверняка хочет забрать мотоцикл с собой на фронт, но, когда мы прибыли в аэропорт, он отдал ключи одному охраннику, чтобы тот припарковал его где-нибудь там же, сказав, что скоро вернётся обратно.

– Разве ты не полетишь со мной? – потянув его за рубашку, спросил я.

– Нет, – ответил он, – я просто перепоручу тебя одному из наших ребят, и, если на то будет воля Всевышнего, вы благополучно долетите вместе. Ясно увидев на моём лице страх, он тут же добавил:

– Это один из хороших друзей твоего отца. Не переживай, он в самое ближайшее время доставит тебя прямо к отцу.

Он передал меня тому человеку, и, дав ему несколько советов и поручений, ушёл. Вместе с моим новым спутником я вошёл в терминал. Когда мы вышли на взлётную полосу, там стояло около пяти самолётов. Только к одному из них был подведён трап, по которому как раз забирались наверх несколько военных. Мы пошли в его сторону. Перед трапом стоял контролёр, тщательно проверяя документы всех, кто хотел взойти на самолёт. Наконец, очередь дошла и до меня.

– Паспорт, – потребовал он.

Друг отца в этот момент был позади меня. Я обернулся и вопросительно посмотрел на него.

– Ну, паспорта у тебя точно нет, – сказал он, – поэтому дай ему свидетельство о рождении.

Я указал этому контролёру на свой свёрток.

– Ничего, кроме этого, у меня с собой нет, – сказал я с недовольством.

– В таком случае, – невозмутимо ответил он, – тебе следует вернуться домой.

– Постойте, – вмешался отцовский друг, – это сын одного человека, который сейчас находится на фронте – Борунси.

Он начал объяснять ему ситуацию, но чем больше он говорил, тем больше тот склонялся к тому, чтобы не пускать меня на самолёт. В конце концов, он так и не пустил меня на борт. Делать было нечего, и в такой стрессовой ситуации я не нашёл ничего лучше, чем начать плакать, да ещё как плакать!

– Зачем ты создаёшь проблемы на ровном месте? – горько плача, вопрошал я. – Дай мне пройти!

Рёв и слёзы тоже не возымели на него никакого положительного эффекта. Его просто ничем нельзя было взять.

– Скажи папе, что они не дали мне пройти, – передавая другу отца свёрток и всё так же плача, сказал я. – Скажи ему, чтобы он приехал и побил их всех!

– Не расстраивайся, Хасан, – сказал он, глядя меня по голове. – Как только я доберусь до Ахваза, то сразу свяжусь с твоим отцом и скажу ему, чтобы он обеспечил для тебя вылет следующим самолётом.

Этот же контролёр отвёл меня в свой кабинет. Я всё ещё плакал и лил слёзы, как из ведра. В помещении находились ещё два офицера. Через какое-то время, когда я немного успокоился, один из них спросил меня:

– Как тебя зовут, маленький солдат?

Настроив отвечать ему у меня совершенно не было, но он так долго смотрел на меня, что было уже неловко молчать дальше.

– Хасан, – ответил я.

– Ты ведь совсем ещё маленький, – сказал он. – Зачем тебе ехать на фронт?

– Зачем ещё едут на фронт? Чтобы воевать, конечно же! – последовал ответ.

Достав платок, я вытер им слёзы.

– Ну, дай мне полететь с ними! – не сдавался я в попытке как-то изменить ситуацию. Однако по нему было видно, что раньше меня он точно не сдастся.

В таком отчаянии я провёл там два часа. Мои размышления прервал раздавшийся телефонный звонок. Трубку снял тот же офицер.

– Да, слушаю, – сказал он в трубку. – Салам алейкум... Да, да... Как Вас зовут?.. Борунси.

Как только я понял, что это отец, я встал. Если бы вы только знали, как я обрадовался этому! Я очень внимательно слушал всё, что говорил этот офицер. Не знаю, что ему сказал отец, но ответом ему последовало: "Так точно, всё так и сделаем... Вы, конечно, простите меня, ведь я просто исполнял свой долг, как того и требует устав... Да, до свидания. Храни Вас Бог".

Положив трубку, он обратился ко мне:

– Радуйся, маленький солдат.

– Чему? – спросил я.

– Мы тебя отправим следующим рейсом, – ответил он.

Долго я там больше не задерживался, и вскоре уже был на взлётной полосе. Около полудня я уже был в аэропорте Ахваза. Как только я спустился с трапа, то сразу увидел Хальхали. Он издали бежал в мою сторону. Только тогда я обратил внимание на то, что воздух был очень жарким. Было такое чувство, что солнце здесь намного ближе к земле, чем обычно. Лицо сразу начало гореть от жара солнца и отражаемого асфальтом лучами и теплом.

Хальхали, наконец, добежал до меня. Я поздоровался с ним первым.

– Ну, как твои дела? – спросил он. – Как настроение?

– Вот, только прибыл, – ответил я, – и даже не знаю, куда идти.

– Твой отец как раз для этого и связался со мной, – посмеявшись, сказал он, – чтобы я доставил тебя прямо к нему.

Он взял меня за руку, и мы вместе пошли к его машине. Он сел на водительское сиденье, и, когда я тоже уселся, мы тронулись в путь. Мы доехали до города, проехав который добрались до гарнизона. Мне уже не терпелось увидеть отца. Мы с Хальхали начали искать его, обходя здание за зданием и кабинет за кабинетом. В итоге мы нашли его в одном подвальном помещении. Он сидел в кругу с несколькими людьми. Когда он увидел меня, то сразу же встал. Его сияющее и улыбающееся лицо будто влияло на саму душу человека, успокаивая её.

– Сынок, что ты тут делаешь? – весело спросил он.

Несколько мгновений я ничего не мог ответить, а когда собрался это сделать, то просто заплакал.

– Папа, ты не представляешь, как они меня мучили! – сквозь слёзы, сказала я. Он наклонился к моему лицу и поцеловал меня.

– Не плачь, сынок, – сказал он. – Ты приехал сюда, чтобы стать мужчиной, по воле Господа.

Обратившись к Хальхали, он поприветствовал его, после чего начал благодарить его за оказанную помощь.

Закончив с ним, он взял меня за руку и отвёл к остальным.

– Ты кушал? – спросил он меня.

– Нет, – ответил я.

Мне сразу же принесли ужин, который я съел с огромным удовольствием и аппетитом.

– Это и есть фронт? – спросил я отца.

– Нет, – сказал он.

– А где он тогда?

– Где-то в районе около четырёх часов мы должны выйти вместе с группой в сторону фронта, – ответил он. – Там и увидишь.

После, я узнал, что бригада имени имама Джавада была дислоцирована в заброшенной деревне. Как и сказал отец, к четырём часам после полудня, мы вместе с остальными двинулись в путь, в сторону передовой линии.

Пока мы ехали, справа и слева от дороги можно было увидеть множество сожжённых танков. Такого я никогда прежде в своей жизни не видел, а потому смотрел с полными изумления глазами. В машине я сидел рядом с отцом.

– Почему эти танки стали такими? – спросил я его.

– Хороший вопрос, сынок, – улыбнувшись, сказал он, и, обводя рукой местность вокруг, продолжил. – Вся эта дорога и прилегающая долина были захвачены врагом. Понимаешь? Это всё наши земли, и на них не так давно хозяйничали враги. Мы дали им бой и выгнали их отсюда. Все эти танки, которые ты видишь, тоже принадлежали врагу. Они бросили их здесь же и бежали обратно к себе.

Всё здесь для меня было новым, в том числе и заброшенная деревня, до которой мы добрались ближе к вечеру, и, как выяснилось, мы были одними из первых, кто явился туда. Среди разрушенных и полуразрушенных

глиняных домов и кибиток находились и такие, которые сохранились в целости. Некоторые из солдат поселились в них, другие же предпочли разбить палатки.

Среди прочих сохранившихся домов был один двухэтажный дом, находившийся в полном порядке. Несколько ополченцев убрались в нём и наводили порядок, в тот момент как к ним пришёл один из близких друзей моего отца.

– Спускайтесь, – сказал он им. – Вам надо найти для себя другое место.

– Почему? – спросил один из них.

– Ясное дело почему, – ответил он. – В конце-то концов, и у нашей бригады есть свой командир. Этот дом как нельзя лучше подходит для того, чтобы сделать из него штаб для командира.

Услышав эти слова, бедолаги сразу же начали собирать свои вещи. Отец же, как только услышал об этом, тут же разозлился.

– Что значит командир? – недовольно спросил он у своего друга.

Отчитав его, он обратился к ополченцам.

– Нет никакой надобности в том, чтобы вы выходили, – сказал он им. – Оставайтесь здесь.

– А как же ты, командир? – спросил отца его друг.

– А мы поселимся в благословенных шатрах, – ответил отец.

– Разве мы можем допустить, чтобы ты поселился в шатре, тогда как мы останемся здесь? – вмешался один из добровольцев. – Мы сначала совсем позабыли о тебе. Извини уж нас.

Отец, конечно же, не согласился на то, чтобы они вышли оттуда, однако пошёл на компромисс и согласился устроить в этом доме штаб.

– Этот дом достаточно большой, так что нет надобности в том, чтобы вы отсюда выходили, – сказал он.

Среди ополченцев был один, который все время шутил и был очень весел. Он мне сразу понравился. Звали его Али Дервиши. Да смилуется над ним Всевышний – он, как и мой отец, погиб во время выполнения операции "Бадр". Когда я впервые познакомился с ним, он протянул мне стакан компота.

– На, пей, – сказал он. – Раз уж ты теперь здесь, то тебе придётся есть консервы и пить компот.

Солнце, тем временем, медленно уходило за горизонт. Горячий воздух постепенно становился прохладнее. Совершив омовение, я вместе со всеми встал на молитву. Хоть я и был тогда ребёнком, но даже я почувствовал, что молитва там, в корне отличалась от всех молитв, которые я совершал до и после этого. С тех пор прошло много времени, но до сих пор, стоит мне только вспомнить о том периоде, как на душе тут же становится тепло.

После ужина отец немного освободился от своих дел, и усадил меня рядом с собой.

– Знаешь, почему я решил, что тебе стоит сюда приехать? – погладив меня по голове, спросил он.

– Нет, – сказала я, глядя на него полными любопытства глазами.

– Единственное, что я хочу от тебя за эти три месяца, что ты пробудешь здесь, так это то, чтобы ты занимался изучением священного Корана, – сказал он.

Даже тогда, когда мы были непосредственно у передовой линии, он постоянно заботился о том, чтобы его замысел относительно меня осуществлялся. Он всегда искал возможность, чтобы побыть со мной и обучить меня чтению Корана. Как-то раз, после того, как прошёл наш с ним урок, он сказал, что собирается отправить меня в Ахваз, где я буду посещать уроки Корана, а он будет навещать меня два раза в неделю.

– Отец, я не поеду в Ахваз, – без предисловий сразу же заявил я.

– Почему? – поинтересовался он причиной такой бескомпромиссности.

– Я приехал сюда, чтобы быть рядом с тобой, – ответил я.

– Ну, я ведь уже сказал, что я буду навещать тебя.

– Отец, прошу тебя, сделай так, чтобы я остался здесь.

Я был близок к тому, чтобы заплакать. Ехать самому в Ахваз мне вообще не хотелось.

– В чём дело, Борунси? – вмешался в разговор один из представителей духовенства, который сидел недалеко от нас. – Ты хочешь, чтобы Хасан обучился Корану?

– Именно так, Джаббари, – ответил он. – Я его привёз сюда только ради этой цели.

– А что же ты такого ныне сказал, что Хасан так расстроился?

– Хотел отправить его в Ахваз к Фатху, чтобы тот обучил сына там Корану, – ответил отец.

Джаббари посмотрел на меня и понял, что ехать туда я совсем не хочу.

– Думаю, нет никакой необходимости отправлять его туда, – вновь обратившись к отцу, сказал он.

– Почему? – спросил отец.

– Я сам займусь его обучением здесь же, – отметил тот. – Сколько месяцев он будет находиться здесь?

– Два или два с половиной месяца, – ответил отец.

– Если на то будет воля Всевышнего, я обучу его правильному чтению Корана за один месяц, – сказал Джаббари.

Как же я был рад такому повороту! От нахлынувшей радости я даже не знал, куда себя деть!

– Что ж, сынок, – с улыбкой на лице, обратился отец ко мне, – судя по всему, Господь решил облегчить твою участь.

– Прежде всего, я обучу его молитве "Кумайл", – сказал Джаббари, – и начнём мы с завтрашнего дня.

– В таком случае, если вы будете проводить урок после обеда, было бы отлично, – сказал отец.

– Никаких проблем, – ответил Джаббари. – Решено – он будет после обеда. Попрощавшись с нами, Джаббари покинул нас.

Я задумался о том, почему отец решил, что будет лучше, чтобы урок проходил именно в это время.

– Чем я буду заниматься по утрам, что ты назначил урок только после

обеда? – спросил я его.

– Я переведу тебя в один из наших отрядов, – ответил он.

– Отряд? – переспросил я. – Что ещё за отряд?

– По утрам ты, в составе и наравне с другими нашими ребятами, будешь обучаться владению оружием и заниматься боевой подготовкой, – пояснил он.

На следующее утро мы с ним вместе отправились в Ахваз. Там он отдал в ателье один комплект военной формы, чтобы его подогнали под меня. Мне тогда не терпелось скорее надеть её, и поэтому я, не дожидаясь возврата к месту дислокации, переоделся в неё там же, в ателье, после того, как они, всё сделав, вернули её.

Когда мы вернулись в заброшенную деревню, отец отвёл меня к командиру отряда "Хайрулла" по имени Мухаммадиан.

– Этот юнец с завтрашнего дня будет под твоим распоряжением, – сказал ему отец. – Я хочу, чтобы его обучили всему так, чтобы он к концу своего обучения был годен для участия в боевых операциях.

В тот же день мне выдали автомат. Его длина была короче моего роста разве что на тридцать или сорок сантиметров. Поначалу, мне было очень тяжело управляться с ним, но со временем я приуспокоился.

На утреннем построении флаг нашего отряда держал я и стоял с ним впереди всех. После серии спортивных упражнений и зарядки наступала очередь информативной части программы. Вскоре я уже научился метать гранаты, устанавливать мины и стрелять из различных орудий.

Самым интересным из всего для меня был именно урок изучения Корана. Джаббари приходил каждый день после обеда и проводил очень плодотворный урок. Благодаря ему уже через каких-то две недели я мог хорошо читать Коран. Как-то раз мы с ним пошли к отцу.

– Хасан уже читает Коран без проблем, – сказал Джаббари отцу, – и он хочет продемонстрировать тебе то, чему научился.

– То есть, он научился всего за эти несколько дней? – с удивлением спросил отец.

– Ну да, – ответил он, – и удивляться тут нечему.

– Это ведь наш Хасан, – с улыбкой сказал отец, – которому не чужда лень. Такой прыти от него я не ожидал.

Мы отправились на крышу, где никого не было. Я прочитал несколько аятов, гладко и без запинок. В глазах отца тут же загорелся огонёк счастья.

– По милости Всевышнего, твои труды очень быстро дали плоды, – обратившись к Джаббари, сказал отец, когда я уже закончил.

* * *

Я находился там два месяца. Несмотря на все трудности, через которые мне пришлось там пройти, в душе у меня тот период навсегда остался светлой памятью. Там я обучился чтению священного Корана, шариатским правовым положениям и военной подготовке, и в частности

особенностям ночного боя. Из того времени в особенности мне запомнились ночи, когда отец вставал и в ночной тиши начинал совершать молитву. Я никогда не забуду то, с каким трепетом и страхом перед Всевышним он молился.

Недалек был и конец лета.

– Сынок, пора тебе уже собираться обратно в Мешхед, – начал повторять мне в это время отец.

Всякий раз на это я со всей серьёзностью отвечал, что я больше оттуда никуда не поеду. Несколько раз наш с ним спор принимал серьёзные обороты.

– Ты обязан вернуться, – бескомпромиссно говорил он.

Я, в свою очередь, начинал плакать и упёрто настаивать на том, что я не вернусь домой. Пребывание там для меня стало настоящим наслаждением, ощущением реальной жизни, да и к тому же вскоре должна была начаться боевая операция, в которой я, как бы там ни было, тоже собирался принять участие. Отец, естественно, тоже был только за, однако проблемы были с начальством повыше. Они заявили, что ни я, ни кто-либо другой моего возраста не имеет права участвовать в боевых операциях. Возможно, именно по этой причине отец потом говорил, что он не имеет права с точки зрения ислама взять меня туда.

В это время, когда чуть ли не каждый день приходилось отстаивать своё право находиться там, отец как-то ночью, разбудил меня.

– Хасан, сынок, вставай, – разбудил он меня.

– Что случилось? – присев, взволнованно спросил я.

– Вставай, – глядя меня по голове, сказал он, – готовься. Тебе предстоит встреча с имамом.

Сон сразу как рукой сняло.

– Встреча с имамом? – удивлённо спросил я. – Когда?

– Готовься прямо сейчас, – сказал он.

Радостный, я быстро собрал все свои вещи. Снаружи нас ожидала машина. Когда я вышел, мне вдруг пришла мысль о том, что, возможно, отец хочет так спровадить меня до Мешхеда. Как только эта мысль пришла в голову, ноги будто бы сами по себе остановились.

– Отец, я хочу остаться с тобой, – повернувшись к отцу, сказал я.

– Сынок, ты поезжай, – твёрдо и без права на возражение, сказал он. – Я приеду следом за тобой через несколько дней.

В конце концов, я всё же отправился в обратный путь до Мешхеда. Как он и обещал, через несколько дней подоспел и он сам, но его отпуск был непродолжительным. Как бы я его ни уговаривал забрать меня с собой, он не соглашался.

Да смилуется над ним Всевышний – через несколько месяцев после того, как он стал мучеником, и я, наконец, смог отправиться на фронт, я сполна воспользовался всем тем умением, что приобрёл за эти два месяца прохождения военной подготовки. По сей день, как только у меня появляется возможность, я читаю священный Коран от имени отца, ведь именно ему я обязан как умением читать священный Коран, так и своими боевыми навыками.

ТАВАССУЛЬ

Рассказчик: сейид Хасан Муртазави

К боевым операциям у вышестоящего начальства было трепетное отношение, и если таковая намечалась, то командиры должны были быть осведомлены чуть ли не о каждом клочке земли, на которой она будет проводиться. Территория, на которой должна была проводиться операция «Аль-фаджр-3», была горной, а потому и с очень неровным ландшафтом.

В то время я был ответственным за армейскую технику. В нашем распоряжении был полный обзор на территорию с высоты, с которой мы должны были наблюдать и контролировать ход операции.

До начала оставалась одна ночь. Перед этим было обговорено, что командиры высшего и низшего звеньев придут на территорию, откуда должно было проходить наблюдение. В ту ночь мы должны были перепроверить все данные, чтобы на следующий вечер начать операцию.

Наступило назначенное время, прошло несколько минут, пока все не собрались. Среди собравшихся можно было также заметить спокойное и добродушное лицо Борунси. Прочитав несколько аятов из священного Корана, командир дивизии начал говорить. Он разъяснял ребятам один вопрос за другим. По его лицу и голосу можно было понять, что он переживает за исход операции, в чём его винить уж точно никак нельзя, ведь территория, на которой она должна была проходить, была весьма специфической и сложной, из-за чего была большая вероятность запутаться и потерять дорогу.

Когда на полу раскрыли карту местности, волнение и тревога, как командиров, так и рядовых солдат, стали лишь больше. Один из командиров дивизии объяснял, при помощи чего можно ориентироваться в местности, какими альтернативными путями можно преодолеть нужное расстояние и попасть в нужную точку при возникновении проблем с основным путём, и прочее. У нас была всего одна ночь для прохождения инструктажа и принятия всех необходимых решений по предстоящей операции, и тяжелее всего в этих условиях было командиров дивизии.

Среди всех этих взволнованных людей Абдоль-Хусейн выглядел очень спокойным. Тем временем командир дивизии закончил говорить, и по нему было видно, что он всё так же переживает. Абдоль-Хусейн, посмотрев на него, улыбнулся.

– Муртаза, – Абдоль-Хусейн обратился к нему.

– Слушаю тебя, – отозвался тот.

– Позволишь ли ты мне сказать тебе кое-что? – спросил он.

– И спрашивать не стоило, – ответил тот. – Говори, конечно.

Абдоль-Хусейн подошёл к нему.

– Я считаю, что нет никакой необходимости в том, чтобы завтра ночью я следовал тому плану, который был здесь озвучен, – сказал он.

Все смотрели на него вопросительным взглядом, не до конца понимая, что он хочет этим сказать. Он указал на небо, после чего добавил:

– В таких условиях нам может помочь только Всевышний, и одного клича «Аллаху акбар» на этом поле будет достаточно, чтобы освободить территорию от неприятеля, ну и прошение через святое семейство Пророка, конечно же, поспособствует тому, чтобы на нашу мольбу был дан ответ.

Я часто слышал такое, что сказанная из глубины сердца мысль непременно отпечатывается в душе у того, кто её услышал, но по-настоящему я испытал это впервые в тот момент. Он это сказал с таким спокойствием и уверенностью, что эти чувства передались всем ребятам, которые слышали его, и их уже не тревожило всё то, что не давало покоя ещё несколько минут назад. После его слов все будто преобразились, и в разговорах ребят я уже начал слышать, как они с уверенностью говорят о победе.

В ночь, когда операция началась, Абдоль-Хусейну и его отряду раньше остальных удалось добраться до цели и захватить позицию, причем сделать это с наименьшими потерями, и это несмотря на то, что именно на его участке территория была ещё более запутанной и сложной, чем в остальных местах, где шло наступление наших. Как он и сказал, одного упования на Всевышнего и прошения через святое семейство было вполне достаточно.

ИЗОГНУВШАЯСЯ ВЕТОЧКА

Рассказчик: Али Акбар Мухаммад Пуя

Это было где-то в середине 1983-го года. Уж и не помню, было ли это привязано к какому-то конкретному событию, но Абдоль-Хусейн собрал ребят из батальона, чтобы сказать им что-то.

Вначале он, как и обычно, сказал: «О, правдивейшая мученица и госпожа женщин всех миров! Мир тебе!».

Сказав это, он не выдержал, и в глазах его тут же проступили слёзы. Когда бы он ни упомянул о святой Фатиме Захре, дочери Пророка, он сразу же невольно начинал плакать. Вся его жизнь как будто была посвящена любви к семейству Пророка.

Предметом его разговора была помощь от Всевышнего, которую Он оказывает тем, кто сражается за Его дело. Рассуждая на эту тему с разных точек зрения, он также рассказал одну замечательную историю, которая произошла с ним в ходе выполнения очередной боевой операции:

«В ту ночь мы тихо прокрадывались в сторону врага. По пути мы вдруг неожиданно наткнулись на минное поле. Только благодаря милости Всевышнего мы поняли, что это было минное поле, а иначе не миновать было беды, потому как шли мы весьма бодро и разгорячённо, совсем не ожидая ничего подобного. Ребята из разведывательного отряда были просто потрясены этим. Они были первыми, кто обнаружил мины. После этого, они сразу же доложили обстановку мне, и я, стоить упомянуть, был потрясен не меньше них.

В течение нескольких ночей до операции мы с ребятами разведывали территорию, но даже намёка на наличие минного поля в зоне её проведения мы не обнаружили. Было только одно объяснение этому – мы, вероятно, сбились с пути. По другую сторону минного поля можно было увидеть вражеские укрепления. Мы стояли в авангарде всей атаки, и если бы мы задержались в начале, то была велика вероятность того, что вся атака пойдёт под откос. Вместе с разведчиками мы начали поиски прохода, который иракские силы должны были оставить для самих себя, и найти его было последней нашей надеждой, потому как времени на обезвреживание мин у нас не было.

Позади нас весь батальон был в ожидании приказа о начале атаки. Они ещё не знали о том, с чем нам пришлось столкнуться. Разведчики же смотрели на меня потерянным взглядом, то и дело спрашивая, что им теперь делать.

– Вы ведь сами видите это поле, так? – автоматом указывая в его сторону, спросил я. – У нас нет никакого другого пути.

– То есть, мы должны вернуться? – спросили они.

Я не ответил им. Единственной надеждой было то, чтобы обратиться с мольбой к представителям семейства Пророка, чтобы они помолились за нас перед Всевышним. В этот момент я обратился к её светлости Фатиме Захре. Совершив земной поклон, я говорил: «О, Фатима! Ты и сама

видишь то положение, в котором мы сейчас находимся. Прошу тебя, помолись за нас Богу, чтобы Он оказал нам Свою помощь! Ты ведь ни разу не оставляла нас без своего внимания, в какой бы операции мы ни участвовали, так не оставь нас без внимания и теперь!».

В это самое мгновение я разрыдался от нахлынувших чувств. Я совершенно не имел понятия, что нам стоит предпринять в этот момент, и именно в таких ситуациях мы больше, чем во всех остальных случаях, чувствуем свою полную беспомощность и зависимость от Бога.

Если чему-то предписано случиться, то оно непременно случается, и иначе быть не может. Когда человек в подобных ситуациях пытается взвесить и понять всё разумом, то он понимает, что имеющихся у него ресурсов просто не хватает на рациональное мышление. В этой трудной ситуации, я в один момент будто потерял контроль над собой и начал наблюдать за собой со стороны. Я подошёл к ребятам из батальона, которые сидели в ожидании дальнейших указаний.

– Всем встать, – приказал я.

Исполняя приказ, все сразу встали с мест. Указав в сторону врага, я отдал поручение о немедленном начале атаки. Когда я сам собрался уже идти, один из разведчиков преградил мне путь.

– Что ты сделал, командир? – в удивлении, спросил он.

Только в этот момент я сам понял, какой приказ я отдал, но к тому времени уже многие вступили на минное поле и начали стрелять по врагу.

– Командир, ты ведь всех погубил! – сказал другой разведчик.

Их настрой, надо сказать, в это мгновение передался и мне. Один из них был настолько зол на меня, что схватил мою голову и начал сжимать, что было сил, в рычащем гневе. Я же каждую секунду ждал, что какая-нибудь мина сработает и раздастся взрыв.

Благодаря благосклонности, которую к нам проявила её светлость Фатима Захра и милости Всевышнего, ни один из наших ребят в ту ночь не подорвался на mine, и всем удалось пересечь это поле. Когда я понял, что мы удостоились ответа на свои молитвы, то я уже не пошёл, а побежал через это поле в сторону врага.

Уже наступил рассвет, а мы всё сражались против них. Вдруг, я заметил нескольких ребят из разведки. Они бегали от одного к другому и, как выяснилось позже, спрашивали каждого из них о том, где я нахожусь.

– Что случилось? – подойдя к ним, спросил я.

– Ты понимаешь, что ты сделал вчера? – спросили они громко и как-то неестественно.

– Нет, – спокойно и хладнокровно ответил я.

– Ты знаешь, какую территорию пересекли ребята по твоему приказу? – спросили они следом.

– Откуда же? – поинтересовался я.

Они быстро ввели меня в курс дела.

– Как это? – деланно удивился я. – Разве такое возможно, чтобы мы пересекли минное поле? Вы, должно быть, шутите.

– Иди за мной, – сказал один из них, взяв меня за руку, – я сам покажу тебе. Я пошёл с ним. Лицемерие этого минного поля, действительно, было живым назиданием от Господа – все мины располагались точно по той траектории, по которой шли наши ребята, и ни одна из них, по милости Бога, не взорвалась».

Да помилует Всевышний мученика Борунси. В конце своей речи он, плача, сказал: «Знайте же, что её светлость Фатима Захра – мир ей – и представители пречистого семейства Пророка оказывали нам свою помощь абсолютно во всех операциях, которые мы проводили».

Мухаммад Реза Федакар, один из боевых товарищей Борунси, говорил: «Через несколько дней после той операции так получилось, что несколько наших ребят должны были пересечь то же самое минное поле, и стоило только им вступить на него, как одна мина тут же разорвалась, оторвав тому несчастному ногу.

Всё, что мученик Борунси говорил о секрете успеха поставленной задачи, сводилось к следующему – «мы должны быть как можно ближе к представителям семейства Пророка и как можно сильнее укреплять свою веру».

САМЫЙ ПЕРВЫЙ

Рассказчик: Мухаммад Хасан Шабани

Высота Колеканди была стратегически важным объектом. С неё для противника открывался вид на дороги и наши позиции. Когда бы у нас ни возникали на том участке проблемы, они обязательно возникали из-за этой высоты, и операция по освобождению города Мехран была не исключением.

Я помню, что на седьмой день после начала операции уже большая часть территории, которую мы планировали освободить, была под нашим контролем, в том числе и высоты, располагавшиеся по левую сторону от Колеканди, если рассматривать со стороны города. Вместе с тем, если бы мы не отвоевали саму высоту Колеканди, то результат всей операции в конечном итоге свёлся бы к нулю. Таким образом, весь успех напрямую зависел от того, сможем ли мы отбить эту высоту, или нет.

Враг, естественно, тоже понимал всё немаловажное значение той позиции, а потому послал все доступные силы на то, чтобы удержать высоту. Мы предпринимали несколько попыток, но результата они пока не давали.

На седьмой день к нам приехал сам Абдоль-Хусейн Борунси. Как только он явился, то сразу отправился к батальону имени Билала, который представлял собою ударную группу. Он отобрал из всех Гулами, Аскари, Мирани Мукаддама и ещё несколько могучих телами и духом гранатомётчиков.

– Высота Колеканди сегодня же должна быть отбита, – собрав их, объявил он.

Насколько я помню, до полудня оставалось ещё несколько часов, когда он приказал начать наступление. Абдоль-Хусейн и несколько человек в его команде шли впереди, а остальные ребята из ударного батальона шли за ними.

Лейтенант Джасим, находившийся в тот момент на высоте, извивался и крутился, как отравленная змея. Он приходился Саддаму Хусейну зятем, и именно он возглавлял защиту высоты. По его приказу иракцы начали массовый обстрел Абдоля-Хусейна и его людей, так, что им всем пришлось разойтись по укрытиям, и их продвижение было приостановлено. Возвращаться, однако, они не собирались.

Плотность огня врага была явно выше нашей. Внезапно, над головами появились иракские вертолёты. Мы были уверены, что они прибыли с доставкой провизии и боеприпасов для баасистов, и потому разные части с разных сторон открыли по ним огонь, по причине которого им пришлось срочно ретироваться, чтобы не быть подбитыми. Это был как нельзя более удачный момент для нас.

Поднялся клич Абдоля-Хусейна «Аллаху акбар!», вслед за которым он вскочил и начал продвигаться вперёд, не забывая при этом ещё и

отстреливать врага. Вслед за ним вскочили и остальные. На этот раз чаша весов склонялась в нашу сторону, и именно мы задали темп и характер битвы.

Лейтенант Джасим и его силы оказались в незавидном положении – огонь по ним мы уже открыли с нескольких сторон. Было件нятно, что продержаться у них не получится, и они обречены на поражение.

Наконец, наступил тот момент, когда они вплотную подошли к тому, чтобы сделать выбор – либо сдаться, либо умереть от наших пуль, или же покончить самоубийством.

В этот момент, когда мы уже почти додали их, вдруг опять показались вертолётмы. На этот раз их было куда как больше, а по их манёврам было件нятно, что их задача на этот раз не сводиться просто к тому, чтобы доставить провизию и боеприпасы. Судя по всему, это был последний и отчаянный бросок. Вот, они были уже прямо над высотой.

Абдоль-Хусейн раньше остальных понял, что к чему.

– Они прилетели, чтобы спасти Джасима! – крикнул он. – Не позволяйте им это сделать!

Взяв ближайший гранатомёт, он прицелился и выстрелил по вертолётам. Остальные тоже не стали мешкать, и в следующее мгновение по вертолётам открыли огонь из всего, что у нас имелось. ДШК, пулемёты, автоматы, гранатомёты – ребята палили абсолютно из всего. На этот раз нам удалось сбить два вертолётма, которые с грохотом упали на скалы и взорвались.

Один из вертолётмов повис в воздухе, не садясь на землю, чтобы быстрее забрать того, за кем они прилетели. Вели они себя так, будто приказ о том, чтобы спасти лейтенанта Джасима поступил лично от Саддама, но, как бы они ни старались, их замыслу не суждено было осуществиться.

Мы же, тем временем, всё ближе подбирались к вершине. Когда наш нажим усилился, то враги, поджав хвосты, просто бежали оттуда.

Наши были на взводе и полны энтузиазма и оставляли за собой один валун за другим. Первым, кто ступил на вершину высоты, был Абдоль-Хусейн⁵³, и именно он водрузил знамя Исламской Республики на ней. Да что там знамя – он лично взял в плен лейтенанта Джасима, у которого изъял его именной револьвер⁵⁴.

Джасим стал причиной того, что самые лучшие и смелые из наших бойцов пали на поле битвы. Это были люди, к каждому из которых Абдоль-Хусейн отнесился, как к родному сыну, и сами они всегда были готовы сделать

---

⁵³ Абдоль-Хусейн тогда был помощником командующего бригадой имени имама Джавада. Именно после этой операции, где он показал себя с наилучшей стороны, было решено назначить его в должность командующего бригадой. Было даже предложено назвать эту высоту в его честь, чему сам Абдоль-Хусейн воспротивился и не позволил этого сделать.

⁵⁴ Этот револьвер до конца его жизни оставался с ним. Иногда он показывал его и в шутку говорил: «Это подарок на долгую память от зятя Саддама». После мученической смерти Абдоль-Хусейна Борунси револьвер был передан его близкому товарищу сейиду Казыму Хусейни. В последующем планируется передать этот револьвер в национальный музей, чтобы его могли увидеть все желающие.

всё, что им прикажет Абдоль-Хусейн. Некоторые из них явились на фронт исключительно благодаря призывам Абдоль-Хусейна и его агитации.

Когда он пленил Джасима, было немало таких, которые выразили готовность отправить его тут же прямоком в ад. Абдоль-Хусейн, конечно же, в твёрдой форме воспрепятствовал этому, сказав, что у нас нет права на это.

– Он ведь хуже поганого пса! – горячились ребята. – Ему нужно отомстить за все совершённые им преступления прямо здесь!

– Если говорить о справедливом возмездии, то есть люди, которые компетентнее меня и вас в этом вопросе, – ответил он. – Они-то и решат, что с ним делать.

Не тратя время, он сразу же повёл его в тыл, чтобы избежать возможных недоразумений со стороны разъярённых ребят. Однако, доставить его было не суждено – когда Абдоль-Хусейн прошёл с ним немного вперёд, один из солдат вонзил штык-нож Джасиму в грудь по самую рукоять.

САМЫЙ ПОСЛЕДНИЙ

Рассказчик: Мухаммад Хасан Шабани

Перед проведением операции «Хайбар» было созвано важное совещание, на которое были приглашены все командующие самого высокого ранга. В ходе его проведения, один из них, стоя у карты, объяснял каждому из присутствующих его функции и задачи в предстоящей операции.

В один момент настала очередь Абдоля-Хусейна. Он сидел в самом спокойном расположении духа и слушал то, что ему говорили, и, так как его функция в предстоящем деле была одной из ключевых, разъяснения затянулись. Вдруг, Абдоля-Хусейн встал со своего места и прервал речь того, кто в тот момент говорил.

– Брат, – сказал он, – всё то, что ты говоришь, ни в коей мере не поможет нам.

Я, не ожидая такого поворота, был поражён и смотрел на него с круглыми от удивления глазами. На столь важном собрании мы были готовы услышать всё, что угодно, но не это.

– Это, – указывая рукой на карту, сказал он, – никоим образом мне, Борунси, не поможет, да и не может помочь.

– Что это значит? – в самом серьёзном тоне спросил его командующий. – Я не понимаю, что Вы имеете в виду.

– Извините, конечно, за мою дерзость, – улыбаясь, сказал Абдоля-Хусейн, – но я хочу сказать лишь то, что для моего дела вы мне просто должны указать, где находится то место, которое мы должны отбить. То есть, просто покажите мне это место, или отвезите меня на лодке или на чём бы то ни было другом, и скажите, что вот – это и есть то место, которое вы должны отвоевать.

Повисла напряжённая тишина. Даже тот командующий, который выступал всё это время, ныне молчал, и по нему было видно, что он явно недоволен тем, что сказал Абдоля-Хусейн.

– Мы должны действовать, будучи на земле, – опять решил вставить слово Абдоля-Хусейн, – а это значит, что мы должны чувствовать эту самую землю своим собственным нутром. То, что Вы объясняете, стоя за картой: обойди скоростное шоссе до Басры, сделай там то-то, потом отправляйся туда-то – всё это бессмысленно. Вы должны показать нам непосредственно саму территорию, чтобы Ваш инструктаж мог чем-то нам помочь.

Несмотря на то, что в тот день Абдоля-Хусейном остались недовольными, тем не менее, он смог продвинуть свою мысль, так, чтобы инструктаж провели непосредственно на самой территории, где должна была пройти операция. Ко всему прочему, в его распоряжение были предоставлены три батальона.

* * *

Как потом говорили генералы, самым успешным во всей операции был отряд Абдоль-Хусейна, а сам он проявил чудеса героизма на ней! Выполняя задачу, он лично вооружался то автоматом, то пулемётом, то гранатомётом – в зависимости от возникшей необходимости.

Я никогда не забуду тот вид, который открывался с той высоты – убегающие солдаты самых элитных отрядов врага – это был их последний и самый отчаянный бой, последний рубеж их обороны в данном направлении. Некоторые из них бежали, прихватив с собою какой-нибудь снаряд, словно это был ребёнок, а другие ещё умудрялись отстреливаться, не отпуская при этом свою ношу.

Абдоль-Хусейна этот вид лишь вдохновил ещё больше на то, чтобы сражаться. Глядя на него, остальные ребята тоже заряжались, и сражались ещё более ожесточённо. В конце концов, оставшиеся в живых представители элитных подразделений были либо уничтожены, либо бежали.

В ходе той операции, мы продвинулись вперёд даже больше, чем изначально планировалось, и, таким образом, опередили оба крыла – справа и слева. Когда мы только собрались укреплять позиции, вдруг поступил приказ о том, что мы должны отступить. Из-за того, что мы ушли слишком далеко вглубь территории врага, в любой момент нас могли отрезать от тыла. Абдоль-Хусейн сразу же начал выполнять полученный приказ. Надо заметить, что даже отступление в тех условиях было ничуть не легче, чем полноценное сражение. В этот момент вся тяжесть ответственности целиком лежала на плечах Абдоль-Хусейна. Я прекрасно помню, что последним, кто вернулся оттуда назад, был он сам.

ГРАНАТОВАЯ ВЫСОТА

Рассказчик: Хамид Хальхали

Высота Колеканди под покровом ночи выглядела совершенно иначе. Если бы ты увидел её в такое время, то почувствовал бы её нетерпение и рвение, её бесконечную тоску о воинах, что когда-то ступали по ней.

Враг тогда хорошо закрепился на высоте. Чистая кровь юных бойцов и все те жертвы, которые мы принесли, чтобы отбить высоту Колеканди, навеки оставили свой след на этой земле. На пути тех, кто отбивал её, стояла настоящая железная крепость. Перед высотой враг также выстроил сильные укрепления, которые служили дополнительной защитой столь важного объекта и, помимо прочего, доставляли нам массу проблем.

Как-то ночью Абдоль-Хусейн прибыл к месту нашей дислокации.

– Хамид, – обратился он ко мне, – собери всех разведчиков.

– Зачем? – спросил я.

– По воле Бога, – улыбнувшись, сказал он, – мы атакуем эту железную крепость врага и обрушим её на их же головы.

В ту же ночь мы начали свою работу. Вся территория была горной и исполосованной глубокими траншеями. Операция должна была начаться сразу с нескольких направлений. То направление, которое досталось нам, было, возможно, самым сложным по проходимости. Дорога на протяжении всего пути ходила вверх и вниз, а траншеи были очень глубокими. Ребята называли его «Молельной траншеей». Вдобавок ко всему ещё и различные преграды, выставленные врагом, усугубляли и без того тяжёлое положение.

Расстояние между нами и ими было большим. Нам предстояло определить самую близкую точку от врага, куда мы могли бы перенести боеприпасы, провизию и медикаменты, которые будут нужны во время штурма. Благодаря работе разведчиков, от которых Абдоль-Хусейн не отставал ни на миг, самое подходящее место было определено.

На протяжённости всего пути от нашей базы и до того места, где мы должны были складировать припасы, был назначен отряд для его охраны. Дорога до этой точки была такая, что возможности воспользоваться транспортом для доставки провизии и боеприпасов не было никакой, и единственным подспорьем в этом деле нам могли служить лишь тягловые животные. Надо сказать, что вопрос с доставкой воды не решался даже с помощью них. В итоге было принято решение провести трубопровод до самой точки. Не говоря уже о том, каких трудов это стоило, нужно отметить, что нам приходилось скрывать его под землёй везде, где была вероятность того, что он будет замечен. Поначалу это казалось нереализуемым, но, как ни странно, мы справились и с этой задачей.

Вслед за отделкой трубопровода, постепенно было доставлено и всё остальное. Даже если бы враг заметил только один отдельно взятый

отряд за этим занятием, то вся операция наверняка была бы тут же раскрыта, а потому приходилось соблюдать максимальную осторожность. Конечно, и враги не сидели, сложа руки – то и дело они посылали разведывательные отряды и обстреливали те участки, на которых, по их предположениям, могли находиться мы. Несколько наших ребят даже были убиты этими слепыми залпами миномётов и автоматными очередями. Единственным и весьма существенным нашим преимуществом было то, что враг даже не подозревал о том, что мы можем предпринять какие-либо действия с другой стороны, не говоря уже о том, что мы это уже делаем.

Единственным фактором того, что за всё это время ребята не падали духом и не сломились, было присутствие в наших рядах Абдоль-Хусейна. Мало кто мог сравниться с ним в стойкости и преданности делу, а эта черта человека, как известно, весьма воодушевляет других.

На самой последней стадии подготовки Абдоль-Хусейн самолично и весьма тщательно проверил все пути и подступы. Затем, он организовал проход командиров батальонов, бригад и взводов, после чего объяснил каждому из них его задачу. Для основной части сил он разъяснил задачи и приоритеты отдельно, в том числе и различные детали и инструкции, которые им стоило учитывать при переходе.

* * *

Я до сих пор помню практически во всех деталях ту ночь, когда мы начали операцию. Сама местность была довольно-таки жуткой, а путь весьма сложным, и, возможно, именно поэтому некоторые из наших ребят немного пали духом и начали серьёзно беспокоиться о результатах всей нашей акции. Впрочем, такое их состояние быстро изменилось в лучшую сторону. На привале Абдоль-Хусейн приступил к речи и начал говорить перед ними. Несмотря на всё, он был на удивление спокоен, уверен и безмятежен. Он говорил так просто и вместе с тем так проникновенно, будто бы уносил наши души из этого мира в какой-то другой, мир духа и смысла.

Когда в конце своей речи он дал свои последние инструкции и советы по предстоящей операции, ребята были настроены уже куда как более решительно, чем до начала его речи. Прислушавшись в тот момент к разговорам между бойцами, можно было понять, что вопросы с местностью для них больше не проблема.

Когда мы двинулись дальше в путь, было такое ощущение, что мы идём выполнять какую-то уж совсем лёгкую задачу, будто бы вышли, как говорится, на прогулку.

* * *

Команда Абдоль-Хусейна была первой, которая открыла огонь по врагу. Вслед за ними в бой вступили и остальные. Уже в первой атаке нам

удалось отбить укрепления у противника.

После достижения поставленной задачи, мы сразу же приступили к зачисткам. Абдоль-Хусейн помогал ребятам и принимал участие во всём, где только успевал, а успевал он почти везде. Он зачищал окопы, отправлял пленных в тыл и даже участвовал в перетаскивании тел убитых врагов. Что бы он ни делал, он всё время был очень энергичным и активным. Он всё время разговаривал с ребятами и поднимал их дух просто своим присутствием. Он был просто удивительным человеком. По нему не было видно, что столь сложная операция хоть в какой-то мере его утомила. Наоборот – он был ещё более энергичным, чем до неё. Он всех просто заражал своим энтузиазмом.

Его отряды были не из тех, что сразу после окончания операции требовали отдыха или смены личного состава. Когда его ребята захватывали какую-либо точку, то они сразу же после этого были готовы с удовольствием приступить к следующему штурму или отразить контратаку противника.

Вскоре после того, как мы отбили в той операции позиции противника и относительно закрепились на них, враги начали своё хорошо организованное и очень тяжёлое для нас контрнаступление с другого фланга. Чтобы посчитать всех наших ребят, которые были там на этот момент, хватало бы, наверное, пальцев и на двух руках. Ситуация была такой, что мы не могли оставить другие фланги и отправиться им на помощь.

Абдоль-Хусейн не успел толком подумать о том, как помочь этим ребятам, как его отряд завязался в ожесточённом бою с противником. За короткий промежуток времени всё стало худо. Наши ребята удерживали противника одними гранатами⁵⁵. Несколько раз дело доходило до рукопашного боя. Как бы там ни было, благодаря старанию наших, врагу не удалось пройти. По перехваченным нами их переговорам по радиации, мы поняли, что они собираются отступить. Они подумали, что у нас на той высоте имеется много сил, хотя, как раз в этот момент, на ней было всего двое здоровых ополченцев, один из которых был радистом. Все остальные либо пали мученической гибелью, либо были ранены. Эти двое воевали очень ожесточённо, так, что иракцам и в голову не могло прийти, что подобное сопротивление может быть оказано всего лишь двумя ополченцами. Когда они озвучили своему вышестоящему начальству мысль о том, чтобы ретироваться, их командующий пригрозил всем им расстрелом в том случае, если они это сделают. Испуганные баасисты тоже не думали так просто сдаваться, и, ссылаясь на большие потери среди личного состава, убеждали их о необходимости принятия такого решения.

---

⁵⁵ Именно по этой причине впоследствии эта высота была названа гранатовой.

Всё это я рассказал ребятам, которые в тот момент находились на высоте, и это лишь прибавило им желание бить по врагу ещё сильнее. Как говорил Абдоль-Хусейн, только лишь по воле Бога им удалось удержать эту высоту, потому как без Его вмешательства это было бы невозможно. Как только у Абдоль-Хусейна появилась возможность, он сразу же послал вспомогательный отряд на то место. Командир батальона пал мученической смертью ещё по пути на высоту, но воины сумели добраться до неё.

Через час та позиция тоже была закреплена за нами.

САМОЕ ПРИЯТНОЕ, ЧТО МОЖНО УСЛЫШАТЬ

Рассказчик: Мухаммад Хасан Шабани

В ходе выполнения операции "Меймак" перед нами были несколько высот. Нам предстояло преодолеть их и по другую сторону закрепиться на земле. Минимальным результатом этой операции стало бы то, что зона покрытия чужой территории нашими ракетами увеличилась бы в несколько раз. Оттуда мы имели возможность наносить адекватный ответный удар в отместку за бомбардировку наших городов.

Выполнение задачи было поручено трём бригадам из пятой дивизии "Наср". Наша бригада была названа в честь имама Садыка, вторая – имама Мусы, а третья – "Джавадоль-аимма", которой руководил Абдоль-Хусейн. Задача Абдоль-Хусейна была самой сложной – ему со своими людьми предстояло двинуться прямо на врага и взять под свой контроль несколько высот. Другие две бригады должны были атаковать с двух флангов.

Наконец, тяжёлая и изнурительная разведка подошла к концу, и наступила ночь начала операции.

По своему опыту, я скажу, что это была очень сложная операция. Бригада Абдоль-Хусейна сумела выполнить свою задачу и закрепиться на позициях. Бригада имени имама Мусы, атаковавшая с правого фланга, также справилась с задачей. Что касается нас, то мы заходили с левого фланга. Нам удалось отбить позиции у врага, но вот закрепить успех не получилось, и нам пришлось отступить, так как враг начал контрнаступление. Если я не ошибаюсь, мы воевали с ними около семи дней и ночей, но закрепиться там нам так и не удалось.

На седьмой день ребята изрядно подустали, да и боевой дух был уже далеко не на высоте. Ситуация была такая, что нас отрезали от тыла, и поэтому к нам не могла подойти помощь. Каждое последующее мгновение становилось тяжелее предыдущего. Некоторые совсем потеряли надежду на то, что нам удастся выбраться. В столь тяжёлой ситуации вдруг раздался голос из рации. Это был голос Абдоль-Хусейна, и когда я услышал его, то сразу же воспрял духом. Он звал по связи Рафии⁵⁶, который как раз находился рядом с радистом. Подойдя к нему, он выхватил у него рацию, и, среди этого грохота и оглушительных звуков автоматных очередей, начал громко говорить с ним.

Из того, что я смог услышать, я понял, что конкретно хочет сделать Абдоль-Хусейн, и в тот момент я был готов кричать от радости! Я сразу же разнёс весть об этом среди ребят, чтобы обрадовать их тоже. Слышать его в нашем положении было самым приятным из всего, что можно было бы услышать.

---

⁵⁶ Командир бригады имени имама Садыка, который впоследствии погиб.

Абдоль-Хусейн принял решение прислать к нам на выручку один из своих батальонов. Интереснее всего была реакция наших ребят на это, когда они увидели его сами – настрой их сменился, повернувшись ровно на сто восемьдесят градусов, и даже самые отчаявшиеся из них воспряли духом. Абдоль-Хусейн воевал со всеми, ничуть не уступая ни одному из нас, несмотря на то, что был командующим.

В тот день, за такой короткий промежуток времени, мы сумели вновь отбить участок у противника и закрепиться на позициях.

СТРЕЛКИ-ОДИНОЧКИ

Рассказчик: сейид Казым Хусейни

Батальон имени Хурра был основан в 1982-м году. Мы приложили немало усилий для того, чтобы это произошло. Что касается Абдоль-Хусейна, то создание этого батальона стало для него делом жизни, и он не успокоился, пока это не случилось. Ещё при основании батальона Абдоль-Хусейн был назначен его командующим.

Сразу после того, как был основан батальон, мы отправились в город Бостан, где должны были пройти несколько встреч и заседаний. По их итогам было решено, что мы должны держать линию обороны на участке Чаззабе и Малек. Командир бригады нам сказал тогда, что у нас есть три дня на проведение разведки и подготовки всего необходимого, после чего мы должны принять линию на себя.

В тот же день Абдоль-Хусейн потребовал встречи с командиром батальонов. Вместе с Ибрахим-Амиром Аббаси⁵⁷ и ещё одним офицером, мы отправились к месту дислокации бригады, чтобы провести предварительную разведку. В той местности Амир Аббаси знал каждый камень и каждый куст, как говорится, как свои пять пальцев.

Наша работа длилась две ночи, за которые нам удалось получить информацию о количестве дежурных, временах смены постов и всех нюансах местности. Помимо прочего, мы также узнали, что все окрестности были в огневой доступности обзора врага. Таким образом, они имели возможность открытия прямого огня, а это создавало значительные проблемы с вопросом обороны.

На третий день мы вернулись обратно, чтобы заняться всем необходимым для подготовки батальона и его отправки к передовой линии на том участке. Ночью мы должны были принять пост на себя. Ранним утром мы с Абдоль-Хусейном и несколькими другими своими товарищами сидели в одной палате и завтракали. Абдоль-Хусейн закончил с завтраком раньше всех. В принципе, и во время трапезы было видно, что кушает он неохотно, а по итогу и вовсе почти ничего не съел. Это был уже второй или третий день, когда он пребывал в какой-то печали, которая в этот день достигла своего видимого предела.

– Что-то случилось, командир? – собравшись, с улыбкой спросил я.

– Почему ты спрашиваешь? – слабо улыбнувшись в ответ, вернул он мне вопрос.

– Ты выглядишь очень загруженным и печальным, – сказала я.

Он молчал несколько секунд, после чего ответил:

---

⁵⁷ Амир Аббаси был очень редким человеком и ценным солдатом. Он был разведчиком, которого через какое-то время назначили помощником командующего разведкой особой бригады «Шухада». 22 июня 1983-го года он пал мученической смертью. О нём была написана отдельная книга - «Секрет завоевания города Бостан».

– После того, как завершилась операция «Фатх аль-мубин», в молитве я попросил у Господа, чтобы на меня больше не возлагали такие задания, связанные с обороной и удержанием линии.

Несколько ребят как-то по-особому взглянули на него после этого, как будто они понимали тяжесть этих слов для него.

– Однако, – продолжил он, – какую бы задачу на нас ни возложили, мы её непременно будем исполнять, просто я так попросил у Господа.

В этом момент его голос стал ещё печальнее.

– Судя по всему, Он не ответил на нашу молитву. Значит, – рассуждал он, – это не было нужно для нас и не было в этом для нас блага.

Самым сложным делом на фронте, естественно, были операции, связанные с прорывом линии обороны врага, и именно такой задачи он ожидал, а не охрану границы. Сам Абдоль-Хусейн всегда выбирал и брался за самое сложное задание из всех, после чего всеми своими силами старался его выполнить.

Когда мы закончили с завтраком, он сказал нам, чтобы мы собрали всех, кто есть в батальоне.

– Будет не лишним, если я познакомлюсь с ними поближе, – сказал он, – да и, кроме того, у меня есть, что сказать им.

Мы собрали батальон на площади, где проходило утреннее построение. Ребята предусмотрительно подготовили микрофон и колонки. Абдоль-Хусейн прошел к трибуне, и, прочитав несколько аятов из священного Корана, начал свою речь.

Говорил он очень подробно, раскрывая детали обсуждаемого предмета. Закончил он примерно через час, после чего ещё несколько минут ходил среди ребят. Он отвечал на вопросы, спрашивал имена и фамилии присутствующих и говорил с ними в подобном ознакомительном характере. Когда он закончил, мы с ним отправились в штабную палатку и сели там же, где сидели до этого.

– У меня было много чего, что я хотел сказать этим ребятам, – заметил он, – но я не сделал этого.

– О чём же ты хотел сказать им? – спросил я.

– Об обороне и прочем, что с ней связано, – ответил он.

– Так, почему ты не сказал? – поинтересовался я.

– Потому, как я очень надеюсь, – глубоко вздохнув, сказал он, – что придёт спасение, и мы отправимся выполнять боевую операцию.

– Извини, командир, но мы сегодня должны принять дежурство на передовой линии, – сказал я. – Разве не ты говорил, что мы будем делать всё то, что нам поручат, как это решит руководство?

Пока мы разговаривали на эту тему, мы заметили едущий на высокой скорости в нашу сторону мотоцикл. Когда он подъехал поближе, я смог различить Дорчеи и Мохандеса Амирхани. Мы встали, чтобы встретить их. Дорчеи, находившийся за рулём, остановил мотоцикл прямо перед нашими ногами.

– Борунси, собери все силы, – быстро поговорил он. – Есть разговор. По тому, как он говорил, можно было понять, что вопрос очень важный, о чём я его и спросил.

– Сначала соберите всех, – сказал он, – там за раз всем и скажу, в чём дело. Ребята совсем недавно только разошлись. Через несколько минут все опять были собраны. Дорчеи, который до сих пор даже намёком не дал понять, о чём конкретно он собирается говорить, встал перед собравшимися. До сих пор помню этот момент, как будто он до сих пор стоит перед моими глазами.

– Братья мои, – обратился он к нам, – вы создали батальон, во главе которого стоит человек ещё более несокрушимый, чем скала, и если он ударит о скалу, то она расколется надвое!

Стоило ему сказать это, как все тут же оглянулись на Абдоль-Хусейна. Его это ничуть не смутило – он продолжал спокойно стоять.

– Ты слышишь, что говорит Дорчеи? – с улыбкой спросил меня Абдоль-Хусейн. – Какую же скалу мы должны ломать пополам? Как это вообще нас касается?

Сейид Хашим Дорчеи продолжал говорить.

– Сейид как будто не знает о том, что нас посылают в Чаззабе, охранять границу, – заметил Абдоль-Хусейн.

Тем временем Дорчеи продолжал перечислять заслуги Абдоль-Хусейна.

Всё это время я пытался понять, к чему же он ведёт, что, в конечном счёте, пытается сказать нам. В какой-то момент, он дошёл до основного вопроса, ради которого и приехал.

– Всевышний оказал нам Свою милость, – сказал он, – из командного центра "Кудс" нам поступил приказ об исполнении особого задания.

Как только он сказал это, лицо Абдоль-Хусейна сразу же засияло от радости.

– Они, – продолжал Дорчеи, – запросили у нас один батальон для исполнения задания, и мы из всех возможных вариантов остановились на батальоне имени "Хурра"... По воле Господа, вы с достоинством выполните поставленную перед вами задачу! – немного помолчав, добавил он.

Я взглянул на Абдоль-Хусейна – по лицу его текли слёзы, которые он просто не мог контролировать.

– Твоя молитва не осталась без ответа, командир, – с радостью сказал я ему. – Быть тебе опять в штурмовом отряде.

Всё так же плача, он начал смеяться. Похоже было на то, что от счастья он просто не знает, что делать.

Состояние и настрой наших ребят тоже изменились. Закончив со своей речью, Дорчеи торжественно объявил Абдоль-Хусейну о возложенной на него миссии. Уже скоро после этого, он вместе с Мухандесом Амирхани уехали на своём мотоцикле обратно.

Абдоль-Хусейн опять выступил с речью перед ребятами, однако на этот раз состояние его было совершенно иным – каждое слово его исходило из

самого сердца и проникало в души слушающих. Все без исключения плакали, слушая его.

– А теперь торопитесь со сборами всего необходимого, чтобы мы, по воле Господа нашего, скорее отправились в путь! – сказал он в конце своей речи. Подготовились мы довольно-таки быстро. Прежде всего, мы должны были отправиться в самую штаб-квартиру Кудса, которая располагалась в глубли Хумайдии. Возглавлял его в то время Азиз Джафари. Рассевшись по местам в машинах, мы двинулись в путь.

Только тогда, когда мы прибыли туда, то поняли масштабы предстоящей нам операции, которая была названа "Бейт аль-Мукаддас". Мы не стали там долго задерживаться. Наш батальон определили в подчинение ахвасской бригаде, которая также называлась Бейт аль-Мукаддас. Закончив там со всеми делами, мы отправились дальше, вглубь леса Навард, в местечко под названием Доббе Хардан.

Когда мы прибыли, небо уже полностью было в россыпи звёзд. Командующий бригадой вышел встретить нас. После молитвы нас поставили в известность относительно того, в чем конкретно заключается наша задача. Нашим батальоном в этой бригаде был заменён другой.

Было около десяти ночи, когда всё уже подготовили. Были назначены дежурные на посту, а остальные в полной боевой готовности отправились на отдых. Нам оставалось лишь ждать приказа об атаке. Я был среди тех, кого назначили на дежурство в окопе.

Пока я пребывал в раздумьях, я вдруг услышал какие-то звуки. Прислушавшись, я понял, что это звук плача, и чтобы посмотреть, кто это, вышел из окопа. Рядом с насыпью сидел Абдоль-Хусейн и, опустив голову, плакал, так, что любой увидевший его тоже заплакал бы.

– Абдоль-Хусейн, что-нибудь случилось? – спросил я его.

– Сердце обливается кровью, – вытерев глаза большим и указательным пальцами, ответил он.

– Из-за чего?

– Посмотри, – указал он рукой на раскинувшуюся местность Доббе Хардана. – Помнишь, как ещё в самом начале войны мы, вооружённые лишь винтовками М-1 и М-2, пришли сюда? Помнишь, как мы рыли окопы и сооружали защиту из мешков с землёй?

Воспоминание о начале войны для меня были особенными. Я кивнул головой – как же я мог не помнить всего этого?

– Помнишь озеро, – продолжал он, – которое мы миновали, продвигая передовую линию дальше вперёд?

– Да, помню, – ответила.

– То озеро сохранилось до сих пор, и ныне окружено зарослями из тростника.

– Так, почему ты плачешь? – спросил я.

– Знаешь, за что мне обидно, сейид? За то, что спустя два года после начала войны мы остались на том же месте, на котором и были, –

ответил он. – Мы должны были продвинуться намного дальше вперёд. Очень печально, что все эти земли, которые, согласно всем правилам, принадлежат нам, до сих пор находятся под контролем врага.

Как и обычно, мне оставалось только завидовать его глубокому пониманию, из которого исходили его чувства. Действительно, удивительно было наблюдать за человеком, который столь ревностно относится к своей земле и к своему народу. Он встал и подошёл к насыпи, на которую поднялся, чтобы посмотреть на ту сторону, после чего опять спустился в окоп. У него было очень обеспокоенное состояние, стоило просто взглянуть на его лицо, чтобы понять это.

– Иди, собери ребят, – всё так же плача, вдруг сказал он.

– Собрать ребят? – удивился я. – Для чего же?

– Прочитаем вместе молитву тавассуль, – ответил он.

– Где ты витаешь, Абдоль-Хусейн? – сдерживая смех, спросил я.

Он как будто только пришёл в себя.

– Что? Зачем? – оглядываясь вокруг, переспросил он.

– Абдоль-Хусейн, здесь передовая линия, – сказал я. – Ты забыл, что отсюда до врага всего метров сто? Здесь так собрать ребят уже не получится.

– Да уж, – закрыв глаза и приложив руку ко лбу, сказал он. – Взгляни только – я ведь совсем забыл, где мы.

Вместе с ним мы отправились в штабной блиндаж. Туда он также пригласил несколько человек, чтобы вместе прочитать молитву тавассуль. Когда все собрались, Абдоль-Хусейн сел впереди всех и начал читать молитву.

Та ночь, действительно, была поразительной! Казалось, что его слова, наполненные болью и скорбью, проникают прямо в сердце и обжигают его! С самого начала его молитвы и до конца мы очень сильно плакали.

– Молитесь же, – сказал он в конце, – за то, чтобы Всевышний даровал нам, по Своей милости, победу в этой операции, чтобы мы ещё через два года не стояли здесь же, или же, не дай Бог, отошли ещё дальше, назад.

В ту ночь до самого утра мы ожидали приказа к началу операции, однако и после утреннего азана он так и не поступил. Всё это время можно было слышать, как где-то не так далеко ведутся бои и перестрелка.

Было около восьми утра, когда Гуламपुर вызвал к рации Абдоль-Хусейна и отдал ему приказ начинать. Прежде мы уже проводили общую разведку местности. Мы озвучили ребятам кодовое название операции, и, не говоря больше ничего, отправились выполнять задание.

Вперёд мы пробирались через заросли тростника. Удивительно, но пока мы шли, в нашу сторону не было произведено ни одного выстрела. Более того, почти сразу же, как только мы начали атаковать, враги начали просто убегать оттуда со скоростью ветра! Мы все смотрели на них в полном недоумении – почему они бегут? Мы списали это на то, что моральный дух на тот момент у них был очень слаб, и они дошли до предела, когда достаточно любого повода для бегства.

– Почему вы стоите? – кричал Абдоль-Хусейн. – Преследуйте их!

Мы одержали над ними сокрушительную победу. Преследовали мы их до остановки "Хусайние", беря их в плен и собирая трофеи.

Только там мы поняли, что основную работу выполнили ребята из двадцать первой бригады имени имама Резы и другие силы. Они перешли на ту сторону реки Карун и отрезали врагу пути к отступлению. Иракцы были вынуждены уходить всё дальше, вглубь нашей территории, в попытке обойти заслоны и вернуться на свои позиции.

Пока мы их преследовали, мы наткнулись на несколько десятков сожжённых трупов. Это были тела наших ребят, мучеников из двадцать первой бригады. Потом мы узнали, что прошлой ночью нашими силами уже была предпринята попытка отбросить врага, но успехом она не увенчалась. С убитыми противниками они решили поступить вот таким образом, и это скорее говорило об их страхе, нежели о чём-то другом.

Как только Абдоль-Хусейн увидел эти сожжённые тела, то состояние его тут же изменилось. Сев рядом с телами, он начал читать суру "Фатиха". По его глазам было видно, что он хочет заплакать, но он этого не сделал. Я знал, что сдержало его лишь то, что в этот момент приоритетным для него было состояние и боевой дух наших ребят. Если бы я не напомнил ему, что нам надо двигаться дальше, то, возможно, он не оставил бы свою молитву так скоро.

Будучи на остановке "Хусайние", мы собрали свой батальон. Для большей надёжности мы завязали всем пленникам руки, а добытые трофеи сложили в одном месте. Не успели мы толком отдышаться, как прибыл сейид Хашим Дорчеи вместе с Аббасом Шамло и Гулампуrom. Подойдя к Абдоль-Хусейну, Дорчеи обнял его.

– Как тебе это удалось, Борунси? – спросил он его. – Что вы здесь устроили? Говорят, вы здесь прошлись, как ураган, сметая всё на своём пути!

– Вы отбили крепость Доббе Хардана, которая до сих пор считалась неприступной, и отбросили врага от давно устоявшейся линии назад! – подхватил его Аббас Шамло.

"Сейчас Абдоль-Хусейн всё им расскажет, – подумал я, – как наш батальон прорвал оборону, сколько мы взяли пленных, сколько добыли трофеев и вообще всё, что мы сумели сделать".

Однако поступил он по-другому, вопреки моим ожиданиям.

– Нет же, – улыбнувшись, сказал он, – линию прорвал не батальон Борунси. Когда мы прибыли, ребята из батальона "Хизбулла", с помощью Всевышнего, уже прорвали её. То, что вы видите здесь, – указывая вокруг, сказал он, – всё это работа двадцать первой бригады. Остальные участки были освобождены воинами из дивизии имени Посланника Аллаха и другими отрядами.

Дорчеи, как и остальные, вовсе не ждал такого ответа, и всё это время стоял, глядя с недоумением на Абдоль-Хусейна.

– Но все ведь говорят о том, что это именно ваша победа, говорят, что именно вы сделали всю главную работу, – со скепсисом заметил Дорчеи.

– Что ж, значит, они лгут, – отрезал Абдоль-Хусейн. – Наш батальон не сделал ничего. Посмотрите на них – все они здесь, живые и здоровые. Ни у кого из них даже из носа кровь не идёт.

Сделав небольшую паузу, он продолжил:

– Если Вы сейчас же отдадите приказ о том, чтобы идти в сторону Шаламче и отвоёвывать этот город, то мы сразу же пойдём.

– Что ж, – улыбнувшись, сказал Дорчеи, – отныне Вы находитесь в подчинении бригады "Бейт аль-Мукаддас".

* * *

В составе всего батальона мы отправились к линии Джуфайра и Кушка, недалеко от укрепления "Иран". Мы должны были держать там оборону и противостоять контрнаступлению врага. До одиннадцати ночи Абдоль-Хусейн с несколькими другими командующими проводили совещание. Все силы мы распределили по окопам в полной боевой готовности. У всех на устах была предстоящая операция "Бейт аль-Мукаддас". По плану, мы должны были пробиться клином в сторону Хорремшахра и Шаламче. Абдоль-Хусейн, закончив с бригадным собранием, прибыл где-то ближе к полуночи. Я был уверен, что, если он и придёт, то наверняка будет расстроен и будет находиться в плохом расположении духа. Однако же, он был очень весел, смеялся и шутил. Насколько я знал его, в таких ситуациях, когда он по той или иной причине не мог принять участия в операции, он бывал очень расстроен.

Он задал несколько вопросов о состоянии батальона, после чего сам пошёл проверить несколько мест.

В какой-то момент он, собравшись с мыслями, сказал, будто бы рассуждая вслух:

– Так, теперь надо бы подумать о том, кого оставить в качестве замены.

– Замены? – удивился я. – Зачем тебе искать замену?

Сказал я это, судя по всему, громче, чем следовало.

– Тише! – приложив указательный палец к губам, тихо сказал он.

Да, он так и не сказал мне после этого, что он конкретно имел в виду и зачем ему понадобился тот, кто смог бы заменить его. В итоге он нашёл такого человека, и в первую очередь поручил ему быть внимательным к моральному духу в батальоне.

– Ты куда-то едешь, командир? – спросил тот.

– Да, собираюсь, – ответил Абдоль-Хусейн, – и точно неизвестно, когда я вернусь оттуда. Надеюсь, что это случится не позже рассвета.

Попрощавшись, он уехал куда-то, а куда, не знал даже я.

Вскоре он приехал обратно на своём мотоцикле, и подъехал прямо ко мне.

– Садись, – сказал он мне без каких-либо прелюдий и вступлений.

Я был уверен, что он решил так пошутить.

– И куда же ты хочешь поехать? – спросил я.

– Ты об этом не переживай, – сказал он. – Просто садись.

Никакого даже намёка на шутку на его лице различить я не смог. Он говорил на полном серьёзе и весьма решительно.

– Наша линия и работа ведь здесь, – ответил я. – Куда же мне ехать-то?

– Я уже всё предусмотрел, – настаивал он. – Давай, садись.

Я смотрел на него в недоумении. Абдоль-Хусейн был таким командующим, который ни за что не оставлял своих подчинённых.

– Так, что случилось, в конце-то концов? – всё не мог я успокоиться.

– Да разве это твоё дело? – разозлившись, кинул он. – Садись уже!

Деваться уж было некуда – я сел, и мы куда-то поехали. Доехав, мы остановились. Я уж и не помню, где это точно было.

– Спрыгивай, – скомандовал он.

Я слез с мотоцикла. Поставив мотоцикл немного в стороне, он подошёл ко мне.

– Идём туда, – указывая на большой овраг, сказал он, – возьмём немного боеприпасов.

Слово "боеприпасы" у нас было неразлучно с участием в боевой операции.

– Боеприпасов? – ошарашено спросил я.

– Да, боеприпасов, – таща меня за руку за собой, повторил он.

– Что ты собираешься делать? – не унимался я.

– По воле Бога, сегодня должна быть поставлена точка в вопросе Хорремшехра, – ответил он.

– Хорошо, но как это всё касается нас с тобой? – не мог я уловить связи между тем, что мы делали, и тем, что он сказал.

– Касается это нас таким образом, – сказал он, – что мы тоже, по воле Бога, примем участие в этой операции.

Наверное, я ожидал услышать в этот момент от него что угодно, кроме этого.

– Абдоль-Хусейн, ты ведь командующий батальоном имени Хурра, – начал я возражать, – которому было поручено принять пост на линии обороны, да ещё и на столь стратегически важном участке, где в любой момент есть вероятность контрнаступления врага! Сможем ли мы завтра держать ответ? Это ведь противоречит закону!

Да, разгорячился я не на шутку, однако Абдоль-Хусейн всё это время лишь смеялся в ответ.

– Откуда ты всё это взял, сейид? – спросил он. – Кто говорит, что это незаконно? Наш батальон в полной боевой готовности несёт свою службу на границе под предводительством назначенного мною для них командующего. Я всё уладил, сейид. Сюда пришли только я и ты, и если нам повезёт, то мы внесём свой вклад в освобождение Хорремшехра.

Если честно, с точки зрения шариятского закона, мне не казалось это всё настолько простым, но я пошёл за ним.

– Так, – протянул он, когда мы закончили собирать нужные боеприпасы, – теперь нам нужно только найти Ахени.

Несмотря на то, что я был недоволен тем, что происходит, однако всё равно молчал, и даже более того – отправился искать Ахени. Нашли мы

его очень скоро. Он был одним из командиров тех батальонов, которые должны были принять участие в операции.

– К вашему отряду присоединились ещё два снайпера, – сказал ему Абдоль-Хусейн.

Конечно же, он имел в виду нас двоих.

– Разве я могу позволить тебе быть снайпером? – посмеявшись, заметил Ахени. – Нет, ты мне нужен рядом со мной, и в эту ночь твоя помощь мне будет как нельзя кстати.

– Будет тебе, Ахени! – запротестовал Абдоль-Хусейн. – Мы хотели принять участие в качестве рядовых солдат и воевать по-настоящему. Ахени, в свою очередь, так просто не сдавался – как только он ни пытался уговорить Абдоль-Хусейна, однако, всё было зря.

– Я хочу, чтобы в истории моей жизни была запись о том, что я участвовал в освобождении Хорремшехра, как простой солдат, – аргументировал свою позицию Абдоль-Хусейн.

После соответствующих согласований мы отделились от Ахени. Когда Абдоль-Хусейн уже шёл к отрядам, я потянул его за руку и отвёл в сторону, сказав, что у меня есть к нему дело.

– Я слушаю тебя, – сказал он, когда мы отошли.

– Если вдруг мы погибнем, то что будет с батальоном? – являя я. – Ты ведь никому не сказал, куда мы уехали.

– Не переживай – всем, кому надо было, я рассказал об этом, – сказал он. Заметив моё смятение, он, помолчав немного, добавил: – Сейид, разве ты сам не знаешь, что я никогда ничего не делаю, разве что получив на это разрешение у руководства выше?

– Хорошо, тогда скажи мне, с кем конкретно ты согласовал этот вопрос, чтобы мне стало спокойнее, – предложил я, – а иначе никуда я не пойду.

Он вдруг пошёл дальше.

– Пойдём, и я скажу тебе, – не останавливаясь, сказал он.

Я пошёл за ним.

– Вопрос этот я согласовал лично с командующим бригады "Бейт аль-Мукаддас", – сказал он. – Поначалу, когда я просил его об этом, он не давал согласия, но после того, как я начал настаивать, он согласился. После этого я также хотел получить разрешение для нескольких человек из своего отряда, но он согласился только на одного человека, кроме меня, и эта честь выпала, как видишь, именно тебе. То есть, если ты понял это, мы действуем полностью в рамках закона.

– Неужели ты не мог сказать всё это с самого начала? – наконец спокойно вздохнув, спросил я. – Вот теперь я ни о чём не переживаю.

Он лишь понимающе улыбнулся в ответ, но ничего не сказал.

* * *

С утра у нас завязался тяжёлый бой с противником, переходивший временами в рукопашный. Гранатами и штык-ножами мы отправляли врагов прямо в ад и зачищали один окоп за другим.

Среди всего этого я старался не потерять из виду Абдоль-Хусейна. Когда мы подошли к реке Арванд и были недалеко от границы Хорремшехра, мы оставляли позади последние линии окопов и укреплений врага. Баасисты либо бежали, что есть мочи, либо выходили со скрюченными руками за головами и сдавались.

Пик сражения пришёлся непосредственно на подступах к городу. Наши силы двигались вперёд, словно лавина, сметая всё на своём пути. Что бы ни предпринимал враг, на какую бы хитрость ни шёл, он не мог остановить наше продвижение. Сопrotивление нашей атаке носило уже местечковый характер, и оно также, по воле Всевышнего, вскоре было сломлено.

К тому времени как Хорремшехр был освобожден, как раз начало рассветать, и в этом рассвете была особенная радость для нас. Я, как и все остальные ребята, был рад, как никогда прежде в жизни. Многие там же упали в земном поклоне благодарности и, плача, благодарили Господа за оказанную милость. Я считал мгновения перед тем, как мы зашли в город. Несмотря на все обстоятельства, центральная мечеть в городе стояла, по прежнему гордо устремив минареты к небу. Как же я хотел быть среди первых, кто совершит в этой мечети молитву благодарности. Результат той крови, которую мученики, не жалея, отдали за эту землю, я наблюдал со всей ясностью. Я не смог не плакать, лицезря всё это.

Абдоль-Хусейн просто сиял от радости. Многие уже бежали в освобождённый город, и я, взяв оружие покрепче, последовал их примеру и побежал следом. По пути меня кто-то схватил за руку, из-за чего я чуть не упал. Я в недоумении обернулся – это был Абдоль-Хусейн.

– Ты куда? – спросил он.

Ничему в этот момент я бы не удивился больше, чем этому вопросу.

– Понятное ведь дело, куда, – ответил я. – В город, конечно же.

– Оставь это на потом, – вдруг заявил он.

– То есть, как это оставить на потом? – удивился я. – Я не понимаю тебя.

– Мы должны вернуться к своему батальону, – пояснил он.

– Думаешь, сейчас подходящее время, чтобы так шутить?

Я было собрался идти дальше, но он опять остановил меня. Посмотрев на него, я понял, что настроен он решительно.

– Да что страшного в том, что мы пойдём туда на два часа позже? – протестующе спросил я. – Ты ведь и сам говорил, что там всё приведено в порядок. Даже если должно было что-то случиться, то это случилось бы ночью, а днём переживать не о чем.

– Я дал слово командующему бригадой, – ответил он, – что вернусь при первой же возможности после того, как операция будет завершена. То есть, с этого самого момента мы с тобой, согласно законам шариата, не имеем права здесь больше находиться, и чем больше мы будем медлить, тем больший грех будем брать на себя.

– Ну, этот командир бригады ведь точно не будет против, если мы задержимся на часик другой, – раздосадовано сказал я.

– Нам до этого не должно быть дела, – сказал Абдоль-Хусейн. – Вся наша забота – это наш долг. Я тоже очень хотел бы зайти в город и ощутить его нынешнюю атмосферу, но, видимо, придётся отложить это на потом.

Он быстро подготовил мотоцикл к дороге, и, подъехав ко мне, сказал, чтобы я быстрее садился.

Я до сих пор не мог поверить, что мы уезжаем, даже не посмотрев на вновь освобождённый город.

– У меня была мечта увидеть центральную мечеть города, – с сожалением и печалью глядя на город, произнёс я.

– По воле Господа, ты когда-нибудь осуществишь эту мечту, – улыбнувшись, сказал он.

Я сел на заднее сиденье, пока в голове кружилась тысяча и одна угнетающая мысль. Абдоль-Хусейн дал по газам, и мы тронулись в путь, обратно к батальону.

Когда мы прибыли, по радио ещё не успели объявить о том, что Хорремшехр освобождён. Абдоль-Хусейн решил воспользоваться возможностью лично сообщить об этом всем, для чего он обходил один окоп за другим, зажигая в сердцах искреннюю и чистую радость, которой, к сожалению, бывает так мало в повседневной жизни. Это ликование, которое проявлялось как смехом, так и слезами, я никогда не забуду.

* * *

Через какое-то время мы отправились в город Нафтшахр, что находится в районе Самарра⁵⁸. В тех окрестностях планировалось провести боевую операцию.

Как-то раз ночью, до нас дошла весть о том, что Ахени со своими ребятами из двадцать первой бригады имени имама Резы проникли в иракский город Мандали. Судя по всему, они находились там с разведывательной операцией. Враг заметил их только тогда, когда они возвращались обратно. Когда между ними завязался бой, и они отступали назад, Ахени угодил на мину, и, на сколько я понял из рассказов, вдобавок ещё и получил пулевое ранение. Как бы там ни было, там он и погиб, и тело его не смогли выволочь – оно осталось там же, на поле брани.

С тех пор прошло несколько дней, а тело его так и оставалось лежать там. Ко мне пришёл Абдоль-Хусейн.

– У нас с тобой есть долг перед Ахени, – сказал он. – Он относился к нам, как к настоящим друзьям.

Было понятно, что он что-то задумал.

– К чему ты это? – прямо спросил я.

– Давай отправимся выволачить его тело, – предложил он.

---

⁵⁸ Самарра́ — город в Ираке на восточном берегу реки Тигр, в 125 км к северу от Багдада.й смертью. О нём была написана отдельная книга - «Секрет завоевания города Бостан».

– Это очень опасный участок, – ответил я. – Придётся оставить эту затею.

– Попытка, как говорится, не пытка, – сказал он. – Попробуем, а если не получится, то значит не судьба.

– Быть может, ты меня не слышал? – спросил я. – Я же говорю – это очень опасный участок. Ничего не получится.

Подобные аргументы его не могли переубедить, а настроен он был весьма решительно. В итоге он отправился в путь, прихватив меня с собой.

Сначала мы с ним отправились к ребятам из двадцать первой бригады имени имама Резы и поведали им о своём замысле. В ответ они сказали ровно то же, что сказал я.

– Ничего не получится, Борунси, – сказали они. – Мы уже посылали с тем же заданием несколько человек, и все они вернулись ни с чем.

Абдоль-Хусейн, однако, уже принял решение о том, что он отправится туда.

– К тому же, – продолжали они, – баасисты заложили под тело мину, чтобы взорвать того, кто попытается его вытащить. И даже если бы это удалось сделать, то сама местность очень сложная, потому как находится в прямой досягаемости противника, так что он может обстреливать её без каких-либо преград.

– Что ж, мы тогда попробуем, – сказал Абдоль-Хусейн, – и если получится, то отлично, если же нет, то ничего не изменится.

Я не могу сказать наверняка, почему он так настаивал на этом, однако точно знаю, что беспричинно он не делал ничего.

В ту же ночь мы отправились исполнять задуманное – вытащить тело Ахени.

Между нами по земле была раскинута колючая проволока. Мы лежали на земле, как вдруг Абдоль-Хусейн решил пробраться дальше, но я остановил его.

– Ты куда? – спросил я.

– Как куда? – удивился он. – За телом, конечно же.

Всякий раз, когда он видел погибших, то терял терпение, в особенности в том случае, если у него были с ним личные отношения.

– Если ты попробуешь это сделать сейчас, то взлетишь на воздух, – напомнил ему я.

Он начал всматриваться, на чём лежит тело.

– Видишь, – продолжал я, – можно прекрасно разглядеть, что эти безбожники заминировали его. Стоит только прикоснуться к нему, как мы оба взлетим на воздух. Даже если мы и останемся в живых после этого, то дело завершат те, кто сидит вон в тех окопах.

Мои слова и то, как они были сказаны, судя по всему, произвели на него впечатление.

– Да, – сказал он, – здесь ничего нельзя сделать.

Голос его был наполнен печалью от безысходности. Издав протяжный стон, он положил голову на землю.

– Друг мой, – начал он шептать, обращаясь к мученику, – не было ведь ещё такого, чтобы ты в одиночку отправлялся в путь, так позови и нас с собою!..

Ту горечь, которую он испытывал, можно было почувствовать, просто глядя на него, почувствовать так же, как и его непреодолимое желание пасть в бою. Именно по этой причине я не стал ему ничего говорить по поводу безопасности, потому как, думаю, у него было на то право. А сам я, тем временем, внимательно следил за тем, что происходит вокруг. Через какое-то время я отошёл, чтобы умыться в реке. Я ждал, пока состояние Абдоль-Хусейна нормализуется, и всё это время меня занимала только одна мысль – что в любой момент враги могут заметить его, ведь находились мы на неудачном участке, в зоне видимости врага. В какой-то момент я решил, что более задерживаться нельзя, о чём, подойдя, и сказал ему. С трудом и долгими уговорами, мне всё же удалось убедить его в необходимости уходить оттуда. Было такое чувство, будто я отрывал его от оплакивания любимого сына.

На обратном пути он молчал. Он был очень печален, и причина тому была ясна – мы не смогли вызволить тело Ахени.

– Не печалься, – сказал я ему, – Ахени ведь получил свою награду у Господа. Сложившиеся обстоятельства таковы, что ничего нельзя было сделать, сам ведь понимаешь.

У него было состояние погрузившегося в глубокие раздумья человека.

– Было бы намного лучше, если бы члены его семьи смогли увидеть его, – сказал он, наконец. – Если бы только можно было каким-нибудь образом доставить его в тыл.

Когда он высказал следующую мысль, я понял наверняка, что в сознании своём он был где-то далеко.

– Я мечтаю о том, чтобы, когда я паду смертью мученика, моё тело не находили, – сказал он. – То есть, чтобы от него не осталось никакого следа.

Я решил поймать его на этом противоречии:

– Как так получается? Если ты вдруг погибнешь, то разве твоя семья, равно как и семья Ахени, не захочет увидеть тебя в последний раз?

Вдруг он пришёл в себя.

– Нет же, – с улыбкой сказал он, – мы-то не погибнем, куда уж нам.

За то время, что я его знал, несколько раз он начинал говорить о том, как он станет мучеником, но когда разговор начинал набирать серьёзные обороты, то он тут же менял тему на другую. Однако я уверен на сто процентов, что он прекрасно знал как время, в которое он погибнет, так и место, равно как и уверен в том, что он имел связь с имамом Махди.

* * *

В ночь, когда должна была начаться операция «Аль-фаджр», мы прибыли на плацдарм. Отец Абдоль-Хусейна тоже прибыл туда с нами, провожая нас. Мы сфотографировались с ним на память.

– Как бы я хотел взять на операцию также и отца, чтобы он стал мучеником, – говорил Абдоль-Хусейн.

Однако старик не выказывал особого желания участвовать в операции. Когда я спросил его о причине, то он ответил мне:

– Да я ведь и хожу с трудом. Я бы хотел внести свою лепту, только вот знаю, что просто стану обузой для остальных, так, что им придётся таскать меня на себе.

В конечном счёте, получилось так, что он должен был остаться, а мы – двигаться дальше. Я решил в шутку спросить его, и так как у него были проблемы со слухом, сделал это громко.

– Если Абдоль-Хусейн погибнет, то будут ли какие-нибудь пожелания?

Сам Абдоль-Хусейн, услышавший это, начал смеяться, однако отец его лишь нахмурился.

– Нет, мой сын не погибнет, – сказал он.

Абдоль-Хусейн с улыбкой взглянул на меня.

– Видимо, старик решил, что раз уж сам он остаётся здесь, в безопасности, то и нам ничего не угрожает, – тихо сказал он, чтобы тот не смог его услышать.

Ребята горячо что-то обсуждали, но никто из них не говорил о мирском – говорили о загробной жизни, мученической смерти и прочем в этом же духе. Некоторые, говоря об этом, даже плакали.

Мы с Абдоль-Хусейном нашли укромное место, где и сели. Помню, что предварительная операция «Аль-фаджр» была очень важной со стратегической точки зрения, и главная задача в этой операции была возложена на наши плечи. Мы должны были атаковать караульный пост в местечке под названием Таусийа на территории Ирака. Как правило, в такие моменты Абдоль-Хусейн более всего завещал нам относительно своей семьи. В этот раз так же речь зашла о семье, и иногда он говорил с шуткой, а порою и на полном серьёзе.

Неожиданно раздался шум разорвавшегося снаряда. Я сразу же вскочил и пошёл туда, откуда донёсся взрыв. Когда я добрался туда, то обнаружил лежащего на земле старика, седая борода которого обагрилась алой кровью – осколки попали ему прямо в грудь. Состояние его было очень плохим, так, что и дотронуться до него было нельзя. Единственным вопросом для меня в тот момент было то, каким образом его сердце всё ещё может биться?

Кроме него было ещё несколько раненых, которых мы быстро отвезли назад, но со стариком всё было намного сложнее, потому как мы боялись даже сдвинуть его с места. Это были последние мгновения его жизни. Абдоль-Хусейн сел рядом с ним, аккуратно приподнял его голову и, положив её на свои ноги, поцеловал его в лоб.

– Я очень хотел быть с вами на операции, – слабым голосом сказал старик, – и стать мучеником там, но, увы...

В этот момент глаза его, несмотря на его состояние, наполнились слезами.

– Однако Всевышний решил забрать тебя к Себе раньше, – продолжил за него Абдоль-Хусейн.

Старик дышал с трудом.

– Как же я хотел быть с вами и пасть на поле боя, – плача, прошептал старик.

Скорбь и печаль – это всё, что можно было прочесть на лице Абдоль-Хусейна в тот момент.

– Брат мой, – в надежде утешить его, сказал ему Абдоль-Хусейн, – я готов сейчас же заключить с тобой одну сделку.

– Какую? – спросил старик.

– Где бы я ни стал погиб, пусть это зачтётся за тебя, и пусть твоя мученическая смерть зачтётся за меня, – сказал он.

– Ты вправду хочешь заключить со мной эту сделку? – с лёгкой улыбкой спросил старик.

– Да, именно так, – ответил Абдоль-Хусейн.

Было видно, насколько он обрадовался тому, что сказал ему Абдоль-Хусейн, несмотря на свою агонию.

– Но почему? – тем не менее, спросил он.

– Потому как одно то обстоятельство, что ты в свои годы и в своём положении явился сюда, уже имеет большую ценность, чем сотни боевых задач, которые выполнил я в свои годы и в своём положении. Здесь ты уже на подступе к врагу, но даже если бы ты был всё ещё в Ахвазе, я бы всё равно с удовольствием заключил бы с тобой эту сделку.

Старик начал плакать.

– Нет, каждому пусть достанется своё, – чуть слышно, сказал старик.

– Старец, принимай, ведь это хорошая сделка, – вставил я своё слово.

– Нет, каждому своё... Каждому своё.

Сказав это, он начал поминать Бога и читать свидетельство. Этот старик создал вокруг себя особую ауру, которую ощущали все, кто там присутствовал. Он начал одного за другим упоминать представителей семейства Пророка и приветствовать их, и когда он дошёл до имама Махди, то попытался присесть, однако не смог этого сделать. На последнем своём издыхании он поприветствовал Хусейна ибн Али, после чего спокойно покинул этот бранный мир.

– Братья, – обратился Абдоль-Хусейн ко всем, – клянусь, в смерти этого человека урок для всех нас. Взгляните, сколь лёгкой была его смерть, ведь далеко не каждый достаивается таковой.

Тело этого старика мы также отправили назад, в тыл.

При выполнении той операции я угодил на мину, из-за чего меня отправили назад и положили в госпиталь. Там мне сообщили, что с ногой у меня всё очень плохо, так что, скорее всего, её придётся ампутировать, что, в конечном счёте, они и сделали.

После этого случая мне больше не посчастливилось находиться плечом к плечу с Абдоль-Хусейном на фронте.

* * *

Я провёл в Мешхеде около девяти месяцев, прежде чем моё состояние нормализовалось. К тому моменту я уже использовал протез ноги. За то время Абдоль-Хусейн навещал меня каждый раз, когда приезжал на увольнительные. Он всегда настаивал на том, что я обязательно должен вновь вернуться на фронт. Как он говорил, потеря одной ноги вовсе не повод для того, чтобы с концами оставаться в городе.

– Ну, и что я, по-твоему, буду делать на фронте с одной ногой? – отшучивался я.

– Даже если не воевать, то, всё равно, работы на фронте более чем достаточно, – сказал он.

Если честно, я и сам собирался поступить таким же образом. В скором времени так я и сделал, и меня направили на работу в штаб.

Перед тем, как началась операция "Бадр", я уже был назначен главой штаба Наджаф, находившемся в западном Исламабаде.

За несколько дней перед операцией, мне вдруг пришло в голову навестить Абдоль-Хусейна. Подготовив всё, что нужно, я отправился к месту дислокации дивизии имени имама Джавада.

Приехав туда, я обнаружил, что территория их гарнизона просто огромная.

Несколько человек я спросил о том, где находится Абдоль-Хусейн, но никто из них об этом не знал. Наконец, один очередной прохожий сообщил мне, что он видел, как Абдоль-Хусейну делали стрижку под одним из навесов, на который он и указал мне.

Я отправился в сторону того навеса, где и обнаружил Абдоль-Хусейна, сидевшего на стуле, вокруг шеи которого был обвёрнут кусок материи. Над ним стоял какой-то ополченец и делал ему стрижку. Когда я подошёл, этот солдат увидел меня, и я дал ему знак, чтобы он ничего не говорил Абдоль-Хусейну, потому как хотел сделать ему сюрприз. Ополченец по одному моему жесту сразу смекнул, что к чему, и продолжил своё дело, даже не смотря в мою сторону. Вот, я уже подошёл на расстояние в два шага.

– Ты состриг слишком мало, – сказал своему цирюльнику Абдоль-Хусейн. – И ещё – убери волосы на шее, с верхней части щёк и на затылке.

Услышав это, солдат удивился.

– Но ты ведь всегда носил бороду длиннее, – деланно ухмыльнувшись, сказал он, – и никогда много не состригал её, да и не брил шею и верхнюю часть щёк. Что теперь такого случилось, что ты так говоришь?

– Брат, ты уж сделай то, что я говорю, – усмехнувшись, сказал Абдоль-Хусейн, – а об остальном не переживай.

Ополченец продолжил своё дело.

– Как бы там ни было, интересно было бы узнать, – не успокаивался он, – и ведь ничего зазорного в этом нет. Правда ведь?

Абдоль-Хусейн поправился на месте.

– Дело в том, – начал он пояснять, – что в том случае, если шея и затылок хорошо выбриты, то противогаз держится очень плотно и хорошо, так, что ядовитый газ не проникает через щели. Как ты понимаешь, в том

случае, если враг применит химическое оружие, можно будет сражаться без каких-либо проблем.

По лицу молодого солдата было видно, что он удивлён чему-то ещё больше.

– Если бы не сочтешь за дерзость, я бы хотел кое-что сказать.

– Конечно, говори, – сказал Абдоль-Хусейн.

– Все ополченцы знают тебя, как очень смелого и дерзкого по отношению к врагу человека. Все так же знают, что иракцы назначили за твою голову награду, что они называют тебя "Брюс Ли" и говорят разные гадости, что говорит об особом твоём положении.

Не прекращая своей работы, он продолжал:

– Кому-кому, но не тебе уж точно приличествует бояться.

– Как бы это ни было странно для тебя, но я боюсь. Однако боюсь я не сражения или смерти, а того, чтобы отдать свою жизнь даром. К примеру, если бы я, находясь в окопе, переговаривался бы по радиии, а враг, тем временем, пустил бы по нам химические ракеты, вследствие чего я бы умер. В этом случае моя смерть была бы бессмысленной, и я не сделал бы того, что мог бы сделать в том случае, если имел бы надежную защиту от отравления.

Я, как всегда, с удовольствием слушал его речь. Один тот факт, что командующий войсками так близко общается с рядовым, уже заслуживал отдельного внимания, и не просто командующий, а командующий одним из самых известных ударных отрядов.

Я собирался слушать и дальше, но, как оказалось, ко мне со стороны шёл Дервиши.

– Надо же, кого я вижу? – только увидев меня, воскликнул он. – Хусейни!

Стоило это услышать Абдоль-Хусейну, как он, забыв про своего парикмахера, сразу вскочил с места, рассыпая свои волосы по земле и ногам. Подойдя ко мне, он обнял меня. Пока мы с ним расспрашивали друг друга о делах и прочем, Дервиши тоже подоспел.

– Борунси, хорош, – смеясь, сказал Дервиши Абдоль-Хусейну. – Дай мне тоже поздороваться со старым другом.

Постепенно собрались Вахиди, Арфаи и ещё несколько ребят, с которыми я был близко знаком.

– И долго ты тут стоишь? – спросил Абдоль-Хусейн.

– Несколько минут уж точно будет, – улыбнувшись, ответил я. – Стоял и слушал твой разговор, который, скорее, можно было бы охарактеризовать, как речь.

– Не успел ты явиться, как тут же начал опять о своём? – смеясь, хлопнул он меня по плечу. – Какая ещё речь?.. А ты? – обратился он к своему парикмахеру. – Почему не сказал мне, что он стоит за моей спиной?

– Ну, он дал мне знак, чтобы я этого не делал, – оправдывался он, – а если бы знал, что это твой близкий друг, то, конечно же, сказал бы сразу, не обращая на его знаки внимания.

– Подожди немного, пока я закончу с этим делом, – сказал мне Абдоль-Хусейн, – и после этого я буду полностью в твоём распоряжении.

Он вернулся на свой стул, а молодой ополченец продолжил стричь его. Через несколько минут они закончили. В составе около восьми человек мы отправились в командирскую палатку, где мы начали пить чай и тепло общаться.

– Как ни странно, но и у меня появилось к тебе одно дело, – через несколько минут заявил мне Абдоль-Хусейн. – Не иначе, как Сам Всевышний отправил тебя ко мне.

Он встал, и я вслед за ним. Попрощавшись с ребятами, мы вышли на улицу, и, найдя укромное место, присели. Через несколько мгновений улыбка с его лица исчезла, и он начал говорить.

Он говорил со мной около полутора часа, и вся его речь состояла из наставлений и завещаний. Более всего он просил о том, чтобы я присмотрел за его семьёй.

– После моей смерти ты должен стать отцом для моих детей, – говорил он тогда. – Если ты пренебрежешь своими обязанностями в их отношении, то, будь уверен, в Судный день и за это будет спрос.

Он также завещал даже совсем незначительные дела, как, например, взять какую-нибудь вещь в его доме и сделать с ней то-то.

– Что такого случилось, Абдоль-Хусейн? – не мог я понять его тона. – Мы ведь с тобой ещё увидимся.

– Даже если так, то завещание ведь само по себе вещь очень хорошая, – ответил он.

– Ты и раньше всегда говорил о смерти, – заметил я. – По воле Всевышнего, ты вернёшься целым и невредимым.

– Однако, похоже на то, что и моя очередь, наконец, пришла ⁵⁹, – сказал он. Не знаю, что в тот момент стало причиной того, что я не смог принять эту правду – любовь ли к Абдоль-Хусейну, или, быть может, моя невнимательности и беспечность, но он самым очевидным образом говорил мне о том, что он вскоре уйдёт из этого мира.

Всё его существо гласило о том, что он вскоре погибнет, однако принять это для меня было делом сложным. Если бы я тогда знал, что операция "Бадр" станет для него последней, я бы так просто и быстро не расстался бы с ним. Самое меньшее, что я бы тогда сделал, так это взял с него слово о том, что в Судный день он обязательно заступится за меня перед Всевышним, ведь мученикам оказан великий почёт, так что они могут просить за верующих перед Ним.

Настоящую печаль и скорбь я испытал тогда, когда весть о его телесной смерти достигла меня, а также сожаление о том, чего я не сделал, но изменить уже ничего было нельзя.

* * *

---

⁵⁹ В этот момент он говорил со мной так, будто был на сто процентов убеждён в том, что я останусь в живых. Помню, я даже в шутку заметил, что, возможно, я покину этот мир быстрее, чем он, на что он, улыбнувшись, ответил мне, что я ещё проживу много лет, с соизволения Всевышнего.

В самый разгар операции "Бадр" мне поручили составить отчёт о положении на участке. Сразу же я отправился туда, на передовую линию. Более всего на свете в тот момент я хотел увидеться с Абдоль-Хусейном. Прибыв туда, первым я повстречался с Хиджази.

– Где Абдоль-Хусейн? – спросил я его.

– На передовой линии, – ответил он, – впереди всех.

– Можно ли мне пройти туда, чтобы увидеться с ним? – спросил я.

– Нет, ни в коем случае, – ответил он.

– Почему нет? – в отчаянии спросил я.

– Нынешняя ситуация очень опасна, – пояснил он. – Враги одну за другой предпринимают попытки контрнаступления.

В этот самый момент один человек подбежал к Хиджази.

– Борунси! По рации! – тяжело дыша, выпалил он.

Не успел он толком ничего объяснить, как Хиджази уже побежал в сторону окопа, в котором располагался связист. Что касается меня, то, пока я добрался со своим протезом, весь разговор уже был закончен⁶⁰. Взглянув на состояние связистов, которые просто не могли найти себе места, я понял, что с Абдоль-Хусейном, должно быть, случилось что-то.

– Борунси, Вахиди, Арфаи и ещё несколько человек из командного состава находятся на перекрёстке Хандак, – ответили они на мой вопрос о том, что случилось.

– Так, а зачем переживать по этому поводу? – спросил я.

– От высшего руководства поступил приказ о том, чтобы отступить, но Борунси, судя по всему, не торопится его исполнять.

– Как так? – удивился я.

Это, действительно, было очень странно. Абдоль-Хусейн был из таких людей, которые подчинялись приказам при любом положении и при любых обстоятельствах. Я сам не раз слышал, как он говорил: "Подчинение командующему – это подчинение имаму Махди".

Я никак не мог переварить то, что только что услышал. Я спросил ребят о причине того, почему он действует вопреки приказу.

– В данный момент враг предпринимает попытки атаковать со всех сторон, – начали они пояснять, – а клин нашей обороны как раз упирается в перекрёсток Хандак. С каждого фланга у нас по одному батальону, которые ещё не успели отойти. Борунси сказал, что если покинуть перекрёсток Хандак, то фланги будут открыты для огня, и в таком случае все эти ребята либо погибнут, либо попадут в плен. На самом деле, те, кто остался в обороне перекрёстка, спасли очень много жизней. Борунси твёрдо заявил о том, что он будет держать оборону до последней пули, а если они закончатся, то на штыках и до последнего вздоха.

---

⁶⁰ Ребята записали последние слова шахиды Борунси, которые он тогда сказал. Лишь потом, когда я прослушал ту запись, я осознал, сколь великим было его самопожертвование.

Насколько я знаю, последним в тот день, кто вернулся с перекрёстка Хандак, был Али Ганеи, главный по разведке в этой операции. Он говорил, что своими глазами видел тело Борунси.

Ганеи не находил себе места и корил себя. Среди той суматохи он умудрился взять тело Борунси, взвалить его на плечи и понести в нашу сторону. Однако враги преследовали его. В один момент, когда он пересекал болотистую местность через заросли тростника, в его ногу угодила пуля, из-за чего ему пришлось оставить тело и спастись самому. Теперь же он корил себя за то, что тело Борунси нельзя было найти.

– О, если бы я только оставил его там, где он лежал! – говорил он. – Тогда ведь была бы возможность найти его, а там, где я его оставил, вряд ли это удастся сделать.

В этот момент я вдруг вспомнил слова Абдоль-Хусейна, которые он сказал тогда, когда мы вместе с ним отправились за телом Ахени и у нас не получилось это сделать. «Я бы хотел, – сказал он, – чтобы после того, как я стану мучеником, моё тело не находили, то есть, чтобы от него не оставалось никаких следов».

ПУСТЫНЯ ТЫСЯЧИ БЕД

Рассказчик: Масума Сабокхиз

Была уже ночь, и в доме стояла тяжёлая тишина. Дети давно легли спать, и я уже готовилась ко сну. Вдруг в этой тишине раздался тихий звук, что исходил с улицы. Кто-то зашёл на наш дворик и аккуратно закрыл за собой дверь. Сердце сразу же наполнилось радостью, ведь это, должно быть, Абдоль-Хусейн приехал, которого мы не видели вот уже почти три месяца. Я двинулась в сторону входной двери, чтобы встретить его.

Да, это был он. Я увидела его, когда он вошёл в холл, и на лице у него, как всегда, была улыбка.

– Давай я пойду и разбужу детей, – через минуту предложила я.

– Нет, не стоит, – ответил он.

– Почему? – удивилась я. – Они ведь сильно соскучились по тебе.

– Позволь, я зайду и объясню тебе, – ответил он.

Он попытался сообщить мне так, чтобы я не сильно расстроилась, что на следующее утро он должен был ехать в Кашмир. У него была запланирована там речь, и помимо того ему надо было встретиться с одним человеком, который, судя по всему, был каким-то командующим войсками.

– Если на то будет воля Всевышнего, завтра после полудня я вернусь к вам, – сказал он. – Так встреча для детей будет приятнее, да и я смогу вдоволь провести с ними время.

Я проснулась, когда до азана к утренней молитве оставался примерно один час. Свет на кухне был включён. Я была уверена, что это Абдоль-Хусейн. Когда он был на увольнительных, то, как правило, постился. Не могу припомнить хотя бы один случай, когда он будил бы меня перед рассветом, чтобы я положила ему какую-нибудь еду или просто налила чаю. Он всегда всё делал сам.

Я встала и пошла на кухню. Он поставил на поднос чайник и два стакана. Как только он увидел меня, то на лице сразу же проступила улыбка.

– Ты собираешься отнести это куда-то? – указав на поднос, спросила я.

– Да, – тихо посмеявшись, ответил он, – на улице один человек, уж не знаю, просто ли он путешествует, или же приехал для зиярата. Хочу угостить его чаем. Как-никак уже пятница, и угощать людей очень поощряется, ведь и награда больше.

Взяв поднос, он тихо вышел на улицу. Он всегда так делал, когда был на увольнительных – вечно носил кому-то на улицу либо чай, либо еду, фрукты и овощи. Когда бы я ни спрашивала его об этом, он отвечал мне одно и то же. Самое интересное то, что эти люди, которых он угощал, всегда были на машине ⁶¹.

⁶¹ К нему всегда были приставлены два телохранителя. Чтобы не дать мне знать об этом, он всегда представлял мне их как путников и паломников. Всё это я узнала уже после того, как он погиб.

Когда прозвучал утренний азан, он совершил молитву, после чего сразу же отправился в сторону Кашмира.

* * *

Было уже около полудня, когда пришёл соседский мальчик и сообщил мне, что Абдоль-Хусейн позвонил из Кашмира и сейчас висит на трубке в ожидании меня.

В тот день произошла авария на линии трубопровода, и у нас с самого утра не было воды, что доставило нам массу неудобств. Будучи в таком состоянии, я ещё подумала, что Абдоль-Хусейн хочет сказать мне, что он не сможет вернуться. Соседский мальчик стоял, ожидая, что я отвечу ему.

– Сынок, иди и передай Борунси, – с обидой сказала я, – что он может делать в Кашмире всё, что хочет. Если хочет, то может даже остаться там, у родственников, а оттуда поехать напрямик на фронт. Если не хочет, то пусть не приезжает к нам.

* * *

Где-то ближе к вечеру воду всё-таки дали, и я стирала одежду во внутреннем дворике. Вдруг неожиданно для меня Абдоль-Хусейн пришёл! Сначала я не могла поверить в это. Обида моя, однако, ещё не прошла, и я даже не подняла голову, чтобы посмотреть на него. Он подошёл ко мне и сел на корточки прямо передо мной.

– Что тебя так расстроило? – посмеявшись, спросил он.

Я ничего не ответила.

– Почему ты не подошла к телефону, когда я звонил? – спросил он ещё мягче, чем до этого. – Ты вообще знаешь, зачем звонил?

Я продолжала молчать.

– Хотел сказать вам, что хочу на несколько дней отвезти вас всех в Кашмир, – сказал он.

Тут я поняла, что очень виновата перед ним, так как сделала слишком поспешные выводы. Как ни странно, даже с этим осознанием почему-то обида моя становилась только сильнее, и я не понимала, почему так происходит. Дети к тому моменту уже подросли и своими объятиями окружили его. Он целовал и обнимал их всех по очереди, расспрашивая их о том, как у них дела.

Я закончила стирку, и пошла в дом. Внутри Абдоль-Хусейн подошёл ко мне.

– Я с утра не ел ничего, – мягко и с улыбкой на лице, сказал он. – Было бы очень хорошо, если бы ты приготовила мне что-нибудь.

Он хотел как-то растопить моё сердце и устранить обиду, но моё упорство взяло верх надо мной – я по-прежнему обиженно молчала. Зайдя на кухню, я достала пару яиц и пожарила их, а когда закончила, то громко

позвала дочку Фатиму, чтобы она отнесла еду отцу. Тогда ей было около семи лет ⁶². Тут он, видимо, уже не выдержал сам.

– Всё, мне ничего не надо! – резко зайдя на кухню, сердито сказал он. – Что, теперь только Фатима может приносить мне еду? – продолжал он возмущаться.

Взяв на руки Аббаса и Абуль-Фазля, он повёл остальных детей куда-то на улицу вслед за собой. Конечно, я не хотела, чтобы дошло до такого, но и поделаться уже нельзя было ничего.

Через несколько минут они уже вернулись, и вместе с ними была и моя мать. На уровне интуиции я почувствовала, что он отправился к ней, чтобы пожаловаться ей на меня. Когда они зашли, я быстро ушла в другую комнату, и, зайдя туда, тут же разрыдалась ⁶³. Как я это чувствовала тогда, ничего хуже не могло случиться, нежели то, что уже случилось.

Через какое-то время я услышала голос Абдоль-Хусейна из соседней комнаты, который говорил матери, что он ни в коей мере не держит на меня зла или ещё чего в этом духе. Что касается того, что я расстроилась, так я в этом, как он сказал, права, и никто не может винить меня в этом.

– Но что делать мне? – вопрошал он. – Я ведь не могу оставить фронт, а иначе что я отвечу в Судный день?

Он попал в самую точку. Я как будто только сейчас поняла, что вся моя обида в этом и кроется – что он подолгу задерживается на фронте, и что фронт стал его основным делом жизни, а не мы.

– Так, давай мы вместе пойдём в комнату и всё обсудим, – предложила ему мать.

Я быстро привела себя в относительный порядок, по крайней мере, настолько, насколько мне это позволило время. Зайдя в комнату, они сели напротив меня.

– Я хочу серьёзно поговорить с тобой, – обратился ко мне Абдоль-Хусейн, – и поэтому слушай очень внимательно, что я скажу тебе.

Я не стала поднимать головы, но всё равно сосредоточилась на том, что он говорил мне.

– Каждый мусульманин сегодня понимает, что ислам находится в большой опасности. Если я перестану вносить свой вклад или решу сократить его, то завтра, в Судный день, мне придётся нести за это тяжёлую ответственность. Понимаешь, я себе даже представить не могу такого, чтобы я поступил столь вероломным для моей религии образом и проявил такую дерзость перед Богом. Я ни в коем случае не могу пойти на это.

После этих слов он обратился к матери.

---

⁶² Мою первую дочку так же звали Фатимой. Она скончалась, когда ей было всего несколько месяцев отроду.

⁶³ После этого мать мне рассказывала, что, когда я ушла в комнату и начала плакать, цвет на лице Абдоль-Хусейна сразу поменялся, и его вид выдавал сожаление.

– Я, честно, готов отдать Вашей дочери всё, что у меня есть, даже последнюю одежду с себя, но также я готов отвести всех своих детей на фронт, чтобы они помогали общему делу. Однако, при выполнении одного условия...

– Какого условия? – спросила мать.

– В Судный день, когда явится святая Фатима, жена подойдёт к ней и скажет, что она согласилась на развод со мной только лишь по той причине, что её муж сражался на поле брани ради неё, и что он увёл с собой своих детей, чтобы они трудились на том же пути, на котором трудится и он.

Мать была поражена до глубины души подобным живописным и говорящим за себя представлением реальности. Я была поражена ничуть не меньше – просто на миг представить эту картину, и что я, действительно, нахожусь в том положении, в котором меня описал Абдоль-Хусейн. Эти слова перевернули всю мою душу, и теперь я уже не могла поднять голову из-за жгучего стыда, охватившего всё моё существо.

* * *

После того случая я уже никогда не смела как-то перечить в этом отношении мужу или выразить своё недовольство другим образом. Он уезжал на фронт, когда хотел, и возвращался так же, когда хотел, и я была покорна ему и смиренна перед ним во всём, что он делал. Сердце моё утешалось тем, что это могло стать причиной довольства и радости её светлости госпожи Фатимы Захры.

МОЙ САВАН

Рассказчик: худжат аль-ислам Мухаммад Реза Резаи

Я отправился в хадж из города Кум, а Абдоль-Хусейн – из Мешхеда. Я не знал, что он совершал паломничество в том году, равно как и он не знал о том, что я в Мекке.

В тот день я пошёл совершать таваф⁶⁴, и тогда потерял свою обувь. Закончив ритуал, я с босыми ногами вышел с территории Запретной Мечети⁶⁵. По раскалённым улицам Мекки я шёл в сторону местного рынка. Найдя ближайший магазин обуви, я остановился перед ним. Только я хотел зайти, как вдруг мой взгляд остановился на одном человеке, который шёл в мою сторону. Он был ещё на приличном расстоянии от меня, но его движения я уже мог различить, и они были мне очень знакомы. Пока он шёл ко мне, я лишь удивлённо смотрел на него. Когда он приблизился на расстояние в несколько десятков метров, я уже точно знал, что это Абдоль-Хусейн. Он шёл, смеясь. Должно быть, он уже давно успел разглядеть и узнать меня, потому как у него было очень хорошее зрение. Когда он приблизился, взглянув на его ноги, я заметил, что он тоже босиком.

– Салам алейкум, – поприветствовал я его.

– Салам алейкум, – тепло и с улыбкой, ответил он.

Немного времени спустя я спросил:

– Где твоя обувь?

– Ты лучше скажи, где твоя, – вернул он мне вопрос.

Я рассказал ему историю того, как потерял её, и он, в свою очередь, тоже.

– Удивительно, – заметил я, – какое совпадение! Мы потеряли обувь в одном и том же месте и в одно и то же время! После чего оба пришли на один и тот же рынок, только с разных двух концов... Ладно, давай не будем издеваться над нашими ногами больше, чем мы уже это сделали.

Мы зашли в магазин. Каждый нашёл себе подходящую пару обуви, после чего мы, уже обутые, вышли оттуда. Только сейчас я заметил, что он держит что-то в руке. Всмотревшись повнимательнее, я понял, что это несколько комплектов йеменских саван.

– Для кого ты купил это? – указывая на них, спросил я.

– Этот для матери, – перебирая, начал он считать, – этот для отца, этот для брата...

Он купил саван почти для всех самых близких родственников, однако себя он так и не упомянул.

– А где же твой? – в шутку спросил я.

– Ты думаешь, что я собираюсь умереть обычной смертью, чтобы мне понадобился саван? – улынувшись, спросил он.

---

⁶⁴ Ритуальный обход вокруг Каабы.

⁶⁵ Запретная мечеть – главная и крупнейшая в мире мечеть, во внутреннем дворе которой находится главная святыня ислама — Кааба.

Ответ для меня был неожиданным. Я очень хорошо запомнил то, что он сказал после этих слов:

– Моим саваном должна стать моя боевая форма, в которой я сражаюсь⁶⁶.

---

⁶⁴ Этот случай произошёл примерно в 1983-м году. Через год после этого он пал смертью мученика, как и мечтал всю свою сознательную жизнь.

ГЛАВНАЯ ЧАСТЬ ЖИЗНИ

Рассказчик: Маджид Ихвану

Наш батальон имени Абдуллы очень быстро стал известным, как штурмовой. Ни разу такого не было, чтобы мы были в запасе или оказывали подкрепление, нет – мы занимались только штурмом и прорывом линий обороны врага. Помню, в то время я был ответственным в батальоне за диверсионные задачи.

– Ихвани, – не раз обращался ко мне Абдоль-Хусейн, – дай мне в распоряжение нескольких подрывников, которые смогут пойти со мной до конца.

– Почему тебе нужны самые крепкие? – как-то раз поинтересовался я. – Разве средний подрывник не подойдёт тебе?

– Потому, – ответил он, – что наш батальон – это штурмовой батальон имени Абдуллы.

Он говорил чистую правду – самые сложные походы, марш-броски и прочее ложилось на плечи именно его отряда. Ввиду этого о Борунси слышали все – как свои, так и враги. Когда мы перехватывали радиосигнал противника и подслушивали их переговоры, мы неоднократно слышали, как они с ненавистью упоминали о Борунси и говорили о нём самое нелицеприятное, что указывает на его особый статус среди них. За его голову они назначили награду, как они это сделали когда-то с мучеником Каве.

Во время выполнения одной боевой операции, получилось так, что несколько человек из батальона имени Абдуллы попали в плен врага. Той же ночью мы с Абдоль-Хусейном сели за рацию, чтобы послушать, о чём говорят баасисты. Первое, что мы услышали, это было то, что один баасист скороговоркой передавал весть о том, что бригада имени Абдуллы во главе с «Брюсом Ли»⁶⁷ атакуют их участок. Стоило нам это услышать, как мы оба в голос начали смеяться. Следом он сообщил, что этого Брюса Ли они ликвидировали, ну и ещё много другой лжи. Абдоль-Хусейн не мог остановиться и всё смеялся.

– Может мне сообщить остальным об этом, чтобы тебя проводили со всеми почестями, как полагается? – в шутку заметил я.

– Да, мне тоже стоит пойти к начальству и заявить им, что отныне я уже не командующий батальоном, а командующий бригадой, – смеялся он в ответ.

Немного погодя, он выключил рацию.

– Только лишь одна пуля, на которой будет написано «Борунси», должна оборвать мою жизнь, и никакая другая этого не сделает, – уже на полном серьёзе, сказал он. – В этом я уверен на все сто процентов.

---

⁶⁷ Есть два предположения о том, почему Борунси они называли Брюс Ли – либо они спутали эти два имени по звучанию, либо в силу того, что в те времена имя этого актёра ассоциировалось с силой и непреклонностью.

ПЕРЕКРЁСТОК ХАНДАК

Рассказчик: Аббас Теймури

Абдоль-Хусейн Борунси был из тех людей, которые смогли преодолеть своё «я» и своё эго. Всю свою жизнь он посвятил тому, чтобы служить идеалам и целям, которым служили Пророк и представители его пречистого семейства. В его душе была крепкая связь с ними, и любую свою просьбу он всегда обращал к Богу только через них.

Помню, перед началом операции «Рамадан» мы пересеклись с ним, так как я попал в его отряд. В то время о нем уже говорили немало, и мне очень хотелось познакомиться с ним лично. Истории эти не являются выдумкой, и отчёты о них можно найти в протоколах, связанных с этой войной. Действительно, сколь искренним и чистым должен быть человек, который в сложнейшей ситуации по праву берёт на себя ответственность и приказывает своим ребятам пересечь минное поле, на котором ни одна мина не была обезврежена?

Чем дольше я находился в его батальоне, тем большую любовь испытывал к нему. Те, кто знали его, всегда говорили, что он завоёвывает сердца солдат своим высоким нравом и искренностью, и это была чистая правда. Я оставался в составе подчинённых ему войск, пока его не назначили помощником командующего бригадой, после чего, собственно, и командующим бригадой.

Никогда в жизни я не забуду тех нескольких дней, которые предшествовали операции «Бадр». Я лично своими ушами слышал, как на нескольких утренних построениях он повторял: «Я больше не могу находиться в этом мире. С меня достаточно».

Ещё на одной встрече, где было не так много людей, он выразился ещё более откровенно. Он сказал: «Если на предстоящей боевой операции я не стану мучеником, то это будет для меня серьёзным поводом, чтобы усомниться в том, что я мусульманин».

Сам я на тот момент был командиром третьего отряда при батальоне имени Валиюллы. В один из этих дней мы, будучи на месте дислокации первой бригады семьдесят седьмой дивизии Хорасана, проводили совещательное собрание по предстоящей операции. Я и ещё несколько человек вместе с Абдоль-Хусейном пошли на это собрание.

Уже и не помню, как звали командующего бригадой, но именно он, стоя перед большой картой, висевшей на стене, давал советы и инструктировал собравшихся.

Когда он закончил говорить, слово взял управляющий разведкой. Всё шло как обычно, пока Борунси вдруг не прервал его:

– Извините, я хотел бы кое-что озвучить, – сказал он, и, встав, подошёл к карте.

Все взгляды были прикованы к нему. До его очереди надо было ждать ещё выступления нескольких человек. Всем было очень интересно, что же он собирается сказать.

– Генерал, всё то, что Вы говорите, весьма полезная информация, – обратившись к командующему бригадой, сказал он, – но Вы так и не сказали, откуда будете направлять войска и управлять ими. То есть, Вы не сказали, где Вы будете находиться всё это время.

– Управлять нашими силами я буду из этой точки, – сказал командующий, представив указку на какое-то место на карте.

– Но заниматься управлением с этой точки было бы неправильно, – сказал Абдоль-Хусейн.

– Почему? – удивился генерал.

– Потому как с этой точки Вы не сможете управлять войсками, – ответил Абдоль-Хусейн.

Собравшиеся начали перешёптываться между собой. Генерал стоял, не зная, что и ответить на это.

– Извиняюсь, Борунси, но откуда Вы собираетесь управлять своими подчинёнными? – вдруг в ответ спросил генерал.

Помню, как в этот момент я с нетерпением ждал, что же ответит Абдоль-Хусейн ему на это. Он взял указку из руки генерала и уставил её кончик прямо на перекрёсток Хандак.

– Я буду находиться здесь, – сказал он.

Не только генерал был удивлён этим, но и все собравшиеся в не меньшей степени, и вот в чём была причина – все мы знали, что операция должна была начаться с линии нашей обороны, а конец её был примерно в районе шоссе Басра-Эль-Амара. Перекрёсток Хандак находился где-то посередине этих двух точек, причём на тот момент территория в несколько километров до него находилась под контролем неприятеля.

– Ничего не понимаю, – сказал генерал.

– Что конкретно? – спокойно спросил Абдоль-Хусейн.

– Ну как что? – переспросил генерал. – Если вы собираетесь выдвигаться вместе со своими силами, то ведь вы должны начинать путь с начала, а перекрёсток Хандак находится посередине всей нашей операции.

– Как бы там ни было, я останусь на этом перекрёстке, – ответил Абдоль-Хусейн.

В тот день, сколько бы я ни думал, я не мог понять – почему именно перекрёсток Хандак?

* * *

На утро начала операции мы выдвинулись третьим или четвёртым отрядом во главе с Борунси. Наши силы к тому моменту уже хорошо продвинулись вперёд. С левого фланга была седьмая дивизия имени Вали Асра, а слева – дивизия имени имама Хусейна. По центру двигались мы.

Из того, что мы смогли узнать, было понятно, что враг сконцентрировал все свои силы как раз на перекрёстке Хандак и оказывал ожесточённое сопротивление. Именно туда и упёрлось всё наше продвижение. Когда я узнал это, то сразу же вспомнил слова Абдоль-Хусейна о том, что он

будет управлять своими силами именно оттуда, и, как ни странно, именно так оно и получилось. Расстояние между нами и им было около двадцати метров. Враг открыл по нашим позициям плотный огонь. Постепенно, враг вышел из состояния обороны и начал предпринимать попытки контратаки. Наши ребята бились уже чуть ли не зубами и кулаками.

Прошло около трёх часов. Боеприпасы уже почти закончились, и мы несколько раз запрашивали их у штаба, однако при таком обстреле это было невозможно. Пешие солдаты иракцев смогли приблизиться к нам на расстоянии десяти метров, так, что мы уже без труда могли достать их гранатами, чем мы и занимались. С каждым мгновением положение наше становилось всё сложнее. В конце концов нам приказали отступить.

По всем правилам тактики боя, мы начали отступление. В последний момент один из ребят крикнул:

– Борунси! Борунси!

Быстро посмотрев в бинокль, мы обнаружили, что его тело, полностью окровавленное, лежит на земле.

– Мы должны отправиться туда, чтобы забрать его тело, чего бы нам это ни стоило! – тут же сказала я.

Однако не один я сказал эти слова – то же самое повторяли и другие ребята, но командование нам так и не позволило сделать это, потому как если бы мы попытались это сделать, то тоже были убиты.

На мой взгляд, самые тяжёлые мгновения для меня за всё время войны были именно эти. С переполненными скорбью и печалью сердцами мы отступили назад.

Тело Абдоль-Хусейна Борунси так и не было возвращено назад. Его смерть имела очень сильное влияние в деле освобождения остальных оккупированных иракцами земель. Ребята вдохновились его мученической смертью, и в качестве мести за неё сражались ещё упорнее.

После мученической гибели Абдоль-Хусейна Борунси, его духовная связь с представителями пречистого семейства Пророка, в особенности с Фатимой Захрой, для меня стала ещё очевиднее. Он пал смертью мученика ровно в том месте, на которое указал на той карте – на перекрёстке Хандак. Не только вся его жизнь была посвящена делу ислама, но так же и его смерть.

МОГИЛА БЕЗ НАДГРОБИЯ

Рассказчик: Масума Сабокхиз

Я резко проснулась. Было слышно, как кто-то очень сильно плачет. Несколько секунд я не могла ничего сообразить. Придя в себя, я поняла, что плач доносится из холла, где лёг спать Абдоль-Хусейн.

Встав с постели, я вышла в коридор. Я предположила, что это Абдоль-Хусейн, который совершает намаз и читает молитву. Неожиданно я обнаружила, что он спит, и сначала меня это немного испугало, но чуть позже я поняла, что он общается с её светлостью Фатимой Захрой.

– Мама, они все ушли, – говорил он. – Так, когда же наступит моя очередь? Что же мне делать?

Его голос повышался с каждой секундой. Я боялась, что он разбудит также и соседей, и поэтому тихо окликнула его. Мой шёпот, однако, никакого эффекта не произвёл. Тогда я окликнула его ещё несколько раз, но громче. Он резко вскочил, а лицо его было полностью мокрым от слёз.

– Ты и так всё время бываешь на фронте, – сказала, – а теперь и сны о нём видишь?

– Почему ты меня разбудила? – с недовольством спросил он, как только пришёл в себя и понял, что происходит.

– Ты так громко плакал, – сказала я, – что тебя было слышно повсюду.

Накинув одеяло на голову, он пошёл в комнату, и я вслед за ним. Пройдя в угол комнаты он, свернувшись, лёг на пол. Он выглядел как человек, который только что лишился чего-то очень ценного.

– Я делился своей болью с Фатимой. Зачем же ты меня разбудила? – с ещё большим недовольством, вопрошал он.

Только в этот момент я поняла, что он испытывает, потому как поставила себя на его место. Я спрашивала его о том, что же он видел во сне, но он ничего не сказал, ни той ночью, ни в последующие дни, пока не уехал обратно на фронт.

* * *

В то время я была беременна. Когда до родов оставалось несколько дней, Абдоль-Хусейн взял увольнительные и приехал домой. Он с нетерпением ждал, когда ребёнок родится.

В итоге получилось так, что мы поехали в роддом лишь в последнюю его ночь перед отъездом обратно на фронт. Посадив меня в зале ожидания, он пошёл разбираться с формальными делами. С нами туда поехала ещё одна женщина⁶⁸, и она пошла вместе с Абдоль-Хусейном. Уже после того, как муж погиб, эта женщина рассказывала:

---

⁶⁸ Есть такая практика, что вместе с роженицей в роддоме обязательно должна присутствовать её поверенная, которая будет помогать ей после родов.

«Один из членов больничного персонала сказал тогда Борунси, что для того, чтобы тебя могли принять, он должен зарегистрировать тебя в этой больнице.

– Так, ведь уже наступило время её родов, – сказал Борунси. – Да и у меня, если честно, просто нет времени.

– Регистрация для оказания наших услуг необходима, – повторил тот, – и иначе никак нельзя.

Абдоль-Хусейн достал из кармана билет на самолёт, который показал тому человеку.

– Брат мой, через несколько часов мне уже надо вылетать обратно на передовую линию, – сказал Абдоль-Хусейн. – Я был бы очень благодарен, если бы ты помог с тем, чтобы весь этот процесс прошёл быстрее.

Судя по всему, этот врач подумал, что Абдоль-Хусейн, упоминая то, что он фронтовик, лишь хочет воспользоваться этим обстоятельством, чтобы сэкономить время, чтобы его обслужили вне очереди и в экстренном порядке. Он оттолкнул его назад.

– Всем надо на фронт, – начал он грубить ему. – Ну и зачем ты сейчас упоминаешь о том, что ты фронтовик? Что, ты думаешь, это изменит? Ждите, как и все, и заодно станет ясно, была ли необходима такая спешка. Мой сын ведь тоже был на фронте, и от него я знала, какую должность занимает на фронте Абдоль-Хусейн.

«Ну и устроит же сейчас ему Борунси», – подумала я в тот момент.

Однако, вопреки моим ожиданиям, Абдоль-Хусейн лишь опустил голову и, ничего более не говоря, вышел из кабинета.

– Ты хоть понимаешь, кого ты только что толкнул? – тут же спросила я этого врача.

Он посмотрел на меня, и вдруг на лице его прорисовался страх.

– Несчастный! – сказала я. – Если этот человек просто захотел бы, то устроил бы тебе далеко не сладкую жизнь. Благодарю Бога за то, что он столь снисходителен и добр к людям».

В конце концов, именно слова этой женщины стали причиной того, что меня вскоре уже приняли и отвели в родильную. Когда я родила, меня перевели в другую палату. Прошло ещё некоторое время, пока я смогла прийти в себя. Первое, что я помню после родов, так это то, что рядом с моей койкой стояла мать.

– Мальчик, или девочка? – спросила я её.

– Девочка, дочь моя, – с улыбкой на усталом лице, промолвила она.

– Как её состояние?

– Она в порядке.

Вдруг я вспомнила об Абдоль-Хусейне и о том, что ему надо было вылетать.

– Абдоль-Хусейн уже уехал? – спросила я её.

– Нет, он отправил одного человека, чтобы тот поменял ему билет, – ответила она.

– Зачем? – удивилась я.

– Естественно, ради тебя, – ответила она.

Никакой подарок не имел для меня в тот момент большей ценности, чем этот. О, как же я была этому рада!

– А где он сейчас? – спросила я.

– Он хотел договориться о том, чтобы сегодня же ночью отвезти тебя и ребёнка домой, но врач не дал своего согласия. Он пошёл подписывать бумаги о том, что отвезёт вас под личную ответственность.

Через некоторое время объявился и сам Абдоль-Хусейн. Увидев меня, на лице его тут же появилась улыбка. Сев рядом со мной, он начал расспрашивать меня о том, как я себя чувствую. После этого, обратившись к матери, он сказал, чтобы она помогла мне и Зейнаб собраться. Из этих слов я поняла, что он уже дал имя ребёнку.

Через несколько минут мы уже были на улице. Когда мы приехали домой, то Абдоль-Хусейн сразу же пошёл к кровати и, взяв с него матрас, принёс его. Он хотел положить его рядом с печкой, но мать сказала, чтобы он отнёс его в другую комнату.

– Почему? – не понял её мотивов Абдоль-Хусейн.

– Потому как это – гостиная, – ответила мать, – и гости будут заходить именно сюда.

– Ничего страшного, – уже расстилая матрас, сказал Абдоль-Хусейн, – как раз гостей мы и отведём в другую комнату. Разве есть кто-то, кто был бы более достоин находится рядом с печкой, чем Зейнаб и её мать?

Когда он постелил его, я сразу же легла на него и положила маленькую Зейнаб рядом с собой.

– Ну вот, так будет очень хорошо, – сказал Абдоль-Хусейн. – Рядом с печкой Зейнаб не простудится.

Из близ расположенной мечети донесся призыв на утреннюю молитву.

– Ты пока иди и соверши молитву, – сказал моей матери Абдоль-Хусейн, – а я пока побуду с ними, на случай, если им что-нибудь понадобится.

С самого начала Абдоль-Хусейн пропитался какой-то особой любовью к Зейнаб. На следующую ночь, когда мы завернули её в пелёнку, он положил её на ноги, а сам наклонился к ней и начал что-то шептать ей на ухо. Я не знаю, что он шептал, но когда я в очередной раз взглянула на него, то увидела, что его плечи дёргаются. Посмотрев на его лицо, я увидела, что оно было мокрым от слёз. Я хотела было что-то сказать, но остановила себя, решив, что будет лучше подождать, пока он успокоится.

Когда Зейнаб исполнилось три дня, Абдоль-Хусейн уехал обратно на фронт. Прежде чем уехать, он сказал мне:

– Если вы отведёте девочку в баню, то не давай никому читать ей азан на ухо.

– Почему? – поинтересовалась я.

– Я сам сделаю это, когда вернусь обратно, – ответил он.

* * *

За время его отсутствия мы один раз отвели девочку в баню. Когда

прошло семнадцать дней с её рождения, Абдоль-Хусейн вернулся на увольнительные.

– Вы отводили девочку в баню? – спросил он почти сразу же, как зашёл.

– Да, – ответила я.

– Ты ведь никому не дала прочитать ей азан на ухо? – тут же последовал следующий вопрос.

– Нет, ты ведь предупредил.

– В таком случае, – присев, сказал он, – отведите её ещё раз.

Пока мы отвели ребёнка опять в баню и вернулись с ней, уже наступил вечер. Когда мы пришли, он взял Зейнаб на руки и сел рядом с печкой. Не знаю уж, что он шептал на ухо Зейнаб, но длилось всё это около двух часов, причём плакать он начал ещё с самого начала. Когда он вернул мне ребёнка, то обнаружилось, что пелёнка была мокрой от его слёз, равно как и его рубашка.

Абдоль-Хусейн остался с нами ещё на два дня. За день до своего отъезда он вдруг сказал, чтобы мы готовились к выходу.

– Нам надо поехать кое-куда, – сказал он.

– И куда же? – спросила я.

– Мы поедem не в одно и не в два места, – ответил он. – Нам надо посетить много разных мест.

– Зейнаб мы тоже повезём? – поинтересовалась я. – На улице ведь очень холодно.

– Конечно, – сказал он, – Зейнаб обязательно должна поехать.

Абдоль-Хусейн заранее откуда-то достал машину. Он сел за руль, и, расположившись каждый на своём месте, мы тронулись в путь.

В Мешхеде у нас было несколько родственников, и Абдоль-Хусейн посетил дом каждого из них. Однажды, задолго до этого, Абдоль-Хусейн вступил с одним из них в спор относительно вопросов, связанных с Исламской революцией, из-за чего возникла большая ссора, и после этого несколько лет мы не общались с ними. Как ни странно, но он в тот день навещал даже их. К кому бы мы ни приехали, Абдоль-Хусейн брал Зейнаб на руки и, не присаживаясь, несколько минут общался, после чего мы ехали дальше.

– Завтра я должен вернуться на фронт, – говорил он им, – и если вдруг у вас осталась какая-либо обида, то, искренне прошу, не держать более зла.

Они удивлялись этим словам не меньше, чем я. Ни разу прежде такого не было, чтобы перед тем, как он отправлялся на фронт, он делал нечто подобное – навещал и просил прощения за всё бывшее. Обычно бывало наоборот – родственники навещали нас, а не мы их. Это послужило причиной тому, что я начала волноваться.

Последнее место, которое мы посетили в тот день, был храм имама Али Резы ибн Мусы. Здесь Абдоль-Хусейн уже никуда не торопился и совершил зиярат так, как того и хотел – спокойно и не спеша. Я и сама в тот раз совершила его с особым настроением, не так, как обычно.

Когда Абдоль-Хусейн закончил сам, то начал брать по одному каждого ребёнка и обходить с ним гробницу его светлости. Последней, кого он повёл туда, была Зейнаб.

– Ну что, поехали? – спросил он, когда вернулся вместе с малышкой.

– Да, поехали, – сказала я.

В машине он начал говорить со мной, но так, чтобы только я могла услышать и понять его.

– С позволения Бога, завтра я отправлюсь на фронт, – сказал он, – и неизвестно, вернусь ли после этого.

С каждым мгновением печаль в моём сердце почему-то становилась всё больше.

– С позволения Бога, – добавил он, – на этот раз я стану мучеником.

Я уже была близка к тому, чтобы разрыдаться, а он понял, что мне стало тяжело.

– Да я ведь пошутил, – сказал он. – Чего ты так расстроилась?

После того, как мы приехали домой, и дети легли спать, он подошёл ко мне.

– Я сегодня просил имама Резу за вас, – сказал он. – Я попросил его, чтобы он присматривал за вами. Если вдруг возникнет какая-либо нужда, то просто пойдите к нему и попросите о том, что вам нужно. Постарайтесь должным образом ценить ту великую честь, которая оказана его присутствием этому городу и стране. Ни в коем случае не пренебрегайте тем, чтобы время от времени посещать его, потому как в этом есть соблюдение высокой этики, которая является обязательной.

Никогда прежде он не говорил мне такого. Хоть я чувствовала, к чему это всё должно привести, однако я не хотела признаваться себе в этом ни на секунду.

После совершения утренней молитвы Абдоль-Хусейн подготовился к выходу. Я хотела разбудить детей, чтобы они попрощались с отцом, но он не разрешил мне этого делать. До этого, когда он уезжал на фронт ранним утром, он сам будил детей, но в этот раз, не знаю почему, он не стал этого делать.

– Тот путь, в который я отправляюсь, не имеет возврата, – сказал он.

В этот момент я, взглянув на Хасана, заметила, что он проснулся. Он, судя по всему, услышал последние слова, что произнёс его отец, и не смог сдержать слёз. Глядя на него, мы с матерью тоже не смогли сдержаться и заплакали. В такие моменты мать меня всегда утешала и успокаивала, чтобы я не плакала. Она говорила, что не хорошо провозить человека своим плачем, но в этот раз она и сама не смогла удержаться от слёз.

Остальные дети тоже проснулись. Абдоль-Хусейн целовал каждого из них и прощался с ними. Подойдя к полке, на которой лежал Коран, он взял его и тоже поцеловал.

В тот день, когда он уезжал, Зейнаб исполнилось ровно двадцать дней.

* * *

Когда Абдоль-Хусейн позвонил соседям, чтобы связаться со мной, оставалось несколько дней до праздника Новруз. Это было где-то в середине марта 1985-го года. Я сразу же спросила его, когда он придет.

– То есть, ты всё ещё спрашиваешь меня об этом? – посмеявшись, спросил он. – Когда имам Джавад – мир ему – стал мучеником, ему было всего двадцать пять лет. Даже на данный момент я живу на этой земле намного дольше, чем он... И ты всё равно спрашиваешь меня о том, когда я приеду? Лучше спроси меня: когда я стану мучеником? Когда сообщу радостную весть о том, что мне выпала честь умереть смертью мученика?

Я не смогла сдержаться и заплакала.

– Да что ты опять? – смеялся он. – Я же шучу! Ты ведь знаешь, что для нас всё, как с гуся вода.

У телефона я стояла вместе с Зейнаб.

– Ну-ка, сделай что-нибудь, чтобы я услышал её голос, – сказал Абдоль-Хусейн.

Я сделала так, как он попросил меня.

– Хорошо, – сказал он, когда услышал малышку, – теперь я хоть буду уверен, что моя Зейнаб жива и невредима.

В тот раз он рассказывал мне о явлении ему Фатимы Захры и о том, что она разговаривала с ним, но часть из того, что он говорил, я, к своему сожалению, не смогла услышать из-за помех в соединении ⁶⁹.

Когда мы с ним закончили говорить, я положила трубку. Хасан тоже был рядом со мной. Мы вышли на улицу. Состояние у сына было очень странным – он всё время говорил о том, что отец уйдёт, но я не хотела верить в это.

Когда объявили о начале операции «Бадр», я ждала новостей от него чуть ли не каждую минуту, ждала, что он позвонит. Прежде он ведь всегда звонил, как только у него появлялась такая возможность. Иногда, если он не мог позвонить сам, он посылал кого-нибудь с этой целью, чтобы тот передал нам вести от него, о том, что он всё ещё жив.

Вот, операция подошла к своему завершению. День за днём я всё ждала, что вот сейчас он позвонит, но ожидания мои были тщетными. В конце концов, мне принесли весть о нём...

Он достиг своей цели, исполнил свою мечту, ради которой трудился всю свою жизнь.

* * *

Его тело так и не нашли. Я знаю, что он просил у Господа о том, чтобы именно так оно и случилось, и его мольба была услышана. Он завещал нам,

---

⁶⁹ Все его друзья знали о том, что Фатима Захра сообщила ему время и место, где он примет мученичество. Это для него было настолько ясным и очевидным, что он говорил им: «Если в такой-то день и в таком-то месте не погибну, то можете поставить под сомнение то, что я – мусульманин».

чтобы мы не ставили у его могилы надгробия или камня⁷⁰. Он хотел, чтобы его могила была неизвестна, как и у Фатимы Захры, которую он так сильно любил, которую он всегда называл не иначе, как своей матерью. Мы устроили траурную церемонию по нему 29-го апреля 1985-го года.

---

⁷⁰ Мы исполнили его завещание, но в последующем, а именно в 2000-м году, один из его близких друзей сам решил установить над его могилой надгробие.

ПРОЩАНИЕ С ОТЦОМ

Рассказчик: Абуль-Хасан Борунси

Когда отец уезжал на фронт, он звонил нам на телефон наших соседей, и всегда получалось так, что, как только я забирал трубку и начинал говорить с отцом, то тут же из глаз начинали течь слёзы. Как бы я ни пытался держать себя в руках, у меня это никогда не получалось.

– Почему ты плачешь, сынок? – спрашивал он меня.

– Что мне ещё делать, – плача, оправдывался я, – если эти слёзы сами собой текут?

Это было в один из холодных зимних дней. Неожиданно в дверь кто-то постучался, причём несколько раз. Мать быстро встала, одела чадру и пошла открывать дверь, а я отправился вслед за ней. Обычно к нам так стучались, чтобы сообщить о том, что отец звонит с фронта. В таких случаях соседка приходила к нам и несколько раз стучалась в дверь.

Мы подошли к телефону, и первой трубку взяла мама. Моё же состояние было очень странным, не таким, как оно обычно бывало в такие моменты. Сердце болезненно сжималось, но в тот момент мне казалось, что, в отличие от всех остальных случаев, услышав голос отца, я не буду плакать.

Когда мать закончила говорить с ним, трубку взял я. До этого момента я не был уверен, что не стану плакать. Взяв трубку, я тепло поприветствовал отца и начал разговаривать с ним.

По взгляду матери тоже можно было понять, что она весьма удивлена. Ни разу прежде ещё не было такого, чтобы отец позвонил с фронта, а я, общаясь с ним, не заплакал бы. Надо заметить, что и речь отца отличалась от того, что он обычно говорил мне.

– Я знаю, – сказал он, – что ты обучился чтению Корана. Тот Коран, что лежит на шкафу, теперь твой. То есть, это мой подарок тебе. Если ещё представится такая возможность, то я лично вручу его тебе, если же нет, то тебе придётся взять его самому. И завещаю тебе – всегда читай его.

Сделав небольшую паузу, он продолжил:

– Бережно храни мои книги, мои аудиокассеты с записями проповедей имама, которые были сделаны ещё до начала революции.

Ответственность за их сохранность я возлагаю на тебя.

Я не осознавал тогда, почему он говорит мне это сейчас. Он также говорил и на другие темы. Только теперь я понимаю, что в тот момент он оставлял для меня завещание.

Когда он уже было хотел попрощаться со мной, я спросил его:

– Когда ты приедешь?

– Если на то будет воля Всевышнего, я приеду, – ответил он.

Мы попрощались с ним, и я передал трубку матери. Она спросила его о том же, о чём и я. Не знаю, что ответил ей отец, но она после этого стала

очень печальной и начала плакать. Немного погодя, она уже начала прощаться с ним, и в голосе её были лишь ноты тоски и печали. Она положила трубку, и мы вместе вышли на улицу.

– Когда ты спросила отца о том, когда он вернётся, что он ответил тебе? – спросила мать.

– Он спросил в ответ, – сказала она, – почему я всегда спрашиваю его о том, когда он вернётся, а не о том, когда же он, наконец, станет мучеником.

После этих слов я сильно расстроился, и когда мать увидела это, то начала успокаивать меня.

– Да что ты, сынок? – смеясь, спросила она. – Твой отец ведь просто пошутил.

Было видно, что она и сама сильно расстроена, однако она не хотела этого мне показывать.

Когда мы пришли домой, я всё думал, как же, всё-таки, получилось, что в этот раз я не заплакал. Эта загадка разрешилась для меня через несколько дней после окончания операции «Бадр», в тот день, когда нам принесли весть о его гибели.

Тот его телефонный звонок был последним.

БАТАЛЬОН НАГОТОВЕ

Рассказчик: Маджид Ихвани

До начала операции «Бадр» оставалось несколько дней. Борунси в тот момент был на увольнительных. Как только он вернулся, то сразу же начал готовить свой батальон к началу операции.

Однажды мы с ним сидели в командирской палатке. Он сидел, склонив голову, будто размышляя над чем-то. Вдруг он заговорил, и с первых же слов просто удивил меня.

– Ихван, эта операция, которую нам ныне предстоит выполнить, станет для меня последней, – сказал он.

– Да о чём ты говоришь, Абдоль-Хусейн? – смеясь, спросил я. – Количество операций, в которых ты участвовал, не меньше, чем волос у тебя на голове. Думаю, тебе стоит продолжать в том же духе. Уж нам, по крайней мере, ты нужен.

– Однако я ведь сказал, что это моя последняя операция, – повторил он.

– Ты всегда говоришь о гибели на поле брани, – заметил я, – о том, как было бы хорошо стать мучеником.

Немного помолчав, я добавил:

– Если вдруг, не дай Бог, конечно, ты погибнешь, то, что будет с ребятами?

– Это всё лишь слова, – спокойно проговорил он. – Я видел кое-что, из-за чего знаю точно, что это – последняя операция, в которой я буду принимать участие.

После этого он ещё несколько раз говорил нечто подобное, намекая на то, что после операции он уже не будет среди нас, из-за чего я действительно начал опасаться того, что он может быть прав.

Как-то раз я отвёл его в сторону, чтобы поговорить с ним.

– Абдоль-Хусейн, что случилось? – спросил я. – Почему ты всё время говоришь о смерти?

Он внимательно смотрел на меня.

– Заклинаю тебя, скажи мне, в чём дело?

Вдруг он начал плакать, и слёзы не просто лились из его глаз – он весь трясся от плача.

– Несколько дней назад я видел во сне свою мать, – плача, сказал он.

Он имел в виду Фатиму Захру. Он всегда называл её своей матерью.

– Я спал вот в этой палатке, когда это случилось, – указывая на командирскую палатку, продолжил он. – Она сказала мне, что я должен прийти к ним.

Я смотрел на него, и в сердце моём таилась тревога.

– Командир, возможно, она имела в виду, что близится конец этой войне, – заметил я.

– Нет, она имела в виду не это. В следующей операции я должен пасть смертью мучеников, – сказал он.

Я стоял, не зная, что сказать. Самым неприятным в тот момент для меня, наверное, было представить, что он покинет нас.

– Я уверен, – немного успокоившись, продолжил он, – что в этой операции, наконец, закончится отведённый мне на этой земле срок, и я покину её пределы. Наконец-то, я отправлюсь в путь, в иной мир.

Он говорил настолько уверенно, что и я уже был убеждён в том, что он должен погибнуть в ходе предстоящей операции.

* * *

В тот день он поручил мне выполнить несколько заданий. Помню, что до операции оставалось два или три дня. Я догадывался, что он собирается куда-то пойти, о чём я спросил его.

– Хочу постричься, – сказал он.

Ещё ни разу не было такого, чтобы перед операцией он стригся. Это обстоятельство послужило причиной тому, что я ещё больше начал переживать о том, что нас ожидает впереди.

Когда он вернулся, он был пострижен. Бороду он также подровнял.

В ночь, когда должна была начаться операция, он был в чистой армейской форме и хорошо надушенный. Ни разу за его жизнь не было такого, чтобы он столь тщательно занимался собой перед началом операции. Обычно он всегда одевался в простую форму ополченца.

– Абдоль-Хусейн, что же, всё-таки, случилось? – глядя на него с недоумением, спросил я.

– Ты ведь и так знаешь, – как-то по-особому улыбнувшись, сказал он. – Тогда зачем спрашиваешь?

Состояние моё было не самым приятным. Я чувствовал, что теряю из виду нечто очень важное и значительное, что не обращаю должного внимания на что-то, что имеет большое значение, и чем ближе подходило время к началу операции, тем сильнее и беспокойнее билось моё сердце.

* * *

Операция «Бадр» была одной из самых сложных и изнурительных. Особые затруднения возникали на участках, где была вода. Мы продвинулись через водную местность на несколько километров вперёд и обогнали, уже по ту сторону двух рек – Тигра и Евфрата, на одном стратегически важном шоссе. Оттуда мы двинулись дальше по направлению к перекрёстку Хандак⁷¹, оттесняя баасистов. Иракцы в тот момент обезумели в прямом смысле этого слова. Они были настроены весьма решительно на то, чтобы отбить у нас этот перекрёсток, затем вернуть контроль над жизненно важным шоссе, а затем также отодвинуть нас обратно, за другую сторону рек.

---

⁷¹ Впоследствии этот перекрёсток был назван перекрёстком мученичества.

Ожесточённость боёв усиливалась с каждым мгновением. В течение всей операции я не знал покоя, всё думая о том, что Абдоль-Хусейна действительно могут убить, а ведь этот человек всегда имел для меня огромное значение. Если же это должно было произойти, то я хотел знать – когда и как именно это случится. С этой целью я шёл за ним чуть ли не по пятам ⁷².

– Ихван! – обратился он ко мне в разгар сражения. – Отправляйся назад и приведи сюда свежие силы!

Меня словно облили ледяной водой.

– В нашем-то положении? – с удивлением спросил я.

Всем своим существом я желал в тот момент, чтобы он поменял своё решение.

– Если ты этого не сделаешь, – сказал он, – то эти контратаки врага в скором времени могут вызвать большие проблемы для наших ребят.

В этот момент он бросил взгляд в сторону врага.

– Ты отправляйся назад, приведи ещё один свежий батальон, – сказал он.

Для исполнения этого его приказа «отправляйся назад и приведи свежие силы» мне надо было преодолеть на лодке несколько десятков километров, затем сесть на мотоцикл и доехать до плацдарма, после этого вместе с батальоном вернуться по той же дороге обратно туда. Этот путь занимал не меньше трёх часов.

Какое-то странное чувство не позволяло вот так просто покинуть Абдоль-Хусейна. Тем временем он смотрел на меня в ожидании, когда я начну исполнять его приказ. Скрепя сердцем, я, попрощавшись с ним, отправился в путь.

Вскоре после этого, я уже был рядом с водой. Сев в лодку, я тронулся, выжимая из неё максимальную скорость, на которую она только способна. Каждую секунду была опасность того, что я разобью лодку, столкнувшись с чем-нибудь или не справившись с управлением, но я как будто уже не мог себя контролировать – весь смысл моей жизни в тот момент свёлся к его личности. Я был уверен в том, что что-нибудь обязательно случится, и поэтому я хотел как можно быстрее вернуться к нему, чтобы, в случае возможности, оказать свою помощь.

Не успев понять, что я уже добрался, я увидел береговой причал. Там мне предоставили мотоцикл, на который я быстро запрыгнул и так же начал изводить его на максимуме.

Не успев понять, что я уже добрался, я увидел береговой причал. Там мне предоставили мотоцикл, на который я быстро запрыгнул и так же начал изводить его на максимуме.

Когда я прибыл к плацдарму, батальон был уже наготове. Вместе мы отправились обратно, в гущу событий, и вот уже перебрались на другую сторону воды. Там я построил людей в колонну, и, двигаясь двумя

---

⁷² В принципе, этого от меня также требовала моя должность, потому как на тот момент я был ответственным за операцию бригады.

отрядами, мы добрались до шоссе, а после и до перекрёстка. До него оставалось уже считанные километры, а сердце, тем временем, переполняла тревога. Я бежал впереди всех. Неожиданно один из тех, кто был там, остановил меня.

– Куда ты направляешься, Ихван? – крича среди всего этого шума, спросил он.

– В каком смысле «куда»? – удивился я. – К перекрёстку, конечно же.

– Не надо никуда идти, – сказал он. – Вы не должны идти дальше этой точки.

– Почему? – ещё больше удивился я.

– Иракцы отбили у нас перекрёсток, – ответил он.

– Как отбили? – не мог я поверить в это. – Абдоль-Хусейн, Арфаи, Вахиди – они ведь все находятся там!

Мой собеседник в этот момент склонил голову.

– Все они покинули этот мир, – со скорбью в голосе сказал он.

– В каком смысле? – отказывался я в это поверить. – Хватит шуток – Борунси лично послал меня назад, чтобы я привёл к нему свежий батальон.

– Их убили около получаса назад, – сказал он. – Сколько бы мы ни пытались уговорить их идти назад, они просто не слушались. Они отстаивали позиции на перекрёстке до самого конца. Затем последовали залпы из танковых орудий по их позициям, после которых там до сих пор всё горит огнём. Ныне они либо мертвы, либо, каким-то чудом оставшись в живых, попали в плен.

– Что? – уже в панике кричал я. – Что значит попали в плен? Разве Борунси из тех, кого можно вот так просто забрать в плен?

Вдруг, я совсем перестал понимать, что делаю, и в следующее мгновение начал бежать в сторону перекрёстка. Не успел я сделать и нескольких шагов, как меня схватили. Я пытался вырваться из рук того, кто меня схватил, что было сил.

– Отпусти меня! – кричал я. – В конце-то концов, ведь тело его нужно доставить сюда! Это ведь Борунси, понимаешь? Борунси!

– Туда нет дороги! – кричал он в ответ, пытаясь удержать меня. – Если ты пойдёшь туда, то тебя просто убьют! Какая в этом польза?!

Я уже высвободил из его тисков, как налетели ещё несколько человек и повалили меня на землю, чтобы я не дёргался. Они оттащили меня назад, но сердце моё никак не могло успокоиться.

В момент этого переполоха, туда приехал Али Ганеи. Возможно, это был последний из наших, кто вернулся из перекрёстка Хандак. Я сразу же побежал в его сторону.

– Али! – обратился я к нему. – Что там происходит?

– Борунси убили, – полным печали и скорби голосом, ответил он.

– Ты своими глазами видел это? – чуть ли не поднимая панику, громко спросил я.

– Да, я видел это своими глазами, – степенно ответил он.

Я не мог так легко принять это, поэтому начал выяснять детали того, что он в действительности видел, или наоборот – не видел.

– Как ты видел его? – спросил я. – Во что он был одет?

– Я же говорю, что видел его, своими глазами, – устало и с гневом в голосе, сказал он. – На нём была армейская форма. Я пробирался вдоль насыпи, а иракцы, тем временем, преследовали меня. Увидев тело одного погибшего в армейской форме, который мне показался очень похожим на Борунси, я спустился, чтобы посмотреть, не он ли это. Когда я повернул его, то оказалось, что это он, как я и предполагал. Вахиди лежал там же, в нескольких шагах от него.

– Ты уверен, что он был мёртв на тот момент? – спросил кто-то из присутствующих.

– Да, я уверен, – ответил Ганеи. – Вся левая часть его тела была покрыта волной осколков разорвавшегося снаряда. Он был полностью неподвижен. Судя по всему, он только-только стал мучеником. При таком попадании он не должен был испытать никакой боли, потому как смерть наступила моментально.

Насколько я знаю, самую высокую должность из нас занимал именно Ганеи, а словам его точно можно было доверять. Через короткое время отпечаток от горя потери лёг на лица всех наших ребят.

* * *

Уход из этой жизни мученика Борунси сослужила для нас немалую службу. Весть о его гибели никак не стала поводом для уныния наших ребят, совсем наоборот – они горели жаждой мести и возмездия за него. «Чего бы нам это ни стоило, пусть даже одними руками и зубами, но мы должны вернуть полный контроль над этим перекрёстком!» – уверенно заявляли они.

Всё движение транспорта проходило исключительно через перекрёсток Хандак, и если бы мы потеряли его, то это привело бы к неминуемому поражению. Враг, в свою очередь, тоже понимал всю важность и значение, которое для нас представлял перекрёсток, а потому кинул туда все имеющиеся ресурсы, чтобы отбросить нас обратно к воде. Плотность вражеского огня с каждым мгновением становилась всё сильнее и сильнее – они задействовали вертолёты, танки, артиллерию, которые били, не смолкая. Не забывали они и про фланги, которые так же подвергали атакам. Тем не менее, ребята наши были настроены очень решительно и готовы были стоять до самого конца, чем бы для них это ни закончилось. «Кровь Борунси пролилась за тем, чтобы отстоять эту дорогу, и мы не можем позволить случиться такому, чтобы его смерть была напрасной», – говорили они.

Только в этот момент я понял, в чём был смысл того, чтобы я привёл свежий батальон для подкрепления. Мы отражали непрекращающиеся атаки врагов до самой ночи, пока они, в конце концов, не обессилели и не потеряли надежду на то, чтобы отвоевать позиции.

Наши выглядели так, будто у них только что открылось второе дыхание.

Они даже хотели прорваться вперёд, чтобы достать тело Борунси и остальных погибших, однако командующие не давали разрешения для такой операции. Вопрос о том, чтобы пробиться вперёд и достать их тела, всё не утихал, и поэтому было принято решение выйти на связь с командующим бригадой, что мы и сделали.

– Делать этого ни в коем случае нельзя, – сказал он. – Враг находится в ожидании чего-то подобного, потому как они прекрасно знают, что мы потеряли на перекрёстке несколько человек. Если вы предпримите атаку, то результатом станет только увеличение числа наших жертв.

Как бы это тяжело для нас ни было, нам пришлось подчиниться приказу.

На следующий день нам удалось захватить в плен несколько баасистов. По результату их допроса, мы выяснили, что слова командующего бригадой были абсолютно верны. Враги не только собирались встретить нас пулемётами, но ещё и заминировали подступы к телам павших. Судя по всему, времени на маскировку и закапывание мин под землю у них не было, и поэтому они просто разбросали мины вокруг.

* * *

Да смилуется над ним Всевышний, он всегда говорил: «Я хочу, чтобы место моей могилы осталось неизвестным, как и у мамы – Фатимы Захры – мир ей».

Его желание было исполнено Всевышним. Через два или три месяца после этого мы устроили траурные мероприятия в связи с его кончиной в городе Мешхед.

ТА НЕЗАБЫВАЕМАЯ НОЧЬ

Рассказчик: Масума Сабокхиз

В жизни на очень малом обеспечении есть свои сложности, в особенности, если семья большая. С момента, когда Абдоль-Хусейн покинул нас, минуло одиннадцать лет. На мне лежала ответственность вырастить и воспитать несколько детей. Когда я пришла в себя, то поняла, что осталась один на один со всеми долгами, которые нам одалживали соседи. Приближение любого праздника в таких условиях для нас было как-то по-особому сложным.

Дни проходили один за другим, и осознание того, сколько мы должны людям, иногда просто не давало даже подумать о чём-то другом. Как бы я ни старалась заработать, как бы ни экономила, у меня еле хватало на повседневные расходы, не говоря о том, чтобы расплатиться с должниками. В один из этих дней, чувствуя безысходность в своём положении, я отправилась на кладбище имама Резы, где была могила мученика Борунси. Придя туда, я села рядом с могилой и начала в сердце своём делиться с мужем о тех проблемах, которые мы испытывали. «Ты ушёл, а я осталась здесь с детьми и тысячей проблем, самой сложной из которых являются наши долги, – обратилась я к нему. – Если бы был какой-нибудь выход из этой ситуации, чтобы можно было расплатиться с ними, то это было бы очень хорошо».

Я разговаривала с ним ещё очень долго. Этим самым я хотела просто создать какой-нибудь повод, чтобы моя проблема разрешилась. В тот день я долго плакала над его могилой. Когда же я собралась уходить оттуда, то, к своему удивлению, обнаружила, что на душе у меня очень спокойно.

* * *

На следующей неделе, в праздничные дни ⁷³, я с детьми была дома. Вдруг кто-то позвонил в дверь.

– Быстро приберитесь! – сказал я детям, накидывая, тем временем, на себя чадру. – Должно быть, это гости.

Хасан пошёл открывать дверь. Уже через несколько секунд, когда он вернулся, его лицо внезапно переменилось. Он бормотал что-то невнятное, а я, удивлённая, смотрела и не понимала, что с ним происходит. Первая мысль была о том, что, должно быть, что-то случилось. Я быстро пошла на улицу, и от увиденного удивление моё стало ещё больше.

---

⁷³ Это был 1996 год.

Я не могла в это поверить, но у нас во дворике стоял сам лидер Исламской революции – Али Хаменеи. Он очень тепло поприветствовал нас. Не будучи способной нормально выговорить хоть слово и сказать что-либо, я, всё же, ответила ему на приветствие, после чего пригласила их внутрь. Он и ещё несколько человек зашли, остальные же остались ждать на улице. Мы не могли поверить в то, что лидер может вот так, без предупреждений и официоза, явиться в гости.

Мы провели с ним около часа. В ту ночь Хаменеи рассказал нам об одной истории из его жизни, которая была связана с Борунси ⁷⁴. Дети слушали всё, что он говорил, во все уши. Хаменеи поговорил с каждым из них по отдельности и каждому дал свой совет.

Я с уверенностью могу сказать, что мои дети в тот момент не только позабыли о том, что они сироты, но и более того – всей душой ощутили отеческое тепло, которое подарил им наш лидер.

Говоря о разном, была затронута также и тема о нашем благосостоянии и положении. Я рассказала ему о тяготящей меня проблеме с долгами, с которыми я не могла расплатиться. Вопрос этот был решён быстрее, чем я могла предположить.

---

⁷⁴ Историю о том, как он приходил к нему, когда он был в ссылке в городе Захедан.

СВАДЬБА

Рассказчик: Масума Сабокхиз

С момента смерти Абдоль-Хусейна прошло четырнадцать лет. За это время я неоднократно видела его во сне, и особенно часто это случалось ровно в те моменты, когда у нас возникала какая-нибудь серьёзная проблема. Это приобрело уже настолько закономерный характер, что каждый раз, когда возникали трудности, я бывала почти уверена в том, что они не решатся, разве что вследствие такого сна. Дети, которым я всегда рассказывала о том, что видела их отца во сне, тоже привыкли к такому раскладу, и для них это стало уже чем-то естественным.

Прямо перед женитьбой нашего сына Махди⁷⁵ возникло сразу несколько проблем, которые потрепали нам немало нервов.

Когда мы хотели взять невесту, то дошли до той точки, когда с семьёй девушки всё уже обговорено и касательно всего достигнуто соглашение, в том числе и насчёт времени проведения свадьбы. До неё оставалось всего несколько дней. К тому моменту дети уже несколько дней подряд первым делом спрашивали меня с утра, не видела ли я во сне Абдоль-Хусейна.

– Нет, не видела, – устало отвечала я им каждый раз.

– Значит, этой свадьбы не будет, раз мама ничего во сне не видела, – резюмировали они.

Время всё шло, а на то, что проблемы как-то разрешатся, не было даже намёка.

За две ночи до свадьбы, наконец, я увидела во сне Абдоль-Хусейна. Он сидел посреди красивой и уютной комнаты, а дети были вокруг него. Никогда в жизни я не видела ничего подобного! Перед Абдоль-Хусейном лежал лист бумаги, на котором было что-то написано. Он взглянул на него, после чего поставил на нижней его части свою подпись и показал детям.

В следующее мгновение он встал и направился к выходу.

– Ты пытаешься убежать от детей? – спросила я его.

– Нет, конечно, – посмеявшись, спокойно ответил он, – никуда я от них не убегу.

Я вдруг резко проснулась. Время утренней молитвы вот-вот должно было наступить. Я сразу пошла к детям, чтобы сообщить им о том, что, наконец, увидела их отца во сне. Они сразу же окружили меня и начали расспрашивать о том, что же я видела.

Я рассказала им всё, в том числе и о той бумаге, что лежала перед ним, и о подписи, которую он на ней поставил.

– Ну, значит, эта свадьба должна состояться, – заключили они, – уже можно не переживать.

---

⁷⁵ Третий сын в нашей семье. Эта история произошла летом 1997-го года.

*– Махди, небось, теперь переживает из-за того, что стал самым счастливым из нас, – в шутку, заметила я.
Действительно, тревога и переживание сразу же исчезли. Я даже не успела осознать, как всё само собой решилось, а когда вспомнила об этом, то уже стояла и наблюдала за обрядом бракосочетания.*

БЛАГОСКЛОННОСТЬ ШАХИДА

Рассказчик: Масума Сабокхиз

В тот год мой сын Хусейн и старшая дочь не смогли пройти единый экзамен, а потому не поступили в ВУЗ. Некоторые люди то и дело говорили о том, как это, мол, удивительно, что так получилось, несмотря на тот факт, что мы являемся семьёй мученика.

Были и такие, которые старались ранить в самое сердце своими злыми языками и просто открыто задевали нас.

Мне очень сложно было переживать это, и потому я была очень расстроена. Ещё больше, чем я, страдали дети, ведь они сделали всё, что могли, но в результате не получили того, что хотели. Они как будто совсем потеряли надежду на то, что в следующем году смогут сдать экзамен.

В это самое время в один из пятничных дней я отправилась к могиле Борунси. Прочитав суру "Фатиха", я поделилась с ним тем, что у меня было на сердце. Я уже было хотела рассказать ему о том, как несправедливо с нами поступают люди, говорят нелицеприятное и о прочем, но в последний момент передумала, и лишь попросила его о том, чтобы он помолился за нас, дабы в этот раз они поступили.

Из своей практики я знала, что моя просьба к нему не может не возыметь никакого эффекта. Через определённое время дети вдруг загорелись таким мощным мотивом, что они ещё больше прежнего начали заниматься, чтобы суметь получить проходной балл.

На следующий год оба ребёнка с отличием сдали экзамены и поступили туда, куда хотели – в университет Мешхеда.

Я не могу это объяснить никак иначе, кроме как заботой, которую проявляет Абдоль-Хусейн по отношению к нам.

ПРОЩАЛЬНОЕ ПОСЛАНИЕ МУЧЕНИКА АБДОЛЬ-ХУСЕЙН БОРУНСИ

Я прошёл весь этот путь с ясным взором и твёрдой поступью, и надеюсь, что всё то, что я делал ради Всевышнего, Он примет в Судный день и спасёт меня от адского огня.

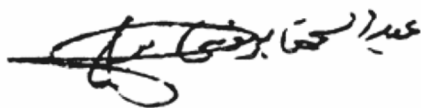
Дети мои, завещаю вам внимательно слушать священный Коран и сделать его неотъемлемой частью своей жизни. Вы должны искать помощи в этой небесной книге и не пренебрегать обращениями к повелителю нашего времени – имаму Махди.

Всегда читайте аяты священного Корана, дабы сатана не подкрался к вам незаметно и не проник в ваши сердца.

О, невежественные люди! О те, кто до сих не понял смысла мученичества, когда вы говорите о мучениках, вы не должны употреблять слово «мёртвый» или смерть, однако же именно «они являются живыми и получают благой удел у своего Господа¹».

Мне не нравится быть командующим, но мне сказали, что это обязанность, возложенная на меня законом шариата, а это значит, что я не имею права на отказ, ведь Всевышний в Своем священном Писании говорит: «О, те, которые уверовали! Подчиняйтесь Аллаху, подчиняйтесь посланнику и обладателям власти среди вас²».

Нет никаких сомнений в том, что на пути повелевания одобряемого и запрещения порицаемого вы будете видеть очень много невежественных людей, а потому стойте крепко на своём знании и укрепляйте свои сердца.

---

¹ Священный Коран, сура «Семейство Имрана», аят 169.

² Там же, сура «Женщины», аят 59.

بسم الله الرحمن الرحيم

و بعد بحواله مورد بپردازی عمل
عاشقانه در فصل نهم
نادرین لاله عینی
سردان سوزناک، گفردن سخن
بلور بر درگاهش

معه سلام و خسته به سینه در دست مرزاد است که کوشش است نذر بار سلف چنین
سوزناک است عشق به دور، حواسم درین صحنه اودا که با و با که سینه در کوهان و کوهان
کام به امید، سوزن با شوم، یعنی در هر حالت که کوهان و کوهان در حال درم کوشش
در وقت کوشم و با سینه در دست، اول این صحنه در کوشم.

که کوهان سینه در دست، در دست خود در دست، در دست خود در دست، در دست خود در دست
و حضرت اوست که کوهان سینه در دست، در دست خود در دست، در دست خود در دست
فترت آن سینه در دست آن، در دست خود در دست، در دست خود در دست
که در دست سینه در دست، در دست خود در دست، در دست خود در دست

بسم الله الرحمن الرحيم
نادرین لاله عینی
سردان سوزناک، گفردن سخن
بلور بر درگاهش
تبریز ۱۳۷۹

С именем Господа мучеников и правдивцев!

Дорогой мой брат Саид Акиф.

Приветствую Вас наилучшим приветствием и желаю Вам всего самого наилучшего. Благодарю Вас за то, что Вы приняли на себя такую благородную ответственность и посвятили свою работу принципам, изложенным в последнем послании от Господа к людям. Прошло около двух месяцев, как я заполучил в распоряжение Вашу книгу под названием «Песчаные земли Кушка» и смог получить от неё настоящую пользу для себя.

Это очень ценная книга и весьма редкая в своём роде. Мне очень понравилось то, как вы составили книгу и изложили в ней историю о мученике Абдоль-Хусейне Борунси. Действительно, Всевышний наделил Вас таким талантом, что Вы так хорошо смогли донести до читателя события тех дней и дух, который царил в лучших представителях нашего народа, которые и взрастили такие самородки, из которых был и является мученик Абдоль-Хусейн.

*С наилучшими пожеланиями, Ваш брат – Мухаммад Хусейн Исмати Пур
Тегеран, 24 апреля 2000-й год.*

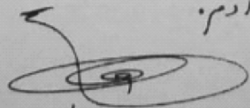
دانش آموزان در دستم هم نام مسعود، او در این دفتر و کتابت زبانه بود. مدتی
معاذنیخ و حتی در این دبیرستان از دست و زبان او عامی شده بودند. من مرید بودم
آن دبیرستان بودم. خیر در این وقت با او گفتگو کنم اما بر او اصرار نداشتم. قدری کرم
در معاشرت که فراموش نکردم.

هر سال روزگاری داشت. می‌دند. می‌کسی در برهتر مسعود سننق و سننق ترند.
سید در معاشرت تقیم به انتقال او از دبیرستان رفتند. تعهدت تعهد از او افتاد
موردند. نه فقط او حتی بر مراد در این هم تعهد دارند. اما نشانه که نشانه. ما این که
یک روز کتاب خوب «خان» می‌نرم گوشه «به دستم رسید. آن را هدیه بار
خواندم. بخواندم که زنده می‌کردم. نه با کتاب که با لیسید. نه با فرانسوی با جلدی
آنجی لوید بان رسید بود. نه این که من هم به آن رسید با ستم، اما متعجب بودم.
برای وقت من، حرکت به سوره جی و بی و آرمان آن سید که او به خاطر همان
به بنیض عقلمر کتابت مایل آمد.

صد هفت کتاب را هدیه کردم به مسعود. به قول فرانسوی این اولین کتاب و ادبی
هدیه از سید محض بود که کتاب به او رسید. تا آن موقع هیچ کس او را کتاب هدیه هم
نمادنت.

یک ماه بعد او را دیدم. او هم مراد بود. نه در سوره که در خیابان با او هم
کتابت. و بعد از آن که دیگر احوال و وضع نبود. ساد و بی آلاسن. مسودتت: «جمع صبر
به اندازه این کتاب درین تا اثر نکرد. بیش از چیزی. ما در این صحبت کردند.

اما من صدای ترک زدن سید می‌ای این کتاب، پاک تر از صحبت این سید بودم.
از ضلالت بعد من فراموش آدم سوم. آدم.

صغیر صالحی
۸۶، ۴، ۴
یاغیاه تعهدت سید

С именем Всевышнего

У меня был студент, которого звали Масуд. Он был известен у нас своей недисциплинированностью и хулиганством. Директор и всё руководство школы уже отчаялись в том, что он может исправиться. Я в то время был воспитателем в той школе и сильно хотел поговорить с ним с глазу на глаз, но никак не решался, потому как боялся, что не смогу произвести на него должного впечатления и хоть как-нибудь исправить его.

Время всё шло, а положение Масуда в школе становилось всё более шатким, как с воспитательной точки зрения, так и с учебной. Учебный совет в конце концов принял решение об его отчислении из школы. До этого мы брали с него одно обещание за другим, и даже у его родителей, но, как бы это ни было печально, всё было впустую.

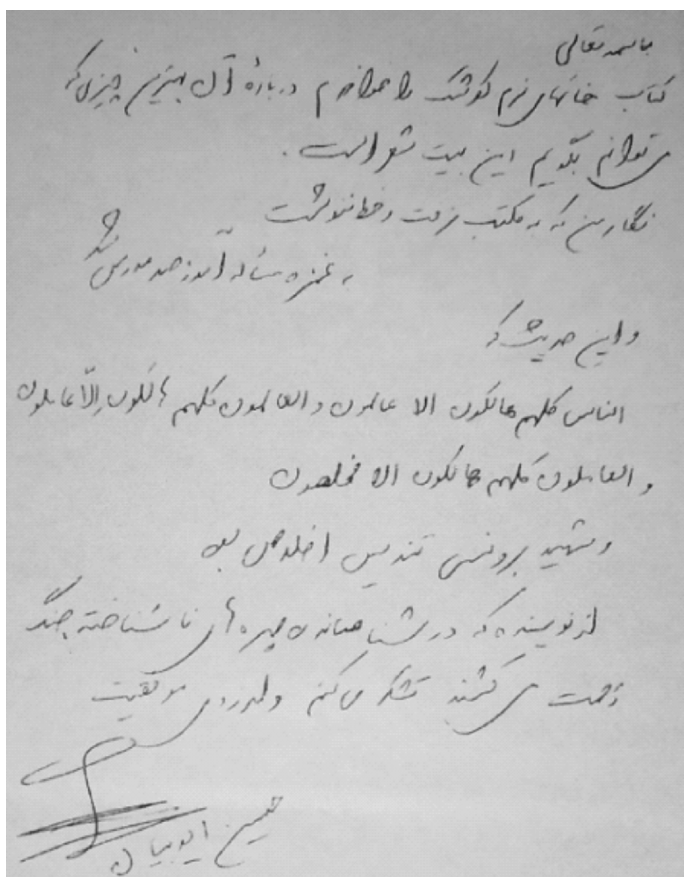
Однажды в мои руки попала книга «Песчаные земли Кушка», которую я перечитал несколько раз. Для меня она стала настоящим откровением – сквозь весь этот путь мученика Борунси я обратил внимание на те идеи, благодаря которым он и стал тем, кем стал. Эта книга стала для меня мощным толчком для того, чтобы устремиться ко всему благому и отказаться от всего дурного.

В конце концов я подарил эту книгу Масуду в надежде, что он проникнется благородством жизненного пути Борунси и это как-то повлияет на него. Как потом говорил сам Масуд, это была первая книга, которую ему подарили, и первый действительно ценный подарок, который он получал в своей жизни.

Я увидел его спустя месяц, но было это уже не в школе, а на улице. Внешность его, как ни странно, была весьма опрятной, а одежда простой и чистой, без элементов новомодных тенденций.

– В моей жизни ничто на меня так не повлияло, как эта книга! – заявил он мне. – Воспитательную работу со мной проводили не менее пятидесяти разных человек, но ничто не возымело такого эффекта, как история этого искреннего человека. Никогда в жизни я не встречался с кем-либо, кто мог бы сравниться с ним в благородстве и набожности. Отныне я хочу лишь одного – стать настоящим человеком!

Джафар Казе ми, 25 июня 2005 года

С именем Всевышнего

Недавно я прочитал книгу «Песчаные земли Кушка». Лучшее, что я могу сказать в оценку этого труда, так это привести следующий хадис:

«Все люди погибнут, кроме учёных, и все учёные погибнут, кроме тех, кто действует (на основании своего знания), и все действующие (на основании своего знания) погибнут, кроме искренних, а искренние находятся в большой опасности!»

Абдоль-Хусейн Борунси был олицетворением искренности.

Я искренне благодарю автора за проделанную им работу, благодаря которой у нас есть возможность познакомиться с такими подробностями и деталями прошедшей войны, которые до сих пор не были доступны для нас. Искренне желаю счастья и благополучия во всех добрых началах!

Хусейн Аюбиан

بِسْمِ اللّٰهِ الرَّحْمٰنِ الرَّحِیْمِ

با احترام

من عرض نظر و سپاس فراوان از استاد عزیز و بزرگوارم «مفتاب سعید عارف» که فرسینده‌ی معاصر کشور ایران و که از نظر معنوی اگر انسان قدرت در کتب را

داشته باشد می‌تواند عطر طهارت و معنویت را در واژه‌های مقدس و نورانی کتاب «خالک نزم کوشک» امتزاج کند بنده‌ی فقیر و هادای فردوسی «با عنوان کسی که به سرودن شعر

در راه طلب با تمام منزلت اهل بیت (ع) افتخار می‌کند از صمیم قلب از این توبه‌سینه‌ی بزرگ تشکر می‌کنم زیرا که با تمام قلبه بسیاری از غنچه‌های نورگفتاری ادب را

بیشتر با رنگارنگی و زخم و سوختن و خرابی اهل بیت (ع) آشنا کرده‌ام. آقای سعید عارف جمله‌ی مقدسی را در این کتاب می‌نویسد: حضرت ابوالفضل العباس (ع) کلمه‌ای را به طور عجیب و غریب

از بازوی سفید بروشی بیرون می‌آورد که من تحت تأثیر این جمله‌ی مقدس یک رباعی سرودم:

فرز شد دلش ملام کسی دارد

سب را ز حال زبانه بر می‌دارد

از واژه‌ها؟ واژه‌های آن دانستم

این کوشک همیشه خاک منزه دارد

«هادی فردوسی»

С именем Аллаха, Милостивого, Милосердного

В первую очередь хотелось бы поблагодарить уважаемого автора Саида Акеф – современного иранского писателя – за его бесценный вклад в духовное наследие. Человек пронцательный без труда может почувствовать аромат райских цветов, когда читает замечательную книгу «Песчаные земли Кушка». Благодаря рассказу о жизни мученика Борунси я и многие мои знакомые и коллеги сумели лучше понять смысл и истину, которые несли и несут в себе представители пречистого семейства Пророка. В одном из рассказов говорится о том, как его светлость Абуль-Фазль Аббас вытаскивает пулю из руки мученика Борунси. Будучи под впечатлением этой истории, я даже сочинил несколько стихотворений.

Хади Фирдоуси, 26 июня 2007 года

1) Личность Абдоль-Хусейна Борунси произвела на меня столь сильное впечатление, что с тех пор, как я познакомился с ним, день и ночь он в моём сердце! Клянусь Богом, было однажды и такое, что, прочитав очередную историю, я начал так сильно плакать, что даже жена поняла, что я плачу. Когда она узнала, в чём причина моего плача, то решила сама прочитать тот рассказ, после прочтения которого она тоже начала сильно плакать.

2) Впервые я увидел его изображение недалеко от храма имама Резы в Мешхеде. Так как прежде я уже имел возможность ознакомиться с некоторыми фактами его жизни и знал его имя, мне было очень интересно видеть его. Как-то раз я озвучил своему знакомому из Мешхеда мысль о том, что хотел бы познакомиться с ним ещё больше, узнать, как он жил, чем занимался и что успел сделать. В самое короткое время он сумел достать для меня эту книгу, которую я сразу же принялся читать. Была ночь пятницы, и я хотел отправиться в храм для совершения предраусветной молитвы. Жена, когда увидела, как я увлечённо читаю какую-то книгу, спросила, что это за книга? Я ответил ей, что это книга, благодаря которой у меня появилась замечательная возможность познакомиться с великим человеком.

В ту же ночь, когда я прочитал историю о том, как к нему явилась сама Фатима Захра, я был очень сильно впечатлён, так, что храм имама Резы в ту ночь открылся для меня с совершенно новой стороны.

3) Ещё одна мысль, которую я хотел бы выразить, касается непосредственно Вас – автора книги. Знакомство с вами, как с писателем, в моей жизни имеет огромное значение. Один тот факт, что в начале этой книги Вы не стали давать информацию о себе лично, уже говорит о Вашей искренности в этом деле. Я уверен, и Всевышний тому свидетель, что одной из главных причин того, почему эта книга так влияет на людей и западает им в душу (не считая ценность и величие самого мученика Борунси), кроется в Вашей честности и искренности.

4) Я искренне надеюсь, что эту книгу читает максимальное количество людей, в особенности из числа представителей молодёжи. Ни капли я не сомневаюсь в том, что мученик Борунси является наглядным примером для подражания, дух которого призывает каждого свободолобивого человека к тем идеалам, ради которых он жил и пал, как того и хотел. Хоть это и нельзя назвать большим вкладом с моей стороны в общее дело, однако, пока Всевышний даёт мне такую возможность, я всю свою жизнь буду рассказывать всем об этих героях. Знайте же, что если бы Всевышний не оказал бы Вам честь быть посредником между нами и историями жизни этих мучеников, то мы, скорее всего, никогда так и не познакомимся бы с ними и не узнали бы, чем они жили. Поэтому я всегда буду молиться за Вас, чтобы Всевышний облагодетельствовал Вас и даровал Вам наилучший удел по Своей воле.

Джавад Таджик, 12 мая 2006 года

۴۰ الله اعلم
 بهشت هوسى كتاب فاكهاى نام او شنگ نوشته فبا بگاسى لعمريه جان
 در وصف كويد بزرگوار اسلام كويد برونسى نوشته شه اسكرا مطالعه نمايد
 ميودست زندگى ارسى تغيير مي دهد . در اهل در مورد انجيب انستون پوره است .
 اين كتاب را به هوسى داره ام تا مطالعه كند او نتر اين نده آرا عقده من برده است .
 عبد الحمن
 ۱۳۸۵

Я нисколько не сомневаюсь в том, что если кто-либо прочитает книгу Саида Акеф, написанную о мученике Абдоль-Хусейне Борунси, то она непременно станет причиной того, что прочитавший её изменит свой взгляд на реальность и изменит образ своей жизни. По крайней мере со мной было именно так. Кому бы из своих друзей и близких я не давал эту книгу, после её прочтения они все соглашались со мной.

5 мая 2007 года

سید احمد
 حوزہ دل، دل کی شہینہ
 کتاب: خاکِ اسرار کو گندہ حوزہ دل انسا دعا ہے، واسے جمع و متن
 کی خوش فہم کہ ماہیت دوستی ہے۔ اسرارِ اسرار
 و آماںی نصیبِ بردبار! خوش بمان! فقط سرورِ اینو ہم
 باب باز بود!
 علی محمد
 ۰۷۱۱۳۰۵۷۰۲
 ۱۲/۱۲/۲۰۱۶
 ۸۶
 روایتِ اسرار
 مع دید کتاب - حکایتِ زمانہ و مردم - اسرارِ اسرار - ناچاراً کتاب توڑیم
 چونکہ آماںی نصیبِ بردبار! کتاب - حکایتِ زمانہ - حادی صبر و غیر قابل
 بیان بود - بلکہ زینتِ عالم - بلکہ برای قشنگی و سعادت و دیگر ایام
 نقشِ اسرار با دستِ خدا صحت شود، حادی نوران کرد

С именем Всевышнего

Assalamu aleykum. Вчера я купил книгу "Зимние истории", а сегодня уже закончил чтение. В своей жизни я прочитал три книги, и две из них написал Сауд Акеф. Книга "Зимние истории" такова, что я даже не могу описать её. Могу сказать лишь одно - она наглядно демонстрирует, на что способна настоящая вера.

Али Мохеймани, 86/2/21

بر تعالی
 برای قدم برداشتن در مسیر سلوک اثر کمالی که بر کسبهای
 نظری و تئوریک میبرد از هم در راه سلوک را از میان
 ماقول مختلف جدا پیدا کنیم کاری بس سخت خواهد
 بود چرا که مدت زیادی میطلبد که راه را با استقامت
 و آفتاب برای بجز به یاد میبریم
 اما من در تجربه شخصی خویش بهترین راه برای سلوک
 را نوشته برگزینم از زندگی نامه ها و روش های عملی و عبادی
 برستان یافته ام چرا که زندگی با آسودگی و ارتباط با آنها
 همیشه در شان دادن طریق راه سلوک بسیار موثر
 است بلکه خود ارتباط روحی برقرار کردن با این صاحب
 فغان، بهتر کند و مدد است برای موفقیت
 در این مسیر
 بنده کتاب شایسته نرم نوشتم را هم خودم در دستم
 تجربه کرده ام و بارها آن را خوانده ام اینقدر لطیف
 باشد
 محمد حیدری

С именем Всевышнего

Если человек хочет преодолеть путь духовного совершенствования и для этого займётся поиском правильной теории в этом направлении, без которой о практике не может быть и речи, то эта работа не будет для него лёгкой, потому как сказано очень много, а отделить правду от лжи могут далеко не все. Не говоря уже о том, что правильную информацию надо ещё и правильно понять.

Что касается меня, то на своём личном опыте я убедился, что наилучшим решением в этом деле является ознакомление с жизнью святых и праведников, изучение их образа жизни и их деяний, потому как это оказывает самое сильное воздействие на душу. Помимо прочего, сближение с духом этих святых людей само по себе является хорошим подспорьем на этом пути.

Я и мои хорошие друзья почитали Вашу книгу "Песчаные земли Кушка". Ни я, ни они даже представить не могли, какое место она займёт в нашей жизни. Огромное Вам спасибо за Ваши труды.

Хамид Джейхани

۱۲۱۰ در اسفند ماه سنه ۱۲۱۹، ۲۸ کتاب از آقایان
و همان شب تا صبح مشغول خواندن کتاب شدم.

سپاس

انصاف بیاموزید زنده بمانید شهید عبدالمسیح بیوسن را مطالعه کردم و شکر
مست ناکثر حضرت است اوقات این کار را فرستم
خداوند که از نویسنده کتاب آگاهی نسبی یافت که آن تفکر را داشته باشم
و آنکه در متن و همین شخصیتها در روزهای شوم از خصوصیات ایشان
مکرمه شده می شود بسیار خوشحالم که مادر زمان حیف نشاید بیفت حضرت
این را داشته ام در حدت منم و باطن خلوص نیست تا اصل است از اینها برتر
کیم و من وقتی که منم که اصل است سیزده و احوال طریقی دارند نیست تا اصل
عظیم لطف و عبادت خویش و در هیچ فکر کنی ~~تا اصل نیست~~ اصل نیست
علاقه مندی و لذت دینی هر چند که در حدیث و مشق بود و هر چه گوید
دارد دل ما می دو عالم حضرت زهرا (س) از نشاط برتر
می گردند و از ایشان مدد می خواهند و ایشان در سخت ترین عبادت
بیرونی هستند چنگد، می توان از آنجا دل زدود این دنیا نفس دور
در میان علم از علم برتران و همین آنگاه عکس که
اینچنین حضرت ~~شاید~~ داشته و همه دار علم هر روز در آورند
مشکر
والسلام

۲۱ شهریور ۱۲۵۰
تایید به ~~...~~
بیمار خانم

С именем Всевышнего

Я прочитал Вашу книгу "Песчаные земли Кушка". Вы не представляете, какое сильное воздействие на меня оказал добрый и искренний нрав мученика Абдоль-Хусейна Борунси!

Пользуясь случаем, я бы хотел выразить автору этой книги свою искреннюю благодарность. Один тот факт, что у людей появилась возможность познакомиться со столь знаменательной личностью благодаря Вашим усилиям, уже заслуживает всяческой похвалы. Мы, поколение, которое не удостоилось принять участие в войне, ввиду несоответствия или по другой причине, всё же не обделены возможностью быть свидетелями того, как представители пречистого семейства Пророка проявляют свою заботу о людях, что преданны их целям и идеалам. Вы описывали в этой книге то, как мученик Борунси в самых тяжёлых условиях на поле брани прибегал к заступничеству её светлости, госпожи Фатимы Захры, после чего он и его подчинённые буквально чудесным образом вырывали победу из рук противника, который всегда превосходили их числом и качеством вооружения. Разве после всего этого возможно, чтобы человек не полюбил этих непорочных людей и не устремился бы всем сердцем к ним и не отрезал бы все свои помыслы, что связаны с этим миром и всем тем, что в нём есть?

Ещё раз хочу поблагодарить Вас от всей души, Саид Акеф!

ПС. Вашу книгу я купил 11-го мая 2006-го года, и этой ночью до самого утра я был увлечён чтением.

Пайам Гиясванд, 13 мая 2006-го года

به نام آریستو شهداد

از تمام کتابهایی که خوانده بودم شهدای را انتخاب می‌کنم که سطح مراد
بالای دانش باشد مانند شهید میران، شهید حاج ابراهیم همت هاشمی
دیدیک شهید بیخ کدوس سواد به شهید پردیسی نگاه می‌کردم ولی می‌گویم که
کتاب خاکهای نرگ را خواندم شهیدم، یعنی سواد هیت یعنی فرهنگ
هیت یعنی اهل هیت هیت یعنی دیدمان هیت و معنای حلال و حرام هیت
حیطور می‌شود از شهادت چندانب و برای آن آماره شد و حیطور می‌نران
در زمان ملامت آن حلال پیدا کرد می‌با مهاجرت از سحر و دستار
چند شغل عوض کردن تا آنکه آن حلالی بدست آوردی بطور خلاصه این
کتاب واس شهید ترخان شیعه و دین اسلام در صک بودل هستی
است که می‌تواند رزندی ما عاقلان حوالی شگرف ایجاد کند از شما جدا -
آقای عارف که همدی با ی شهیدای رویدو ما آنها رزندی می‌کنند و عاقلان
امروز رانند و سعوت به همراهی با شهدای سید از طریق هنر نویسندگی تا آن،
همینا شگرمی کنم امیدوارم شما و ما نیز به آرزوی رفیع شهادت برسیم که
این البته اجر زهات زیاد شماست.

انشاء الله

۸۵، ۴، ۱۲، ۱۰

С именем Господа мучеников!

Когда я читал какие-либо книги, в которых описывался жизненный путь погибших на фронте, то я всегда старался выбирать таких людей, которые были известны своим высоким образованием и широтой жизненного кругозора. К примеру – доктор Чамран, Хаджи Ибрахим Хеммат и прочие. Когда речь заходила о Борунси, то в первую очередь в голову приходило, что всё его образование сводится к пяти классам начальной школы. Однако, когда я прочитал книгу «Песчаные земли Кушка», то тогда я понял истинную цену образования, равно как и культуры, представителей Семейства Посланника Божьего, и понимания того, что является дозволенным, а что греховным. Как так может быть, чтобы человек знал о месте и времени своей смерти, и в то же время был полностью готов к ней? Как возможно питаться исключительно дозволенной пищей в то время, когда правителем является нечестивец, понижывающий своим нечестием всю страну? Даже если речь идёт о том, чтобы человек менял своё место жительства и разные работы. Это ведь было делом практически нереализуемым, но мученик Борунси очень достойно прошёл через все невзгоды своей нелёгкой судьбы, дабы навсегда служить нам, слабым людям, наглядным примером для подражания.

Вы, уважаемый Саид Акеф, идёте в точности вслед за мучениками, и более того – ведёте по их стопам всех нас, Ваших читателей. Я искренне благодарю Вас, и не в последнюю очередь за Ваше прекрасное владение пером, так, что Вы можете в наилучшей форме передать всё то, что узнали.

Садыг, 3 июля 2006 года

بیتاریخت

هیچر دیند زلفی (در فضا انبیا) محبتش با من مودت
 من از آن است که من این صفت بطور منصفانه نگاهت کنم
 بر رفتنت این دروغ هم درم سدد و نوبت ما را نشد زنگار در دل
 در این صفت منصفانه اگر کسی از این صفات نگوید چه ضرر
 از بهر این صفات سوره باشد در حق ما باشد در آنجا
 به نفع این دنیا و آخرت هر چه باشد نگاهت شده است منصفانه
 زان روشت این صفت است با آنکه در حق من صدق
 دل ما از آن است که ما

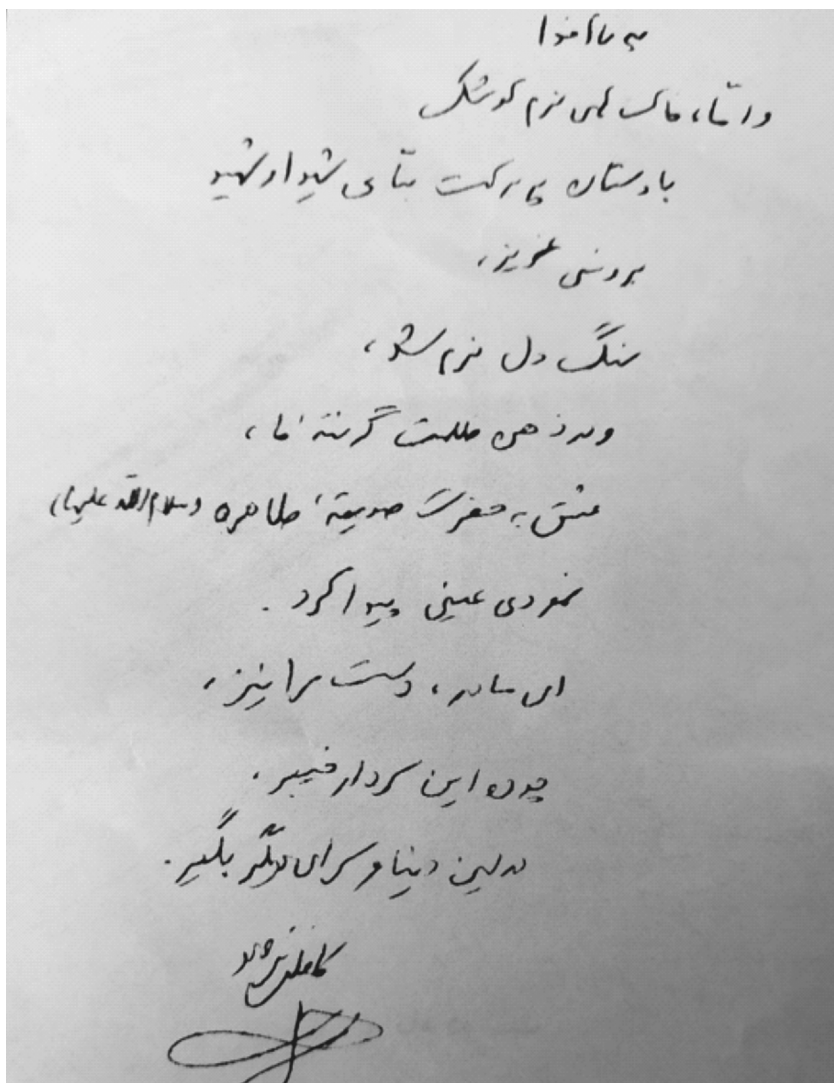
شما

در این صفت
 ۱۴ / ۵ / ۸۲
 در این صفت

Во имя Любви

Выражаю своё почтение перед всеми, кто способствовал созданию этого труда, в особенности Саидом Акеф, и благодарю всех вас. В целом все книги, написанные о жизни мучеников, в наше время весьма полезны, так как их чтение снимает с сердец сажу, что скопилась на них по прошествии такого количества времени. При том же условии, что сам автор в полной мере пропустил все эти истории через своё сердце и сопереживал героям своей книги, озвученный выше эффект значительно усиливается. Именно к таким книгам я бы отнёс «Песчаные земли Кушка». Желаю всего наилучшего всем тем, кто приложил усилия на пути ознакомления людей со своими героями и мучениками.

Байрами, 9 мая 2007 года

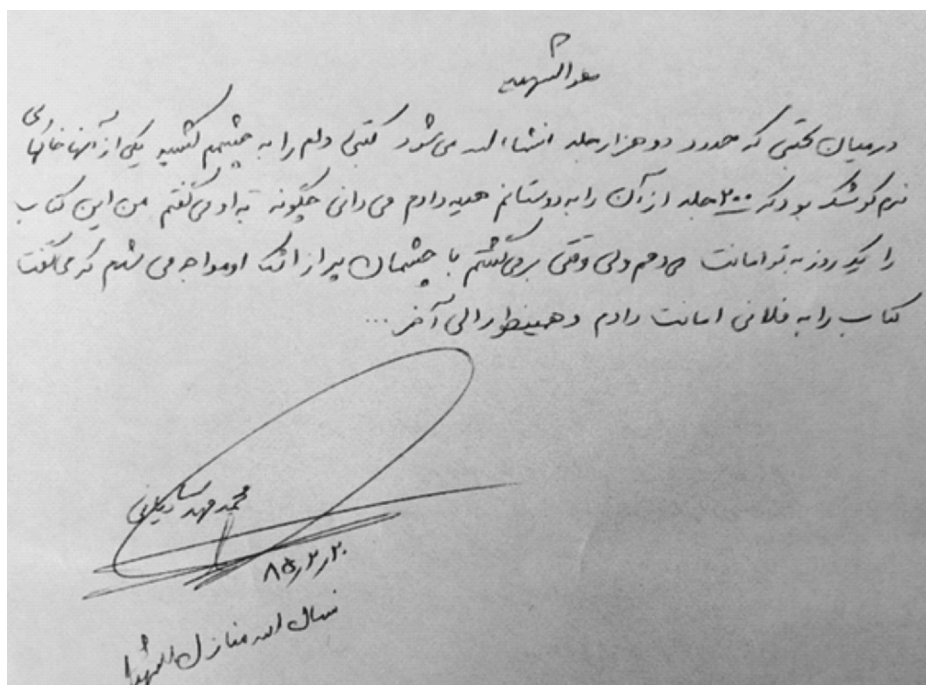

С именем Господа

Что касается книги «Песчаные земли Кушка», то благодаря истории о великом мученике Абдоль-Хусейне Борунси из сознания нашего удалась тьма и в сердце с новой силой вспылала любовь к её светлости Фатиме Захре.

О, Фатима! Прошу тебя, возьми нас за руку и веди, подобно тому, как ты вела и направляла поступь мученика Борунси, как в этом мире, так и в последнем!

Кафули Нежад

Он - истинный свидетель!

Из общей сложности прочитанных мною книг, число которых достигает около двух тысяч, лишь некоторые из них сумели проникнуть в самую глубину моего сердца. Одна из таких книг – «Песчаные земли Кушка», которую я купил в количестве двухсот экземпляров и раздарил их своим друзьям и близким.

Знаете ли Вы, с какими словами я их дарил? Я говорил им всем, что даю эту книгу на один день, за который они должны её прочитать, а после этого – вернуть её мне. Когда же я приходил к ним вновь, то видел их плачущими, и когда спрашивал о том, как им понравилась книга, то они говорили мне, что отдали её на чтение кому-то другому, и так эта цепочка шла всё дальше и дальше.

Мухаммад Махди Дияни

« هو الجمیل »

حفظ کرده در ابتدا اوصاف و تبلیغاتی را راجع به کتاب حکایت زمستان شنیدیم، حقیقتش اول آنها را مثل غالب تبلیغیهایم که چندین بار بودیم از واقعیت نبوده اند، تلقی کردم؛ اما هرگاه که چند نفر از دوستان و آشنایان کتاب را خوانده بودند، از فوق العادگی آن و کتاب خاکها را نرم کوشک چیزهایم بسیار من تعریف کردند، تشویق شدم به نوشتن کتاب و ابتدا حکایت زمستان و بعد هم خاکها را نرم کوشک را خواندم؛ فقط می توانم بگویم لطف خدا و لطف اهل بیت (علیهم السلام) شامل حال صاحب این تلمع شده است؛ انصافاً هم کتاب حکایت زمستان و هم کتاب خاکها را نرم کوشک در جذابیت فوق العاده بودند و در ایجاد شور و شعور، کم نظیر! بعد از آن بنده توفیق داشتم تا بحار مسافر ملکوت، کلید فتح ستارخ و نسیم تقدیر را نیز بخوانم؛ به جزات می توانم بگویم که آنها هم همین خصوصیت را داشتند. امیدوارم که از این نویسنده گرامی به این اوضاع و احوال فرهنگی ای که می آید، گسترش یافته است، همچنان شاهد آثار ارزنده این نویسنده باشیم.

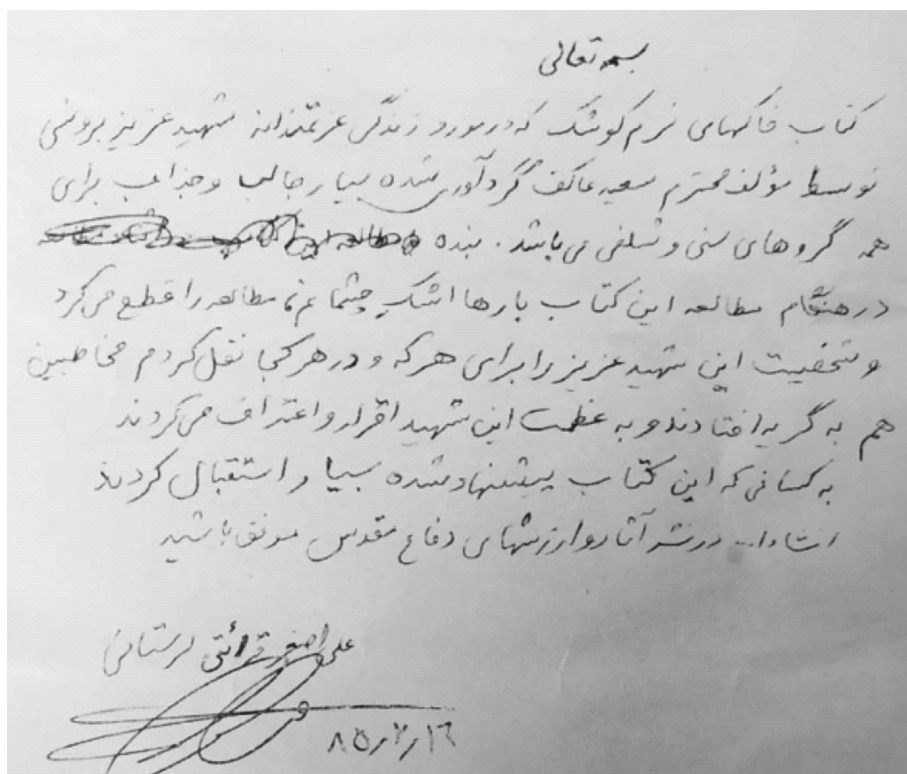
باشکر خاطرۀ نویی
۸۵/۱۰

Он - истинный свидетель!

Он есть истинная красота

Когда я впервые услышал о книге «Зимняя история», то я сразу же подумала, что это очередная книга из серии тех, от которых правдой даже не веет. Однако позже несколько моих хороших друзей очень хорошо отозвались об этой книге, а также книге «Песчаные земли Кушка». Благодаря их оценке я сама захотела их прочесть, что почти сразу же и сделала – сначала книгу «Зимняя истории», а затем «Песчаные земли Кушка». Могу сказать наверняка одно – в написании этих книг автору точно благоволили представители семейства Пророка. Обе эти книги были одними из тех редких, которые сразу же привлекают читателя, а по прочтению оказывают на него сильное влияние.

После этого я также прочитала такие книги, как «Странствие за мирские пределы», «Секрет освобождения Бостана» и «Роковой ветер». С уверенностью могут сказать, что эти книги также обладали тем особым содержанием и духом, которым обладали и две предыдущие. Я искренне надеюсь, что такой замечательный автор, как Вы, время которого я ныне отнимаю, ещё не раз порадует нас своими трудами. С благодарностью, Хатере Бозорги.

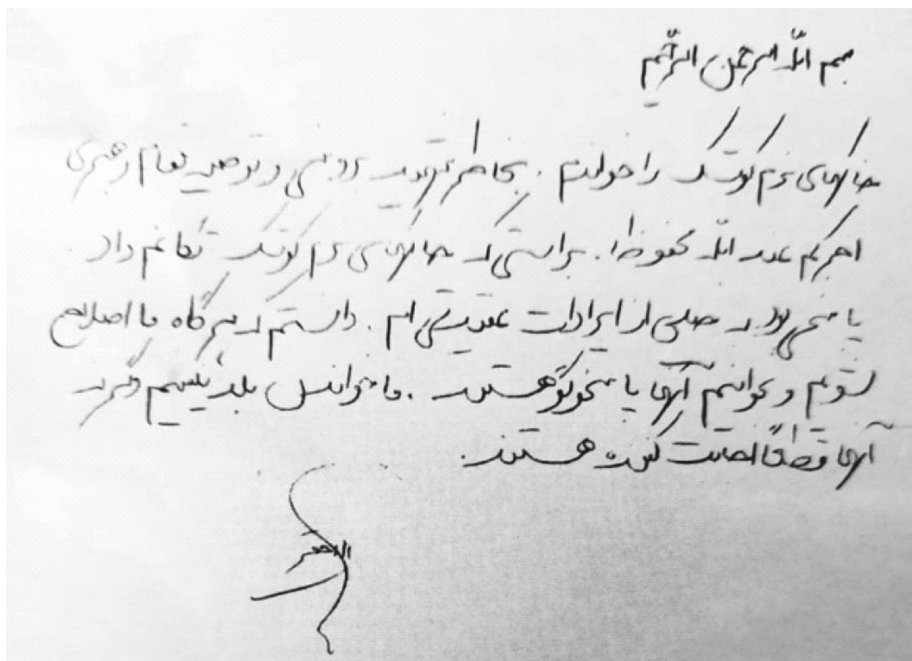
С именем Всевышнего

Книга «Песчаные земли Кушка», написанная уважаемым Саидом Акеф о жизни мученика Абдоль-Хусейна Борунси, представляет собою интерес для самого широкого круга читателей. Пока я сам читал эту книгу, то не один раз было такое, что из-за плача я прерывал чтение, и кому бы я ни рассказывал истории этого воина, всегда и везде реакция была одна – все начинали плакать.

Я желаю Вам успехов в деле распространения культуры истинного благородства, которое было проявлено нашими защитниками во время этой священной обороны.

Али Асгар Кираати

С именем Аллаха, Милостивого, Милосердного
Совсем недавно я прочитал Вашу книгу «Песчаные земли Кушка»,
рассказывающую о жизни мученика Борунси. Молю Бога о том, чтобы он
наградил Вас за тот труд сполна. В действительности, эта книга
послужила для меня в жизни хорошим толчком. В ней я нашёл ответ на
многие мучившие меня вопросы, связанные с идеологией. Я со всей
полнотой осознал, что представители семейства Пророка обязательно
ответят нам на любую нашу просьбу, если только мы сами исправим свои
души и помыслы. Вся проблема заключается в том, что мы не умеем
просить правильно, а не в том, что они нас не слышат или не хотят
исполнить нашу просьбу по Божьей воле.

Аль-Ахкар

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО АВТОРА К ПЕРВОМУ ИЗДАНИЮ

*Коль светом божественным человек засияет,
То пред ним и всяк ангел чело преклоняет
Ещё за несколько дней до того, как пасть мученической смертью, Борунси не раз говорил о том, что на предстоящей операции «Бадр» он должен покинуть этот мир. Иногда он говорил об этом так, как если бы у него не было и тени сомнения в этом: «Если я не стану на этой операции мучеником, то можете сомневаться в том, что я – мусульманин!». Более того, некоторые передают также и то, что он знал как дату, так и точное место, где он погибнет.*

В жизни Абдоль-Хусейна Борунси было не мало случаев, которые вызывают искреннее удивление. Если говорить о том, что больше всего привлекает нас в этой личности, так это попытка понять – что же послужило залогом того, что он достиг столь великого успеха и приобрёл столь высокое положение.

Абдоль-Хусейн Борунси, на первый взгляд, был обычным строителем, которого не единожды подвергали пыткам в дореволюционный период во время правления иранского шаха за его деятельность на пути Исламской революции. После победы Исламской революции в Иране Абдоль-Хусейн Борунси так хорошо проявляет себя, что становится очень известным, как среди своих, так и среди врагов, причём последние даже назначают награду за его голову.

Что касается сокрытой от взоров стороны, того стержня, который послужил единственно возможной причиной его успеха, то это его беспрекословное подчинение воле Всевышнего и знание сути настоящего служения своему Творцу.

Единственной причиной, по которой он был удостоен столь большого внимания со стороны представителей пречистого семейства Пророка в целом и имама нашего времени в частности, была его предельная преданность их делу, беспрекословное подчинение и искренность во всем том, что он делал на этом пути. Итогом этого является всё то, с чем Вы, уважаемый читатель, сможете ознакомиться в ходе ознакомления с книгой.

Данная работа является попыткой ознакомить читателя хотя бы в малой степени с жизнью мученика Абдоль-Хусейна Борунси. Также с помощью этой работы мы бы хотели наглядно продемонстрировать ту простую истину, что покуда на этом свете есть истинные верующие – последователи семейства Пророка - любая идея, ставящая своей целью уничтожение истины, никогда не будет реализована.

Саид Акеф.

Ахмад Дехган

ПЕСЧАНЫЕ ЗЕМЛИ КУШКА

Перевод с персидского М.С. Изарипов

Редактор перевода Н.Г.-А. Мамед-заде

Помни Хусейна

Pomnihuseyna

Отпечатано ООО «Медиаграф».
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14.69. Тираж 500 экз.
Заказ №55 от 10.08.2020

www.media-polis.ru

г. Ростов-на-Дону
2020 г.